

ЭПОХИ И СТРАНЫ

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. И. КАРЕЕВА и Е. В. ТАРЛЕ.

338Б
К904

Проф. И. М. КУЛИШЕР.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС

в Западной Европе в XVI—XVIII ст.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «БРОКГАУЗ-ЭФРОН»

ПЕТРОГРАД

1922.

1172415

Иосиф Михайлович Кулишер

1.08.1878, Киев, 17.11.1933 (1934?), Ленинград

**ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И РАБОЧИЙ КЛАСС
в Западной Европе
в XVI-XVIII ст.**

Пг.: издательство «Брокгауз-Эфрон». 1922

Тематически связанные материалы в нашей библиотеке:

Лучинский Ю. Условия труда во Франции с 1700 по 1948 гг.

<http://istmat.info/node/28151>

Потемкин Ф.В. Промышленная революция во Франции.

T.I. От мануфактуры к фабрике

<http://istmat.info/node/28152>

T.II. Положение трудящихся масс и социальные движения

<http://istmat.info/node/28153>

Грацианский Н.П. Рабочие и крестьянские движения в средние века

<http://istmat.info/node/28254>

Лотте С.А. К проблемам классовой борьбы в эпоху феодализма:

классовая борьба в цехах

<http://istmat.info/node/29495>

Быков Г.И. Английский рабочий класс во второй половине XVIII в.

и в первой половине XIX в.

<http://istmat.info/node/30455>

Лотте С.А. Рабочий вопрос в Лионе накануне революции

<http://istmat.info/node/29494>

Кожокин Е.М. Французские рабочие:

от Великой буржуазной революции до 1848 г.

<http://istmat.info/node/28156>

Моносов С.М. Два восстания лионских рабочих

<http://istmat.info/node/28441>

Веб-публикация: *Vive Liberta и Век Просвещения, 2014*

Предисловие к первому изданию
Предисловие по второму изданию

Введение. Характер промышленности в средние века

I. Ремесло и цеховой строй в средние века

Ремесло как характерная форма производства в средние века. Монополия ремесла на городском рынке. Стеснения привода произведенных вне города товаров. Цеховая организация в средние века. Характер цеховой исключительности. Стеснение доступа в цех посторонних лиц. Позорящие занятия. Требование законного и свободного происхождения. Высокие вступные взносы. Пробная работа. Угощение членов цеха. Обязательность владения имуществом. Ограничение числа членов.

II. Образование в средние века постоянного рабочего класса подмастерьев. — Заработная плата. — Продолжительность рабочего дня

Возникновение рабочего класса одновременно с образованием цехов. Столкновения между мастерами и подмастерьями в немецких городах в XIV ст. Социальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франции. Борьба с союзами подмастерьев и стачками в Англии. Эшли и М.М.Ковалевский о существовании рабочего класса в средние века. Заработная плата. Установление максимальной платы для подмастерьев цеховыми мастерами. Запрещение платить более высокое вознаграждение. Чрезвычайная продолжительность рабочего дня в средние века. Работа продолжается с восхода до заката солнца, 11—16 часов, ночная работа. Заключение.

A. Домашняя или кустарная промышленность

Глава I. Переход от замкнутого городского хозяйства к территориальному хозяйству.

Средневековый город как самодовлеющее целое; ввоз промышленных изделий во второй половине XV и в XVI ст. Франция; Париж, Тур. Сосредоточение шерстяной промышленности в немногих местностях в XVII ст. Страсбург, Любек. Безуспешная борьба цехов с привозом в город фабрикатов. Экспорт нюрнбергских изделий. Свобода обмена внутри Англии. Итальянские города. Разделение труда между различными местностями. Самодовлеющий город заменяется самодовлеющим государством. Таможенная политика последнего. Усиление конкуренции внутри государства в XVII—XVIII ст. Отмена внутренних таможен. Меркантилизм. Изменения в характере и размерах обмена и появление вексельного и фондового рынка. Почта. Меры к облегчению транспорта товаров. Водные пути. Искусственные водные сооружения во Франции, Пруссии и Англии. Сухопутные пути сообщения. Скорость перевозки.

Глава II. Появление конкуренции в торговле и влияние ее на цены

Возникновение международной торговли промышленными изделиями. Контрабандный характер ее. Усиление контрабанды в XVII—XVIII ст.; контрабандный ввоз промышленных изделий в Англию, Францию, Пруссию, Австрию. Саксонская промышленность. Общее повышение уровня цен в XVI—XVII ст. Цены промышленных изделий понизились по сравнению с ценами других товаров. Цены на сырье значительно возросли по сравнению с ценами фабрикатов. Сокращение части цены, представляющей собою прибыль и заработную плату. Понижение прибыли на единицу товара компенсируется возрастанием в сумме; расширение производства.

Глава III. Возникновение кустарной или домашней промышленности

Превращение самостоятельного ремесленника в кустаря, сбывающего свои произведения скупщику. Зачатки переворота относятся к средневековому периоду.

Ограниченность городского рынка. Сбыт продуктов на ярмарках. Борьба городов с работой цеховых мастеров по заказу других мастеров. Возникновение кустарной промышленности вне городов. Стеснение ввоза промышленных изделий средневековыми городами. Кустарная промышленность возникает лишь в местностях, обладающих фактической монополией в данной области. Размеры распространения кустарной формы производства в средние века. Северная Германия. Южно-германские и северо-французские города. Нидерланды. Италия. Англия. Влияние условий рынка. Необходимость иной организации сбыта. Появление класса купцов. Отделение прибыли от заработной платы.

Глава IV. Ремесло и кустарная промышленность. — Казенные и частные предприятия. — Техника XVII—XVIII ст.

Промыслы, сохранившие ремесленный характер. Промыслы, приобретшие форму кустарной промышленности. Новые отрасли производства. Предметы роскоши. Кустарная промышленность в производстве предметов, необходимых для армии. Массовый спрос, однообразные товары. Предметы вооружения. Металлургическая промышленность. Обмундирование. Субсидии частным предпринимателям. Казенные предприятия. Отсутствие капиталов в Австрии и Германии. Предприятия, устроенные при Фридрихе Вел., Силезская промышленность. Другие немецкие государства. Австрийские предприятия. Иной характер предприятий в Нидерландах и Англии. Обилие свободных капиталов. Техника до эпохи появления машин. Отсутствие связи с естественными науками. Суеверия. Таинственность. Алхимия. Улучшения в области военного дела

Глава V. Образование класса скупщиков-капиталистов в XVI—XVIII ст.

Только член цеха может сбывать произведенные цеховыми мастерами товары. Недопущение купцов. Борьба оканчивается победой последних. Первые скупщики Ганзейские города, Нюрнберг. Париж. Вюртемберг. Торн. Галле. Магдебург. Бавария. Лион. Появление нового вида разделения труда в конце средневекового периода (Productionsteilung). Цех, производящий конечные операции, захватывает в свои руки сбыт изделий. Превращение ремесла в кустарную промышленность и образование класса скупщиков-капиталистов в производстве металлических изделий. Производство холодного оружия в Золингене. Ножевый промысел в Золингене. Ножевое производство в Тюрингии. Иголочный промысел в Швабах. Слесарно-замочный промысел в Бирмингеме и Шеффилде. Развитие кустарной промышленности из ремесла в текстильном производстве. Превращение сукновалов в суконщиков во Франции и Англии. Обязательность семилетнего ученичества для суконщиков в Англии. Образование класса скупщиков предпринимателей в баденской и вюртембергской текстильной промышленности. Констанц, Пфорцгейм, Кальв. Скупка изделий мастерами в Австрии. Отрасли промышленности, где сбыт всегда находился в руках купцов. Шелковая промышленность и соединенные с нею производства. Константинополь. Итальянские города. Базель. Цюрих. Лион. Нидерланды. Крефельд. Берлин. Кустарная промышленность — господствующая форма производства в XVII и XVIII ст. Цехи сохраняются, но теряют свое значение. Франции Германия, Нидерланды. Англия. Швейцария.

Глава VI. Состав рабочих в области кустарной промышленности

Расширение класса несамостоятельных рабочих в XVI—XVIII ст. Увеличение числа цеховых учеников и подмастерьев. Нарушение цеховых привилегий. Появление новых элементов. Городские привилегированные мастера: другие категории городских цеховых мастеров. Иностранцы, переселяющиеся из различных стран. Лица, самовольно принявшиеся за производство промысла. Участие женщин и детей в кустарной промышленности. Значение сельских жителей для развития новин промышленности. Сельская промышленность в Англии. Борьба между городскими

цехами и сельским населением. Распространение суконной промышленности в селах. Другие отрасли производства. Сельские промыслы во Франции; фактическое распространение их до половины XVIII века; деревенская кустарная промышленность в XVIII веке. Соединение промыслов с земледелием. Сельские промыслы в Пруссии. Распространение их, связь с земледелием, Силезия. Текстильная промышленность Пфорцгейма, Кальва, Фохтланда. Распространение пряденья и ткачества в австрийских деревнях. Меры поощрения. Цехи. Вопрос о распределении промыслов между городом и деревней. Сельский характер швейцарской промышленности. Сходство между нашей кустарной промышленностью и западно-европейской.

Глава VII. Кризисы и безработица

Колесания в производстве и превышение предложения рабочих рук над спросом. В периоды зстоя скупщики прекращают приобретение товара у кустарей. Безработица в Саксен-Мейнингене. Политика кальвской компании: недостаток заработка. Базель. Промышленные кризисы в Англии в XVI и XVII ст. Волнения среди рабочих. Принудительные меры Фридриха Вел. по отношению к предпринимателям. Кризисы в лионской шелковой промышленности и безработица. Недостаток работы в других французских городах.

Глава VIII. Взаимные отношения между предпринимателем и рабочими

Стремление скупщиков подчинить кустарей своей власти. Ограничения, установленные для мастеров в немецких и итальянских городах Венеция. Генуя. Пиза. Зависимость кустарей от скупщиков в флорентийской шерстяной промышленности. Власть скупщиков в лионской шелковой промышленности. Запрещение кустарям самостоятельно сбывать свои изделия. Две корпорации (скупщиков и кустарей) в Германии. Прикрепление кустарей к определенной корпорации скупщиков. Тюрингия. Бавария, Моравия, Эльзас, Саксония, Вюртемберг. Меры, принятые кальвской компанией: обширная власть последней над рабочими. Зависимость рабочих в Золигене и Зигене. Разграничение между производством и торговлей в Австрии. Запрещение кустарями сбывать свои изделия потребителям. Вопрос об отмене этих стеснений. Значение конкуренции между скупщиками при сбыте товаров.

Глава IX. Мероприятия государства с целью понижения заработной платы

Как устанавливается заработная плата в XVI—XVIII ст. Английские писатели XVII—XVIII ст. настаивают на высоких ценах на хлеб и низкой заработной плате. Возражения Адама Смита. Соответствие между теорией и практикой. Установление максимума заработной платы мировыми судьями. Действительная плата несколько выше установленной. Регулирование заработной платы в суконной промышленности. Суконщики-предприниматели в качестве мировых судей, определяющих плату рабочих. Установление максимальной платы во Франции. В чем заключается сила лионской промышленности? Стремление к сокращению заработной платы в Австрии и Пруссии. Порядок установления заработной платы в Вюртемберге. Зависимость правительства от скупщиков. Влияние установленного максимума на высоту заработной платы.

Глава X. Уменьшение заработной платы в XII—XVIII ст. — Расплата товарами. — Продолжительность рабочего дня. — Стремление к распространению труда женщин и детей

Сокращение реальной заработной платы в XVI—XVII ст. по вычислениям Бибе. Уменьшение реальной платы в Англии. Понижение заработной платы в Вюртемберге. Вычисления д'Авенеля относительно номинальной и реальной платы во Франции в XVI—XVIII ст. Размеры задельной платы промышленных рабочих во Франции. Вычеты из платы, производимые факторами посредниками. Truck-system. Отсутствие запрещенной расплаты товарами в Англии в XVI—XVII ст. Расплата товарами в Германии. Стремление к удлинению рабочего дня. Английские законы о минимальном рабочем дне.

Действительный рабочий день в Англии. Продолжительность работы в немецких городах, в Австрии, Франции (11—16 часов рабочий день). Стремление лучших людей к применению женского и детского труда в промышленности. Ролан де-ла-Платьер. Герникк. Юсти. Меры Фридриха Великого и Марии-Терезии. Широкое пользование трудом малолетних на континенте и в Англии. Уаррантон. Дефоз. Причины такого отношения к труду малолетних. Эксплоатация труда малолетних, получаемых из домов призрения, на фабриках и до появления фабрик. Отдача малолетних приходами кустарям и Англии. Эксплоатация сирот и подкидышей во Франции.

Глава XI. Общее положение рабочих в кустарной промышленности

Тяжелое положение рабочих в английской шерстяной промышленности. Печальные условия во Флоренции и Генуе. Материальное положение предпринимателей и рабочих в Германии. Ульм. Силезия. Вюртемберг. Благосостояние предпринимателей. Нищенские условия жизни рабочих-кустарей. Состоятельность скупщиков в Лионе; безвыходная нужда лионских рабочих. Противоположность регламентов кустарной промышленности XVI—XVIII ст. фабричному законодательству XIX века. Неправильный взгляд Шмоллера. Период так назыв. первоначального накопления у Маркса.

Б. Централизованные мануфактуры в XVII—XVIII ст.

Глава I. Понятие мануфактуры прежде и теперь. — Централизованные мануфактуры, устроенные иностранцами.

Понятие мануфактуры в XVII-XVIII ст. Мануфактура и фабрика — синонимы. Понятие централизованной мануфактуры в современной науке. Возникновение первых мануфактур. Конкуренция с цехами. Королевские и герцогские мануфактуры. Превращение первоначальных промышленных заведений в действительные централизованные мануфактуры. Значение переселений промышленных элементов XVII—XVIII ст. и покровительство правительств новым переселенцам. Столкновения иностранцев с цехами и защита первых государством. Первые мануфактуры во Франции. Луврская галерея. Причины ее возникновения. Характер производства вначале и впоследствии. Мануфактура гобеленов. Другие привилегированные мануфактуры. Первая австрийская мануфактура. Цель учреждения ее. Возникновение мануфактур в Нидерландах и в Пруссии

Глава II. Мануфактуры с несвободным трудом

Возникновение централизованных мануфактур в домах призрения, тюрьмах, работных делах. Соединение сиротских приютов с неисправительными заведениями и домами умалишенных. Устройство мастерских в этих учреждениях. Германия. Нидерланды. Австрия. Франция. Английские работные дома. Борьба с безделием. Учение пуритан. Цель устройства работных домов и тюрем. Бродячее население. Амстердам. Исправительные и работные дома - те же мануфактуры. Базель. Бремен. Голландские мануфактуры в исправительных домах. Отдача мануфактур с принудительным трудом на откуп предпринимателям. Посылка детей из сиротских приютов в распоряжение предпринимателей. Необходимость отрешиться от современной точки зрения на принудительный труд в тюрьмах. Заработная плата несвободных рабочих; неправильный взгляд Гиппеля.

Глава III. Мануфактуры, возникшие из более ранних форм производства

Двойкий способ образования централизованных мануфактур по Марксу. Значение теории Маркса и пробелы в ней. Невозможность объяснения образования мануфактур из других форм производства в случае принятия теории Маркса. Разделение производства в кустарном промысле и расчленение труда на мануфактуре. Смешанные предприятия — переход некоторых операций на мануфактуру. Постепенное возникновение централизованных мануфактур из кустарного производства в

Вюртемберге. Кальвская компания. Медленность перехода. Ситцевая «фабрика» в Зульце. Ее организация. Редкость централизованных мануфактур, возникающих генетически в старых отраслях производства Вюртемберг. Баден. Франция. Бавария. Кустарная промышленность и мануфактуры с несвободным трудом. Отказ свободных рабочих идти на мануфактуры. Бельгийские мануфактуры (анкета 1764 г.). Незначительность числа централизованных мануфактур во Франции. Отдельные случаи. Смешанные формы с преобладанием раздачи заказов кустарям. Редкость мануфактур в Англии.

Глава IV. Выводы централизованных мануфактур. — Разделение труда на мануфактурах

Факторы-посредники и утайка материала кустарями. Злоупотребления факторов и обманы кустарей в Шварцвальде. Ахен. Крефельд. Борьба с утайкой материала в Англии. Сокращение этих злоупотреблений при переходе к мануфактуре. Расчленение труда на мануфактуре. Сочинение Адама Смита предшествует появлению машин. Огромное значение, придаваемое им разделению труда. Выгоды разделения труда по Смиуту. Булавочная мануфактура. Почему он выбрал именно эту отрасль производства? Взгляд Смита на влияние разделение труда на благосостояние народа. Разделения труда как источник прибыли у Смита. Учение Голля об эксплуатации труда.

Глава V. Положение рабочих на централизованных мануфактурах. — Прикрепление рабочих к мануфактуре. — Продолжительность рабочего дня. — Эксплоатация труда женщин и малолетних

Положение рабочих на королевской зеркальной мануфактуре во Франции. Полное прикрепление их к мануфактуре. Преследование беглых. Тяжелая дисциплина. Прикрепление рабочих к мануфактурам в других случаях. Примеры. Вотчинные мануфактуры. Женский и детский труд на свободных мануфактурах. Kinderhauser на австрийских мануфактурах. Бедственное положение детей; 13—14-часовой рабочий день малолетних, условия жизни малолетних. Отношение правительства.

Заключение

Переход к новой технике и организации хозяйства. Промышленные монополии в Англии в XVI—XVIII ст. и уничтожение их с конца XVII века. Сохранение их на континенте Европы до конца XVIII и начала XIX вв. Остатки цеховых привилегий в Англии в XVIII ст., их постепенное исчезновение. Свободная конкуренция в сфере английской хлопчатобумажной промышленности. Дух свободной конкуренции на континенте Европы. Швейцарская хлопчатобумажная промышленность в конце XVIII ст.; требования свободной торговли. Положение рабочих в первый период фабричной промышленности. Перемены в этом отношении с половины XIX века.

Предисловие к первому изданию.

В состав моего сочинения „Эволюция прибыли с капитала“, т. I, входил ряд глав по истории промышленности в XVI—XVIII ст. Так как этот первый том в настоящее время совершенно распродан, то я и решил выпустить ту часть его, которая касается промышленности и рабочего класса в XVI—XVIII ст., в исправленном виде в качестве самостоятельной книги.

Во введении к настоящей книге дается общий обзор промышленности предшествующей, средневековой эпохи. Характеристика средневекового городского строя и средневековой торговли имеется в двух книгах А. К. Дживелегова („Средневековые города в Западной Европе“ и „Торговля на Западе в Средние Века“), входящих в состав „Истории Европы по эпохам и странам“. Наконец, анализ цехового строя (как и других сторон средневекового хозяйства) читатель найдет в моей „Истории экономического быта“ *). В последней дается и характеристика того общего фона хозяйственной жизни, на котором развивалась промышленность в XVI—XVIII ст. (отделы населения, аграрного строя, торговли, кредита и путей сообщения).

К настоящей книге приложен краткий указатель литературы, который даст возможность интересующимся ближе ознакомиться с предметом.

1911 г.

*) I. M. Кулишер, «Лекции по истории экономического быта». Изд. 5-е. СПб. 1918 (изд. 6-е печатается).

Предисловие ко второму изданию.

Во втором издании сделаны в различных местах более или менее значительные дополнения, но по существу книга сохранила свой прежний характер. В частности последним вызвана невозможность ссылок на сочинения, из которых заимствованы приведенные факты; пришлось попрежнему ограничиться общими указаниями литературы или указанием того или иного сочинения в тексте. Важнейшие дополнения сделаны в отд. А гл. V, VI, VII, VIII, IX, X, в отд. Б гл. II, III, IV и в литературе.

Книга и теперь ограничивается выяснением условий возникновения и развития так назыв. крупной (капиталистической) промышленности (кустарного производства и мануфактур) в эпоху, предшествующую машине и фабрике, при чем особое внимание уделено условиям труда *).

Октябрь, 1921 г.

*) Относительно всего прочего см. мои «Лекции по истории экономического быта», где подробно рассмотрены новые течения в организации предприятия к концу этой эпохи (отдел «Переходный период»).

Введение.

1. Ремесло и цеховой строй в средние века.

В средние века господствующей формой промышленности является цеховое ремесло. Прежде всего, это было ремесло, т.-е. мелкое производство для местного рынка, изготовление продукта непосредственно для потребителя, производство в небольших размерах с незначительным количеством помощников (учеников и подмастерьев) и с личным участием хозяина в физической (исполнительной) работе. Оно принимало двоякую форму. Либо оно представляло собою так назыв. работу на заказ, где изготавливается продукт по заказу потребителя из принадлежащего последнему материала. Либо мы находим ремесло в тесном смысле, производство для продажи, работу на сбыт, где обрабатывается собственный материал производителя, и готовый продукт он сбывает сам (без всяких посредников) потребителю. В то время, как при работе на заказ производитель получает лишь вознаграждение за свой труд, ремесленник в тесном смысле владеет средствами производства и продает за определенную цену готовый продукт, составленный из доставляемого им же материала и вложенного в него труда. В позднее средневековье развивается именно эта вторая форма ремесла, постепенно вытесняя работу на заказ.

Характерную черту средневекового ремесла составляет то, что ему предоставлена в значительной мере монополия на городском рынке. Произведениями его удовлетворяются потребности населения как городского, так и деревенского. Город не должен зависеть от иногородней промышленности: промышленные изделия, изготовленные вне города, не должны

конкурировать на городском рынке с произведениями местного ремесла. „В средние века господствует принцип, что товары должны производиться в самом городе, а не привозиться из других мест; поэтому ввоз промышленных изделий всячески затрудняется путем ввозных пошлин, запрещений ввоза и стеснений продажи их в городе. Только предметы роскоши, составлявшие специальность некоторых местностей, допускались к ввозу“. Этому правила придерживались повсюду, как в Германии, так и во Франции, в Нидерландах, в Англии и в других странах.

„В городских статутах, в решениях городских ратуш, в цеховых уставах—говорит Инама-Стернегг („Deutsche Wirtschaftsgeschichte“. В. III. Т. 2)—содержится целый ряд постановлений, которыми ввоз известных промышленных изделий либо вовсе запрещается, либо не допускается в определенное время, с целью облегчить местной промышленности сбыт на городском рынке. Отчасти эти постановления находятся несомненно в связи с теми ограничениями в правах в области торговли и промышленности, которым вообще подвергались иногородние; однако, и городские купцы, розничные торговцы и ремесленники ограничивались в сбыте произведенных вне города товаров, когда этого требовали интересы городской промышленности“. „Гостям, т.-е. иногородним купцам,—говорит он в другом месте—разрешается продавать товары на городском рынке лишь в течение трех дней в году. Но цехи старались устранить и эту незначительную конкуренцию посредством запрещений всякого ввоза изделий, произведенных вне города. Другие цехи добивались того, что им поручался осмотр привозимых в город изделий, что иногородним запрещалось торговать в розницу, и для последних устанавливался целый ряд всевозможных ограничений“.

В Любеке, в Данциге, во Франкфурте-на-Майне и в других городах существовали специальные постановления, которыми местным жителям запрещался ввоз промышленных

изделий. В Парме, по статуту 1211 года, все ввозимые в город шерстяные изделия и сукна отбирались магистратом и сжигались. Во Флоренции был запрещен ввоз сукна. В Венеции мы находим запрещение ввоза стеклянных и шелковых изделий. В Париже и Руане не дозволялось ввозить вино: хлеб (испеченный) и сукно можно ввозить лишь по субботам, другие товары, привезенные купцами, могут продаваться лишь оптом, целыми тюками, тысячами, по двенадцати дюжин и т. п. Брюссельские слесаря, ножовщики, портупейные мастера добиваются установления запрещения ввоза фабрикатов, произведенных вне города. В Англии иногородние не только сильно ограничены относительно времени и места сбыта товаров, но и все привозимые ими изделия подлежали осмотру старшин соответствующего ремесла, которое было заинтересовано в устранении иногородней конкуренции; во многих случаях и часть конфискованных товаров, признанных негодными, поступала в пользу старшин цеха, что создавало новый стимул к недопущению сбыта произведенных вне города промышленных изделий.

Но точно также не допускалось производство промышленных изделий в сельских местностях. Деревенские жители должны были приобретать необходимые им промышленные изделия в городе. Городские ремесленники строго следили за этим и если узнавали, что в окружных селах производятся промышленные изделия, то производили нападения на дома, где изготовлялись эти предметы, уничтожали инструменты и материалы и жестоко избивали их владельцев.

Другую сторону средневековой промышленности составляет цеховая организация—господствует не только ремесло, но и цеховое ремесло. Население в средние века распалось на целый ряд корпораций различного рода, на всевозможные гильдии, цехи, братства, ассоциации. Среди них едва ли не наибольшее значение имели ремесленные цехи. Каждое ремесло образовывало цех, нередко от какого-либо

промысла откалывались отдельные части и создавали самостоятельный цех. Цех происходит от слова *Zeche*, т.-е. попойка, пиршество. Действительно, хотя каждый цех отличался от всех прочих по характеру производимого его членами ремесла, но он преследовал самые разнообразные цели. Его члены не только оказывали друг другу содействие в области производства, но и устраивали совместно религиозные празднества и процессии в честь почитаемого цехом святого, образовывали, в случае нападения врагов на город, самостоятельный отряд, собирались в цеховой ратуше для веселого времяпрепровождения (см. об этом в моей „Истории экономического быта“, стр. 133 и сл.).

Цехи представляли собою первоначально общины лиц, близких друг другу по родству, по крови, по происхождению. Первоначально они не могли себе даже представить, чтобы в их состав могли войти посторонние лица; последние вовсе и не предусматривались цеховыми уставами. Впоследствии они стали допускать и посторонних, но все же всегда отдавали предпочтение своим—сыновьям членов цеха, лицам, вступавшим в брак с дочерьми или вдовами цеховых мастеров. Сыновья нередко, достигнув совершеннолетия, сразу и становились полноправными членами цеха—мастерами; или же, если принятие их обуславливалось выполнением каких-либо требований, последние были весьма несложны и выполнимы в течение краткого срока. Напротив, если постороннее лицо желало вступить в цех, то ему ставился ряд препятствий.

Так, существовал обширный круг лиц, коим доступ в большинство цехов был прегражден, ибо их родители принадлежали к профессиям, признаваемым „позорящими“. Такими позорными ремеслами были ремесла банщиков и цирюльников, пастухов и кожевников, мельников, ткачей холста, далее занятия трубачей, барабанщиков, ночных сторожей, гробокопателей, палачей. Так, напр., статут башмачного цеха в Бремене 1300 г. запрещает принимать в обу-

чение детей ткачей холста и носильщиков. В XV веке это постановление распространяется и на дочерей этих лиц, с которыми запрещается вступать в брак. В 1440 г. цех отказывает в приеме одному сапожнику за то, что жена его происходит из ремесла ткачей, и лишь городскому магистрату удается заставить цех нарушить существующий обычай и принять этого сапожника. В г. Вернигероде лица, вступившие в какой бы то ни было цех, обязаны были дать присягу, что они не происходят ни от ткачей холста, ни от мельников, ни от пастухов. Золотых дел мастера г. Познани не приняли в 1448 г. некоего Севастиана, так как отец его был цирюльником. Сын кожевника ни в коем случае не мог стать кузнецом, ибо для вступления в этот цех необходимо было иметь „честное происхождение“ и „честных родителей“.

Другую категорию лиц, не принимаемых в цехи, составляли лица, которые не могли доказать своего свободного и законного происхождения. Так, напр., гамбургские рыбаки в статуте 1386 г., бреславльские столяры 1390 г., кельнские ювелиры 1370—1380 гг., и мн. др. ставят условием приема законное происхождение. В других немецких цехах принимаются только лица немецкого происхождения. В числе обязательств дублинского грегжанина находим обещание не принимать в число учеников детей рабов и крепостных. Точно также в уставах парижских резчиков и бахромщиков XIII века говорится, что в ученики принимаются только дети, родившиеся в законном браке. Кроме того, запрещалось незаконное сожительство. Подмастерья, имевшие конкубин, изгонялись, когда это обнаружилось, из Парижа. Ремесленник же, переселявшийся из других местностей в Париж в сопровождении женщины, допускался к занятию ремеслом лишь в том случае, если он мог доказать, что это его законная жена, при чем доказательством служили только свидетельские показания или выданные духовенством удостоверения.

Стеснения иного порядка мы находим в виде высоких вступительных взносов, пробной работы, обязательного угощения членов цеха, владения имуществом. Эти требования предъявлялись к подмастерьям, желавшим стать полноправными мастерами. Вступительные взносы постепенно достигают весьма высоких размеров. Так, во французских городах в XIII ст. сумма, уплачиваемая при приобретении знания мастера, еще незначительна, и упоминается о ней далеко не во всех статутах. В первой половине XIV века она уже равняется 20 солидам, а во второй половине того же столетия—40 и 60 солидам, и это требование становится всеобщим. В XV веке вступительный взнос уже определяется ливрами, взнос в размере 10 ливров (200 солидов) становится явлением далеко не редким. Упоминается даже о плате в 40 ливров. При этом надо иметь в виду, что во Франции дело не ограничивалось уплатой известной суммы в пользу цеха. Приходилось, кроме того, вознаграждать мастера, в доме которого производилась пробная работа, за предоставление своего помещения, членов цеха, присутствовавших при изготовлении пробной работы, за потерю времени, наконец, мэра за внесение нового мастера в список членов цеха. Вследствие этого человек бедный—говорит Буассонад—если не юридически, то фактически не имел возможности сделаться мастером. Подмастерье со средним достатком лишался своего имущества тогда именно, когда ему необходимы были средства, чтобы завести собственную мастерскую. Только богатый мог вынести всю эту массу расходов.

В английских городах члены цехов открыто сознавались, что они ищут защиты от конкуренции посторонних, желающих заняться ремеслами, при чем средством борьбы являлись высокие вступительные взносы. Издаются неоднократные постановления городских властей, направленные против чрезмерных поборов, взимаемых при вступлении в цех. Подобные же факты встречаем в немецких городах. В 1441 г.

базельский городской совет жалуется, что цехи довели вступительную сумму до таких размеров, что никто более не решается селиться в Базеле. В Страсбурге в 1400—1434 гг. суконщики и сукновалы взимают 45 шилл. с каждого вступающего в цех, кроме детей мастеров; ткачи уже в 1407 г. заставляют уплачивать целых 85 шилл., опять-таки всех, кроме детей членов цеха. Шмоллер находит эти взносы весьма крупными и указывает на то, что, благодаря им, доступ всех посторонних лиц, т.-е. не происходящих от самих мастеров цеха, должен был сильно затрудниться.

Пробная работа, которую подмастерье обязан выполнить для получения звания мастера, встречается во французских статутах уже в XIII веке; в одних случаях о ней лишь кратко упоминается, в других случаях точно описывается изготавливаемый предмет. В XIV веке *chef d'oeuvre* составляет обычное явление и во французских, и в немецких городах мы ее находим как в Париже и Амьене, так и в ганзейских городах (Гамбурге, Люнебурге, Штеттине, Грейфсвальде, Данциге и др.), в прирейнских (Кельне, Майнце, Кобленце) и южно-германских (Мюнхене, Нюрнберге и др.); везде в XIV ст. уже требуется *Meisterstück*. Так, напр., в уставе столярного цеха г. Амьена говорится, что никто не может быть принят в цех, если он не изготовил на собственный счет пробной работы ценностью в 63 сол. или дороже, если ему угодно, и притом такой работы, какая ему будет задана старшинами цеха; лишь длина и высота изготавливаемого предмета зависит от его собственного усмотрения. В оружейных цехах, цехах кожевников, слесарей, кузнецов в различных германских городах требовалась нередко очень сложная пробная работа, отнимавшая много времени и денег у подмастерья, ибо материал и инструменты приобретались им на собственный счет; изготовленный же предмет, даже если он был годен для употребления, что было далеко не всегда, становился достоянием цеха. И Левассер, и Мартен-Сен-Леон указывают на то, что уже в XIV веке

пробная работа была нередко дорогим и продолжительным испытанием, и что она составляла камень преткновения для подмастерья, стремившегося к званию мастера. Но для сыновей членов цеха и для лиц, вступавших в брак с дочерью мастера, делалось исключение: они считались хорошими работниками и без всякого испытания, последнее заменялось их семейным состоянием. Они освобождались от пробной работы совершенно, или же пробная работа для них значительно упрощалась и удешевлялась, являясь простой формальностью.

По выполнении пробной работы мытарства подмастерья не кончались: он должен был устроить угощение для членов цеха, стоившее весьма не дешево, да еще обязан был обладать известным имуществом; благодаря последнему требованию в особенности должны были сильно редеть ряды кандидатов. Так, напр., люнебургский банщик по статуту 1361 г. должен поднести старшинам цеха окорок ветчины, свежую рыбу и две меры вина. Гамбургские пекаря и бочары по уставам 1375 г. устанавливают имущественный ценз в 20 марок, любекские цехи—в 30 мар. В Англии кто не располагает годовым доходом в 20 шилл., не может отдавать своих детей в ученье к ремесленнику.

Наконец, цехи прибегали к наиболее простому и верному средству—ограничивали число мастеров цеха известным максимумом, и раз последний был достигнут, то новые члены принимались лишь постольку, поскольку место очищалось старыми. Так, в Любеке латунники в 1330 г. и игольный цех в 1356 г. ограничивают число мастеров 12, ювелиры сначала 24, затем 22, рыбаки в 1376 г. также 12. В Штеттине число сапожников определено в размере 40, число бондарей—12. Число нюрнбергских жестяников не может превышать 15, число красильщиков—80. В Гамбурге также цехи бондарей, льготкачей, золотых дел мастеров устанавливают известный комплект. В Руане число мастеров шапочного цеха ограничено 50. Особенно часто встре-

чалось подобное постановление в уставах мясников: в Стрелене число их ограничено в 1292 г. 34, в Бедескове в 1348 г.—22, в Штеттине—14, в Стендале в 1355 г. максимум составляет существующие в данное время, число плюс два. Однако, не менее обычным, встречающимся повсюду, являлся комплект и у пекарей, суконщиков, кузнецов, словом везде, где продажа товаров производилась из определенных ларей или лавок или предметы изготовлялись в специально приспособленных мастерских. Цех заявлял, что имеется такое-то количество и больше не может быть устроено, почему новые мастера могут приниматься в цех лишь в том случае, если освободилось место.

III. Образование в средние века постоянного рабочего класса подмастерьев.—Заработная плата.—Продолжительность рабочего дня.

Последствием всех этих стеснений доступа к званию мастера было то, что далеко не всякий подмастерье, проработав известный срок, мог стать самостоятельным мастером. Должен был, следовательно, образоваться постоянный рабочий класс из подмастерьев, остававшихся всю свою жизнь зависимыми от своих хозяев работниками. Предположим, что мастер—говорит Шанц („Gesellenverbände“)—с 30 до 60-летнего возраста успевал обучить всего лишь семь учеников,—а эта цифра безусловно слишком мала,—предположим далее, что за этот период, вследствие возрастания населения, число мест в цехе было увеличено на два,—каким же образом даже при таких условиях остальные пять человек могли приобрести самостоятельность в качестве мастеров?

Лучшим подтверждением того, что уже в XIV веке существовал постоянный рабочий класс *), могут служить волне-

*) Именно рабочий класс ремесленных подмастерьев. Относительно

ния подмастерьев, происходившие в это время. Уже в 1383 г. цехи кузнецов городов Майнца, Вормса, Шпейера, Франкфурта, Гейнгаузена, Ашафенбурга, Бингена, Оппенгейма и Крейцнаха вступают в соглашения относительно того, как сохранить свою власть над подмастерьями (слугами), среди которых происходят волнения. „Это столь рано обнаружившееся недовольство подмастерьев — говорит Шанц — является тем более удивительным, что кузнецы сами лишь незадолго до того организовались в цехи, напр., во Франкфурте-на-Майне они (окончательно) образовали цех, собственно говоря, лишь в 1377 году“. Подобные же явления, как на Рейне, мы можем наблюдать и в других местностях, напр., в Данциге: почти одновременно с возникновением цехов начинаются столкновения между хозяевами и подмастерьями. В 1385 г. город угрожает подмастерьям, принимающим участие в стачках, отрезанием ушей. В Бреславле уже в 1329 г. происходит стачка подмастерьев, изготовляющих пояса. Стачка шпейерских подмастерьев суконного цеха в 1351 г. вызвана требованием с их стороны более высокой платы, которой подмастерья и добиваются. Подмастерья-портные в Констанце устраивают стачку в 1389 г., требуя признания мастерами их корпорации. В это же время происходят стачки подмастерьев и в Базеле: цехи изгоняют стачечников из города. Бек указывает на то, что в XIV и XV ст. подмастерья кузнечных и слесарных цехов устраивали собственные судилища и прибегали к правильным стачкам („das Auftreiben“), прекращая работу и покидая город. У них существовал даже специальный технический термин для стачки: „den Meistern den Hammer legen“.

Из этих фактов — говорит Шанц — вытекает, что не только цеховая организация не разрешила рабочего вопроса,

тех случаев, где в XIV — XV ст. и даже ранее появилась домашняя или кустарная промышленность, превратившая и самих цеховых мастеров в зависимых рабочих, см. в следующих главах.

а наоборот, именно вместе с образованием цехов возник и рабочий вопрос. В своей книге об ассоциациях подмастерьев в средние века он приводит целый ряд фактов, которые свидетельствуют о том, что волнения среди подмастерьев в XIV и XV ст. были, действительно, явлением всеобщим в Германии.

Нечто подобное происходило и в других странах. Социальная рознь между мастерами и подмастерьями во Франции говорит Шенланк („Handwört der Staatswiss.“ — „Gesellenverbände“) — возникает в различных местах уже в XIII веке, в XIV веке она усиливается и принимает более общий характер. Благодаря раннему промышленному подъему страны, появляется сознание различия интересов у тех и других. Количество учеников, которых дозволяется держать мастеру, — продолжает он — ограничено; плата за обучение высока, срок ученичества продолжителен; доступ к званию мастера сильно стеснен; привилегии в пользу детей мастеров обширны и несправедливы. Рабочий день весьма длинен, плата же незначительна. При таких условиях не удивительно, что возникли союзы подмастерьев для защиты от мастеров и для борьбы с ними; они образовались из религиозных братств, из confréries, которые первоначально поощрялись клиром. На юге Франции они возникают в большом количестве уже в XIII веке под именем „la caritat“, на севере они образуются с конца XIV века, и вскоре становятся опорой подмастерьев в их борьбе за мирские интересы“.

В истории французских городов мы нередко встречаем стачки и волнения подмастерьев. Так, в 1280 г. подмастерья-суконщики Прованса, выведенные из терпения увеличением рабочего дня, производят восстание и убивают мэра. В г. Шалоне в 1328 г. пришлось вмешаться королевской власти, чтобы заставить подмастерьев работать рано утром и в послеобеденное время. В Реймсе в 1292 г. были запрещены как ассоциации подмастерьев, направленные против

мастеров, так и соглашения мастеров против подмастерьев. В Амьене ордоннанс 1349 г. запрещает подмастерьям-кожевникам „устраивать заговоры для достижения более высокой платы без всяких законных оснований“. В Париже происходит в 1407 году борьба между хозяевами и подмастерьями; последние требуют сокращения рабочего дня, который продолжался, повидимому, 16 часов, и устранения ночной работы. В Париже, как и в других французских городах, подмастерья в XV веке нередко прибегали к бойкоту враждебных им мастеров.

И в Англии ассоциации подмастерьев представляли собою не только религиозные братства, форму которых они принимали, но, вместе с тем, и союзы для борьбы с мастерами путем устройства публичных демонстраций, стачек и т. д. Мастера седельного цеха в Лондоне совершенно справедливо утверждали в XIV веке, что подмастерья, под прикрытием лицемерного благочестия, составляют заговоры „с целью чрезмерно поднять заработную плату“, и, действительно, успевают в этом. В пользу существования отдельного класса подмастерьев — указывает Эшли („Introduction into the Economic History“) — с интересами, в некоторых отношениях отличными от интересов мастеров, говорит очень многое. В лондонских статутах, например, в тождественных выражениях упоминается о пререканиях между мастерами и подмастерьями (слугами—valet) в ремеслах сукностригов в 1350 г. и ткачей в 1362 г. В этих статутах говорится о том, как подмастерья по взаимному соглашению одновременно отказываются от работы—явление совершенно аналогичное современным стачкам; старейшинам ремесл предписывается на будущее время бороться с подобного рода явлениями. „До сих пор — говорится в этих постановлениях — каждый раз, когда возникало разногласие между мастером и подмастерьем, последний обходил всех подмастерьев этого ремесла, и, по взаимному соглашению и договору, они решали, чтобы каждый отказался работать

на своего мастера, пока тот мастер и его слуга (подмастерье) не придут к соглашению, вследствие чего мастера этого промысла оказывались в большом затруднении, а народ (потребители) лишался необходимых для него услуг“. Против стачек, происходивших в строительных ремеслах Лондона, уже при Эдуарде III и Генрихе VI издавались строгие постановления. Точно также брюссельские валяльщики уже в 1282 г. устроили стачку, требуя повышения платы. А в итальянском городе Сиене в 1370 г. произошло целое восстание рабочих.

После всего сказанного едва ли еще могут возникать сомнения в том, что в средние века существовал класс рабочих, находившийся в полной зависимости от хозяев-мастеров,—зависимости, основанной не столько на обладании известным, необходимым для производства, капиталом, сколько на установленных цеховой системой привилегиях мастеров. „В половине XIV столетия — говорит Эшли — образовался рабочий класс в том смысле слова, которого оно не имело ранее. К этому времени появилось значительное число работников, которые не были ни учениками, отданными к мастеру только на известное время, служившее для них периодом испытания, ни самостоятельными мастерами, людей, которые, не быв вовсе учениками, или, что с течением времени стало встречаться все чаще и чаще, окончив ученичество, стали наемниками ремесленных мастеров. Сперва, вероятно, число таких „слуг“ (servants), „служащих“ (serving men), служителей (valets) или йоменов (yeomen), как их различно называли, было очень незначительно... Но вскоре появляются признаки того, что класс этот увеличивается, и что для каждого среднего подмастерья стало уже невозможным, как это было раньше, после нескольких лет службы завести свое дело... Существование рабочего класса в четырнадцатом и пятнадцатом столетиях объясняет генезис новой организации промышленности, в некоторых отраслях ее в шестнадцатом столетии“. „Есть основание сомневаться—

говорит знаток этого вопроса, М. М. Ковалевский—в полном соответствии с действительностью той характеристики, какую дают средневековым цеховым порядкам как катедер-социалисты в Германии, так и последователи школы Лепле во Франции. Если верить им, цеховое устройство не знало различия между предпринимателями и рабочими... XIII и XIV века, вопреки утверждению идеализаторов средневековых порядков, уже были свидетелями начавшегося, вероятно, с самого момента возникновения цехов процесса дифференциации труда и капитала в области промышленности“.

Положение цеховых подмастерьев в средние века было не только несамостоятельное и зависимое, но и невыгодное в социальном отношении, вследствие неблагоприятных условий труда и заработной платы.

Заработная плата подмастерьев устанавливалась цехом. Это право цеховых мастеров регулировать плату подмастерьев было последствием автономии цехов, и неоднократно мы находим в источниках указание на то, что городской магистрат не в праве вмешиваться в установление платы подмастерьев, так как это предоставлено исключительно самим цехам. Таксы, определяющие высоту платы подмастерьев, являются максимальными таксами. Подмастерье может получать меньше, но не больше определенного вознаграждения. В статутах всегда говорится, что подмастерью можно платить не более, чем столько-то и столько-то. Цвиндикен („Lohnpolitik und Lohntheorie“) поэтому находит, что эти таксы вовсе не устраняли договора между мастером и подмастерьем относительно величины заработной платы, а лишь ставили его в известные рамки, определяя высший предел заработной платы. Так, в статуте рыбацкого цеха, г. Гамбурга 1375 г. максимум платы определен в 7 марок. В статуте янтарного цеха г. Любека 1365 г. запрещается платить подмастерью свыше 4 пфеннигов за сверление 1000 камней, свыше 9 пфеннигов за точение и свыше

3 пфеннигов за тесание их. Франкфуртские портные (1355 г.) не в праве платить подмастерью более 12 шиллингов со штуки сукна. По статуту канатного цеха г. Фрейбурга вознаграждение подмастерья не должно превышать одного, а в известных случаях 2 шиллингов. Кожевенный мастер г. Вернигероде, дававший своему подмастерью более обычной платы, приговаривался к штрафу в размере одного гульдена. В Грейфсвальде (1445 г.) подвергался наказанию всякий ткач шерстяных материй, плативший за прядение шерсти более, чем другие мастера этого цеха. Такое же запрещение давать подмастерью плату, выше установленной цехом, находим у люнебургских ткачей и стекольщиков (статуты 1432 и 1494 гг.). В древнейшем статуте суконного цеха г. Страсбурга (1400—1438) определено, что подмастерьи-сукновалы получают 1 пфенниг с фунта шерсти „и не более; эта плата—читаем далее—установлена и определена всеми суконщиками и ткачами и не кем иным“. На собрании силезских портных в Швейднице 1361 г. установлена хозяевами сообща плата для подмастерьев. Цехи портных 20 прирейнских городов, в том числе Майнца, Вормса, Гейдельберга, Кобленца, также заключили союз и в первом пункте совместно составленного статута определили норму вознаграждения для подмастерьев, которая должна была действовать в течение 28 лет: „никто не в праве—гласит постановление—платить подмастерью более двух фунтов, как это существует с давних пор“. А ткачи Шпейера определяют в 1351 г. плату навсегда, на все времена.

И во Франции цехи устанавливали плату подмастерьям; „подмастерьи-портные не могут требовать более той платы, которая до сего времени являлась обычной“. В другом статуте читаем: „запрещается давать подмастерью или обещать ему более обычного в Париже вознаграждения“. Плата подмастерьев-кожевников г. Амьена в 1349 году установлена в размере трех су; подмастерьи, отказываю-

шися подчиниться этому постановлению, подвергаются строгим наказаниям.

В Брюсселе запрещено платить подмастерью-валяльщику более того, что установлено; в противном случае подмастерье подвергается штрафу в 5 су, мастер же, дающий более высокую плату,—в 20 су.

Лондонские сукностриги и ножевщики во второй половине XIV в. жалуются на то, что их подручные не довольствуются обычной заработной платой. „Это движение среди подмастерьев—говорит Эшли—не осталось безрезультатным: они добились, между прочим, того, что право определять заработную плату перешло от отдельных мастеров к цеху в целом или к старейшинам цеха, как его представителям“.

Из приведенных фактов видно, что установление заработной платы подмастерьев производилось в интересах мастеров, а не в интересах подмастерьев. „Этим путем—говорит Нейбург („Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung“)—не только давалась мастерам возможность бороться чрезмерными требованиями подмастерьев, но, вместе с тем, устанавливался предел усмотрению каждого отдельного мастера, который не мог, не нарушая устава, отбить у другого мастера искусного подмастерья, обещая ему более высокую плату“. Шанц („Gesellenverbände“) совершенно правильно указывает на то, что установление платы подмастерьев мастерами цеха было последствием того, что один являлся мастером-господином, а другой—подмастерьем-слугой; это были, действительно, отношения господина к слуге, почему первый и присваивал себе право определять вознаграждение второго.

И рабочий день подмастерьев был весьма продолжителен. „Работали—говорит Шенланк („Handwört. d. Staatswiss.“—„Gesellenverbände“)—с восхода и до заката солнца. 14, 15, 16 часов составляют в те времена обычное явление. Строительные рабочие, занимающие особенно привилегированное положение, работают, впрочем, нередко всего 10—

11 часов в день“. Для кельнских оружейников рабочее время установлено с 5 час. утра до 9 час. вечера. В стагуге любекских сундучных мастеров рабочий день устанавливается в 15 часов, в статуте любекского янтарного цеха он определен в 15 час. летом и 14 зимою. Каменщики в Штеттине работают в XV веке с 4 час. летом и с 5—6 час. зимою до 6 час. вечера с перерывом в 1½ часа.

Во французских и английских статутах нередко прямо говорится, что работа должна начинаться с восхода солнца и продолжаться до наступления ночи, до тех пор, пока можно работать без свечей. В XIII—XV ст. это составляло обыкновенно 14—16 часов в сутки. Летом рабочий день продолжался так долго, что подмастерьи, жившие вне дома мастера, возвращались домой, когда уже было совершенно темно, рискуя быть убитыми по дороге. Зимою рабочий день был короче, 11—12 часов в сутки, однако, лишь в том случае, когда запрещалось работать при искусственном освещении; но последнее происходило далеко не всегда. Так, например, статут котельников г. Лангра запрещает ночную работу только в летнее время, но разрешает ее зимою (от сентября до марта) и устанавливает рабочий день с 4 час. утра до 8 час. вечера. В тех случаях, когда статуты допускали ночную работу, а это было довольно часто, подмастерьи не могли отказываться от нее; они получали лишь добавочное вознаграждение за ночные часы. В Англии, повидимому, даже строительные рабочие, положение которых было наиболее благоприятным, работали 16 час. в сутки. Роджерс („Six Centuries of Work and Wages“) утверждает, правда, что их рабочий день продолжался всего 8 час., но тут же он прибавляет, что каменщики получали кроме того, за сверхурочные часы, „число которых доходило до 48 в неделю“. Рабочий день состоял, следовательно, из 16 часов, только плата для первых 8 часов и для последних 8 часов была неодинаковая.

Таким образом, хотя в средние века господствовала

ремесленная форма производства, требовавшая незначительного капитала и доступная каждому, но все же существовал постоянный рабочий класс, тяжело работавший и плохо вознаграждаемый *). Это было последствием цехового строя стеснявшего доступ к званию мастера и лишавшего этим большинство подмастерьев возможности стать самостоятельными хозяевами, владельцами ремесленной мастерской, возможности работать за собственный счет.

В дальнейшем постараемся выяснить, какие изменения произошли в следующие столетия в характере промышленности и в положении рабочего класса.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Переход от замкнутого городского хозяйства к территориальному хозяйству.

Средневековый город представляет собою самостоятельную единицу, самодовлеющее целое не только в политическом, но и в экономическом отношении. Наиболее ярко этот замкнутый характер средневекового городского хозяйства выражается в свойствах средневековой промышленности, ремесла, которое сосредоточивается в городе и работает исключительно для местного рынка: произведениями городского ремесла удовлетворяются потребности населения в промышленных изделиях. Как мы видели выше, средневековый город всеми силами препятствовал привозу иногородних изделий, следовательно, и при вывозе собственных товаров встречал огромные затруднения. Произведения ремесла имели только один местный рынок, где потребителями являлись как городские жители, так и крестьяне окружающих сел, которые обменивали свои сельскохозяйственные продукты на изделия городского ремесла.

В эту замкнутую городскую жизнь ворвалась в конце средних веков совершенно новая струя. Промышленные изделия, которые до того времени непосредственно сбывались ремесленником на местном городском рынке и почти не играли роли в торговле, стали теперь объектом торгового обмена, предметом ввоза и вывоза. „Появилась возможность потреблять продукты других городов и стран, получать материалы для обработки из отдаленных местностей, чего ранее не существовало“. Торговля фабрикатами, в особенности текстильными и металлическими изделиями, с конца XV и начала XVI века сильно оживилась. Рынок расши-

*) Правда, обыкновенно продолжительный рабочий день распространялся и на мастера, ибо хозяин и подмастерье работали вместе, но мастер ведь работал все это время в свою пользу, подмастерье же работал на него, на мастера, эксплуатировался последним.

рился, из городского он превратился в территориальный, ибо фабрикаты и полуфабрикаты уже не сбывались исключительно на местном городском рынке, а распространялись по всей стране, по всем городам.

В Париже продавались гребни из Лиможа, железные изделия из Тулузы, ткани из Оверня, саржа из Арраса, сукно из Шампани и Нормандии. Особенно бойко шла с конца XV века торговля изделиями текстильной промышленности. Ордоннанс 1479 г. насчитывает двенадцать французских городов, центров текстильной промышленности, посылающих свое сукно в Париж для сбыта. Но не менее оживленно шла торговля сукном и в г. Туре, который вовсе не выдавался своим суконным производством: в ордоннансе 1490 года названо пятнадцать французских городов (многие из них те же, что и в ордоннансе 1479 г.), откуда купцы ездили в Тур. „Короли французские—говорит Левассер в своей истории французской промышленности—поощряли внутреннюю торговлю. Они утверждали торговые договоры, заключенные между городами, подтверждали старые привилегии, разрешали купцам торговать по всей стране, без уплаты каких-либо пошлин при покупке или продаже товаров“. Hauser („Ouvriers du temps passé“) также обращает внимание на уменьшение монополии цехов во Франции в XVI веке, вследствие усилившейся конкуренции между городами. „Круг потребителей расширяется—говорит он,—увеличивается и их платежеспособность, уменьшаются издержки перевозки товаров и связанный с нею риск. Особенно возрастает сбыт фабрикатов, тогда как сырые продукты, подверженные более легкой порче и представляющие меньшую ценность при большем весе, не могут приобрести столь обширного рынка, как фабрикаты“. Как указывает д'Авенель („Histoire économique de la propriété, des salaires“ etc.), распространенная ранее по всей Франции шерстяная промышленность сосредоточивается в XVII веке лишь в немногих определенных местностях. В то время,

как в средние века лишь производство тонких, особенно, изящных и дорогих сортов сукна составляло монополию отдельных центров, позже и изготовление простого сукна стало быстро развиваться в немногих городах и местностях, в других же местах шерстяная промышленность исчезает. Так, исчезла постепенно саржа из Нанта, Динана, Мальструа, сукно из Нима, Каркасонны, Сент-Омера, Шатору, байковые и другие ткани из Вандома, Дре, Валанса, Сен-Ля и сотни иных местностей,—даже имена их, забытые вместе с исчезновением их промышленности и богатства, оставили след лишь в архивах.

„Из страсбургских тарифов мы можем усмотреть, что увеличился ввоз как дорогих, так и простых изделий текстильной промышленности со всех концов Европы. Если в 1401 году упоминается лишь о шелковых изделиях вообще, то в 1477 году уже различаются 8—9 сортов шелковых материй. В тарифе 1401 года встречается лишь 6—8 местностей Германии, откуда привозится сукно в Страсбург, а в 1447 году названо 22 сорта одного рейнского сукна; с нижнего Рейна, из Магдебурга, из Швабии доставляются шерстяные изделия на страсбургский рынок; рядом с многочисленными фламандскими и брабантскими тканями появляются и французские, английские и итальянские. Встречается также английская шерсть, пряжа из Реймса, Кельна и Эрфурта, полосатые бумажные ткани из Милана“ (Шмоллер в „Истории страсбургского суконного цеха“) Вообще в Германии, в особенности во всей средней и южной части ее, в течение XVI в. сукно заменяется более тонкими, гладкими шерстяными тканями, которые производятся во Фландрии, во французских городах, а с конца XVI в. со времени переселения нидерландских ткачей, и в некоторых местностях Германии—в Гере, Пфорцгейме, Кальве. Отсюда они уже распространяются в большом количестве по всем немецким городам и рынкам: произведенные в

Калье (Вюртемберг) ткани мы встречаем в 1590 г. на рынках во Франкфурте, Вормсе, Страсбурге, Базеле.

В Любеке—как видно из сборника цеховых уставов, изданного Верманом—столкновения между ремесленниками и торговцами хотя и встречаются уже в средние века, но лишь в виде исключения, ибо товары, производимые в городе, обыкновенно не привозились из других местностей: только пряности и бакалейные товары ввозились в город. Лишь в XVI веке эти столкновения становятся более частыми. „Когда обороты розничных торговцев расширились, когда они стали самостоятельно вступать в торговые сношения с другими местностями и, вместе с тем, благодаря возрастанию количества ремесленников, не входивших в состав цехов, получили возможность приобретать у них различные промышленные изделия для сбыта, тогда возникли постоянные столкновения между ремесленниками, с одной стороны, и торговцами, с другой, при чем потребители большею частью находились на стороне вторых“. Последнее обстоятельство объясняется тем, что конкуренция между ремесленниками и торговцами при сбыте промышленных изделий приводила к большему разнообразию в выборе товаров и к большей дешевизне. Цехи неоднократно обращались к городскому магистрату с просьбой запретить ввоз в город всяких фабрикатов вообще, но магистрат на это не соглашался, ограничиваясь подтверждением запрещения в том виде, как оно существовало раньше, т.-е. поскольку отдельные цехи уже ранее пользовались монополией в сбыте тех или других товаров. Поэтому количество предметов, продаваемых торговцами, все более и более увеличивалось, и некоторые продукты, в особенности железные изделия, продавались ими в столь значительном количестве, что городские ремесленники почти совершенно перестали производить эти товары. Даже прежние запрещения, которые существовали относительно продажи различных произведений промышленности, не исполнялись

более. В одних случаях цехи вынуждены были признать совершившуюся перемену и формально отказаться от своего исключительного права продажи тех или других товаров. В других случаях торговцы успели воспользоваться выгодными для них обстоятельствами и присвоить себе это право фактически, и ремесленники уже не в состоянии были вытеснить их. Мечи, шляпы, волосяные изделия и многие другие товары привозились иногородними купцами в Любек. Особенно много посещали Любек нюрнбергские купцы. Они привозили произведения из железа, стали, жести, олова, свинца, желтой меди, а также деревянные и стеклянные изделия.

Нюрнберг вообще славился своими стеклянными, в особенности же металлическими товарами. Здесь насчитывалось в начале XVI века свыше двадцати цехов, изготовлявших самые разнообразные предметы из железа, желтой меди, олова и т. п. Существовал особый цех булавочников, особый гвоздарный цех; один цех выделывал наперстки, другой—трубы, третий—колокольчики. Точно так же производство очков составляло специальность особого цеха, производство компасов—специальность другого цеха, существовал даже специальный бутылочный цех. Все эти цехи изготовляли предметы для вывоза, и не удивительно, что другие города, где техника производства стояла гораздо ниже, не в состоянии были конкурировать с привозными нюрнбергскими изделиями; подобно текстильному производству, и производство металлических предметов должно было сильно страдать от вновь появившейся конкуренции привозного товара.

Еще более расширяется свобода обмена внутри государства в Англии. „К концу средних веков—говорит Эшли—Англия была покрыта сетью интермуниципальных соглашений, на основании которых граждане одного города, приезжая с торговыми целями в другой город, освобождались от уплаты пошлин. Интермуниципальные торговые договоры

появляются уже в XIII и XIV ст., но более часто они встречаются в XV ст. „Особенно любопытен ряд соглашений,—продолжает тот же Эшли—заключенных между городами Ноттингемом, Ковентри и Линкольном во второй половине XV ст. Конечно, делая друг другу уступки, города имели в виду свои собственные интересы; но этим самым они расшатывали основы средневекового политического (вернее: экономического) строя“.

В статутах итальянских городов в конце средних веков провозглашалась полная свобода ввоза. Так, миланский статут 1502 года разрешает всем и каждому продавать товары в любое время и в любом месте. Эта свобода торговли не распространялась на жителей лишь тех городов, которые ограничивали миланских граждан в их торговых правах. Во Флоренции уже в XV веке господствовал принцип, что каждый, как горожанин, так и иногородний, имеет право ввозить товары и продавать где угодно или вывозить их обратно непроданными, и никто, ни цехи, ни отдельные лица не могут ему препятствовать в этом. В Венецию во второй половине XV века немецкие купцы привозили следующие промышленные изделия, произведенные частью в Германии, частью в других европейских странах: шерстяные и бумажные материи, полотно; кожу, шляпы, роговые изделия; четки и различную церковную утварь; медную проволоку, жезл и олово, панцыри, ножи, иголки, наперстки (Simonsfeld, „Fondaco dei Tedeschi“).

Таким образом, в XV—XVII ст. образовалось разделение труда между различными местностями. Многие из них выработали себе особые специальности,—в противоположность средневековому хозяйству, проникнутому принципом, что все промышленные изделия должны изготовляться в самом городе. Если того или другого промысла не оказывалось в городе, туда—в средние века—вызывали ремесленников, занимавшихся этим промыслом, напр., фламандских красильщиков в различные немецкие города, оружейников,

ткачей бархатных и полубумажных материй. В город привозились сами мастера, а не их произведения. Лишь в тех случаях, когда последнее оказывалось невозможным, когда города, обладавшие монополией в данной отрасли производства, запрещали ремесленникам этой специальности переселяться в другие города и зорко следили за ними,—тогда приходилось допускать ввоз тех или других промышленных изделий. Поэтому-то мы так редко встречаем фабрикаты среди товаров, сложенных в торговых подворьях, и если купец привозил таковые, то они были обыкновенно произведены в далеких странах Востока.

В XVI—XVIII ст. этого принципа придерживались не города, а государства. Запретительными пошлинами и даже запрещениями ввоза каждое государство старалось оградить себя от иностранных промышленных изделий, что ему, впрочем, вследствие обширной и хорошо организованной контрабанды, удавалось далеко не всегда. В Англии, где уже в XV веке устанавливается свобода обмена внутри государства, мы в том же XV веке находим и ясно выраженный таможенный протекционизм, проводимый государством, находим запрещения ввоза в страну сукна, железа, шелковых материй и целого ряда других промышленных изделий; в 1660 году эти запрещения заменяются высокими, почти запретительными пошлинами. Во Франции устранение внутренних преград происходит гораздо медленнее, и с такою же постепенностью проводится и запретительная система. В Пруссии в 1581 г. воспрещено употребление иностранного сукна, запрещение, которое в последующие десятилетия повторяется несколько раз; в 1654 г. к нему присоединяется запрещение ввоза изделий из меди и олова, в 1666 г.—железных товаров, в 1658 г.—стекла.

Отсутствовавшие отрасли промышленности государство старалось пересадить к себе из других стран, привлекая различными льготами иностранных мастеров: производство шелковых и бархатных материй, бумажных тканей, кружев,

зеркал, обоев, мыла, табачных изделий все европейские государства стараются ввести у себя в XVII—XVIII ст. Словом, государство придерживается теперь той же политики, какая раньше проводилась в городе—политики протекционизма, политики отделения от других государств. Самодовлеющий город должен превратиться в самодовлеющее государство. Зато в отношениях между отдельными городами, отдельными частями того же государства произошла важная перемена. Эта перемена, совершившаяся во второй половине XV и в XVI веке, на первый взгляд не была значительна, ибо первоначально она состояла лишь в том, что торговец привозил товары того же рода, но только другого сорта. Он привозил товары лучшего качества, более тонкие и более изящные ткани, более искусно сделанные, новые металлические изделия. Такими товарами, которые производились и в самом городе, он первоначально еще не торговал; лишь впоследствии и они явились предметом торгового обмена. Но и эта перемена имела большое значение, и она была в состоянии произвести переворот в господствовавшей системе хозяйства, ибо новые продукты лучшего качества вытесняли прежние более простые сорта, удовлетворяя более тонкому вкусу периода Ренессанса, который предъявлял теперь совершенно иные требования к предметам домашнего обихода, платью, мебели, утвари.

Политика, направленная к усилению конкуренции внутри страны, к введению большей свободы в торговом обмене в пределах государства, продолжается в XVII и XVIII вв. Во Франции отдельные провинции объединяются в три большие группы—*provinces de cinq grosses fermes* (северная и средняя Франция), *provinces réputées étrangères* (южная Франция) и *provinces d'étranger effectif*; уничтожается большая часть местных таможен, существовавших внутри *cinq grosses fermes*. Вместе с тем, Кольбер соединил все многочисленные сборы, уплачиваемые при ввозе товаров в *cinq grosses*

fermes, в одну общую пошлину, при чем новый тариф 1664 года, распространившийся и на товары, ввозимые в *provinces réputées étrangères*, оказался пониженным, сравнительно с суммой сборов, которые уплачивались раньше при ввозе в отдельные местности. В 1707 г. Англия и Шотландия объединились в таможенном отношении—отделявшие их таможни были упразднены, и внутренняя конкуренция в Соединенном Королевстве расширилась. Австрийские императоры с начала XVII века стараются составить самостоятельную таможенную единицу из своих австрийских владений, при чем пытаются уничтожить внутренние преграды, пока, наконец, при Марии-Терезии не были отменены все городские, земские и имперские таможни между отдельными австрийскими провинциями, и установлены однообразные правила относительно ввоза, вывоза и транзита товаров. Наконец, и в Германии в отдельных крупных территориях устраняются мало-по-малу внутренние таможенные преграды: пошлины взимаются только один раз, при ввозе в данную местность,—товары освобождаются от последующих внутренних сборов однородного характера (при ввозе в город), хотя транзитные пошлины (речные, дорожные, мостовые) еще долго сохраняются полурежнему. В Бранденбурге города постепенно лишаются своего штапельного права: в середине XVII века большая часть городов (Шпандау, Одерберг, Ландсберг, Эберсвальде, Тангерминде, Бранденбург, Берлин) почти не имела уже права задерживать провозимые товары. В смысле расширения свободы торговли это был важный шаг вперед.

Таможенные реформы, хотя и значительно облегчавшие передвижение товаров, не могли бы все-таки вызвать столь сильного оживления в торговом обмене, какое мы наблюдаем в рассматриваемую эпоху, если бы они не сопровождались целым рядом других мер, содействовавших развитию торговли внутри страны—теми мерами, совокупность которых составляет систему экономической политики, именуемую

меркантилизмом *). Сюда относится законодательство в области торгового, вексельного и морского права; далее, появление банков—Амстердамского, Гамбургского, Английского и возникновение системы банковых переводов; наконец, устройство бирж, учреждение почты для перевозки людей и пересылки товаров и писем. Вследствие этого изменились способы и формы обмена. Появились зачатки вексельного и фондового рынка. Уже в XVI и XVII ст. сумма, оплачиваемая путем перевода по книгам и посредством векселей, составляла миллионы. Денежные и вексельные обороты на ярмарке в Пиаченце оценивались в начале XVII ст. в 16 милл. дукатов, а обороты фондового рынка в Антверпене достигали 40 милл. По словам Юстуса Мозера, писавшего в XVIII веке, учреждение почты имело огромные последствия, совершенно изменило жизнь во многих отношениях. Когда купцы увидели—говорит Бейст в XVII веке,—что за небольшую плату они могут узнать вексельный курс и цены товаров посредством почты, без того, чтобы ездить в Антверпен, на почте стало скопляться огромное количество писем. Торговые обороты значительно возросли: английская внешняя торговля увеличилась с 7 милл. ф. ст. в 1697 г. до 16,3 милл. в 1730 г. и 29,3 милл. в 1770 г.; обороты французской торговли равнялись в 1715 году 176 $\frac{1}{2}$ милл. фр. (в том числе промышленных изделий на 71 милл. фр.), вывоз французских фабрикатов в другие европейские страны возрос в период 1715—1787 г. с 45 до 133 милл. фр.

Но едва ли не наибольшее значение для расширения торговли промышленными изделиями имели мероприятия, предпринимаемые ради облегчения перевозки товаров. Посредством увеличения судоходности рек, с одной стороны, и сооружения соединительных каналов, с другой, оказалось

*) См. обо всем этом I М Кулишер, «История экономического быта Зап. Евр.», Изд 5-е СПб 1918 («Торговля, денежное обращение, кредит и банки, пути и средства сообщения в XVI—XVIII ст.»).

возможным перевозить товары на значительные расстояния, пользуясь исключительно водным путем, который и в XVI—XVIII ст., как и в средние века, предпочитали транспорту сушей. Во Франции, в особенности при Кольбере, реки, по которым судоходство было до того времени невозможно, были сделаны судоходными; посредством же соединения бассейнов рек между собою были созданы обширные водные пути: от Средиземного моря до Северного моря и Атлантического океана (каналы Бриарский, Лангедокский, Орлеанский). Протяжение французских каналов равнялось в 1600 году 156 км., в 1700 г.—678 и в 1800 г.—1004 км. Большое значение водным путям сообщения придавали также Великий Курфюрст и Фридрих Великий, Карл VI и Мария-Терезия. В 1687 году Пруссия имела 529,70 км. искусственных водных сооружений, а в 1787 г.—1271,60 км.; за столетие сеть их расширилась, следовательно, на 741,90 км, т.е. увеличилась почти в 2 $\frac{1}{2}$ раза. В Англии устройство каналов относится лишь к концу XVIII века, так что они имели значение для фабрично-заводской индустрии XIX века, но не для промышленности предыдущих столетий. Но уже в первые десятилетия XVIII века многие реки искусственным путем были превращены в судоходные, таковы, напр., Айрвель, Мерсей и Вивер, в особенности же р. Лэр и Кэльдер, которые сделаны судоходными по требованию заинтересованных в этом суконщиков Лидса и Галифакса (центры суконной промышленности).

Одновременно с этим, как в Германии в XVII ст., так и в особенности во Франции уже с половины XVI ст. появляются более широкие и более удобные, в некоторых случаях даже вымощенные дороги, строятся более прочные мосты; а затем, под влиянием возникновения почтовых сообщений, прокладываются шоссе и каменные мосты: в XVIII веке шоссе и мосты все более и более входят в употребление. В конце XVII века Франция затронула на мосты и дороги в среднем 1 $\frac{1}{2}$ милл. фр. ежегодно (на

современная деньги), при Людовике XV—4—5 милл. фр.: в конце XVIII века она имела 25 тыс. км. больших дорог („grands chemins“). В Англии во второй половине XVII века проведена сеть дорог, ведущих по направлению к Лондону; сообщение Лондона с различными частями королевства весьма облегчилось. Крайне важным в смысле оживления торговли являлось то обстоятельство, что почта перевозила не только людей и письма, но и товары. Это имело значительное преимущественно для более ценных и менее громоздких товаров. Для фабрикатов и для промышленности это нововведение играло большую роль в смысле расширения рынка сбыта: перевозка промышленных изделий значительно облегчилась и ускорилась. В то время, как в конце средних веков успевали проехать в среднем не более 5 миль в день, редко 6—7 миль, в Англии в конце XVII века скорость провоза не очень громоздких товаров равнялась 7—8 милям в день, а в Германии 9—10 милям, при перемене лошадей; даже по сравнению с XVI веком, в XVII ст. скорость перевозки значительно возросла, так что совершенно справедливо утверждали, что „Postlandkutschen“ „дешево и скоро перевозят товары с одного места до другого“. Рассказывают, что в Антверпен уже в 1550 г. въезжало еженедельно по 2.000 возов, а в XVII в. во всех центральных пунктах появились многочисленные постоянные дворы, содержавшие лошадей; периодически раз или два в неделю двигались целые обозы: возы, запряженные 4—8 лошадьми, нагруженные 3—6 тоннами товара. На улучшенных дорогах лошадь была в состоянии везти 1.000 и более килограммов; особенно хороши были дороги во Франции: Артур Юнг прямо приходит в восхищение от них, хотя это может относиться лишь к большим дорогам, соединявшим наиболее крупные центры. Остальные дороги были в значительно худшем состоянии. В Германии дороги были вообще гораздо хуже. Тем не менее, почта ходила по ним свободно; из Гамбурга раз и даже два раза в неделю она отправля-

лась в 57 важнейших торговых городов. Возникла коммиссионная торговля, экспедиционный промысел, покупка на пробу, купец не должен был более сопровождать свои товары (см. мою „Историю экономического быта“).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Появление конкуренции в торговле и влияние ее на цены.

Все рассмотренные моменты привели не только к увеличению и к ускорению торговых оборотов, но и к распространению их за пределы государств, к возникновению—хотя и в весьма ограниченных еще пределах—международной торговли не только колониальными товарами, но и промышленными изделиями. Эта торговля в рассматриваемую эпоху имела еще весьма своеобразный характер: вследствие запрещений ввоза и запретительных ввозных пошлин она могла производиться лишь контрабандным путем. Действительно, период XVII—XVIII ст. представляет собою расцвет контрабандной торговли. В эту эпоху всякий купец, решавшийся подвергнуться некоторому риску, мог совершать прекрасные обороты, обходя запрещения и пошлины. Ввоз товаров контрабандным путем должен был принять обширные размеры и потому, что он был вполне организован, тогда как охрана пограничной черты была не удовлетворительна. „Несовершенство таможенного управления в техническом отношении, подкупность чиновников, неопределенность ставок тарифа, их сложность, вследствие существования различных добавочных платежей, неясность всего тарифа, вследствие целой массы исключений, наконец, система пошлин *ad valorem* (т.-е. по ценности товара), взимаемых на основании показаний купца под присягой, без каких-либо иных средств контроля,—все это—говорит Шмоллер относительно Англии XVII и XVIII вв.—приводило

к тому, что контрабанда приняла грандиозные размеры, несмотря на то, что в 1617 году один из купцов был назначен в высшее учреждение по таможенным сборам, в виду его значимости со всеми проделками контрабандистов. Значительная часть ввоза товаров в Англию производилась путем контрабанды. Сюда относится, напр., ввоз шелковых изделий из Франции, который был воспрещен. Точно также и во Францию при Кольбере масса товаров проникала контрабандным путем: английское сукно, венецианские кружева и зеркала, чулочный товар ввозились в значительном количестве, затрудняя развитие основанной Кольбером промышленности. Контрабанда еще более усилилась, когда после смерти Кольбера пошлины были частью повышены, частью замечены запрещениями ввоза.

Не только английские фабрики, преимущественно сукно, но и продукты саксонской и швейцарской (хлопчатобумажной) промышленности привозились во Францию, несмотря на запрещения ввоза 1780 и 1785 гг., в тех же размерах, как и ранее, до установления этих запрещений. Запрещения обходились, главным образом, путем наложения ост-индского клейма на саксонские и швейцарские товары, ибо ввоз ост-индских бумажных изделий был свободен. Контрабанда провозилась в одних случаях через Франкфурт-на-Майне, в других через Гамбург и французские портовые города, смотря по тому, где провоз был безопаснее в данное время.

Всобщее, вся саксонская текстильная промышленность, расцвет которой относится к XVIII веку, основывалась на контрабандном ввозе товаров в другие страны, ибо ввоз ее продуктов был повсюду либо вовсе запрещен, либо обложен высокими пошлинами. Не только во Францию, но и в Голландию, Россию и Польшу товары ввозились контрабандным путем. Когда окольные дороги в Россию оказывались непроходимыми, вследствие дождливой погоды, вывоз саксонских товаров ссрацался, но как только это препятствие

устранялось, он возобновлялся с новой силой. Основные Фридрихом Великим мануфактуры также сильно страдали от иностранной конкуренции, несмотря на существование целой массы запрещений и покровительственных пошлин. Шелковая промышленность, на развитие которой он обращал особенное внимание, вынуждена была вести сильную борьбу с контрабандным ввозом иностранных товаров. Особенно опасна была конкуренция лионской промышленности, ибо в годы застоя в сбыте товаров во Франции изделия лионской шелковой промышленности привозились в Пруссию и продавались здесь по пониженным ценам. „В Австрии—говорит Бэр в своей „Истории экономической жизни Австрии в эпоху Марии-Терезии“—вследствие неудовлетворительной таможенной охраны, контрабанда процветала, и целые кипы актов о контрабандном ввозе товаров, относящиеся к XVIII веку, дают лучшее представление о значительности ввоза товаров в эту эпоху, чем официальные таблицы того времени, составленные на основании совершенно недостаточных данных. Вся изобретательность правительства, направленная к уничтожению ввоза иностранных товаров, не могла помочь горю, ибо контрабандистам всегда удавалось перехитрить правительство, а чиновники, получавшие „подарки“, смотрели на их проделки сквозь пальцы“.

Таким образом, контрабандный ввоз являлся весьма важным коррективом монопольной системы, усвоенной государством. И здесь с переходом от городского хозяйства к хозяйству народному или территориальному монополия не только потеряла в своей интенсивности, вследствие допущения конкуренции внутри государства, но и вообще не имела уже той силы, как прежде, так как преграды, которые ставились ввозу товаров, при замене городских таможен государственными, обходились без больших затруднений. В средние века приходилось контролировать товары при ввозе их в город, в XVII—XVIII ст. контроль производился при ввозе в страну, но пограничная черта была нередко

очень значительна, и поэтому контроль сильно затрудняется. Далее в средние века зорко следил за ввозом каждой категории товаров тот цех, который пользовался монополией в данной отрасли производства, не допуская ввоза запрещенных товаров и контролируя ввоз товаров, облагаемых пошлиной. В XVII—XVIII ст. этого надзора со стороны цехов уже не было и быть не могло; правительственные чиновники, заступившие их место, не были заинтересованы в той мере, как цехи, в стеснении ввоза товаров в страну и их нетрудно было подкупить.

Расширение рынка сбыта и усиление конкуренции в торговле вызвало падение цен на промышленные изделия, правда, не абсолютное понижение цен, но относительное. Абсолютно цены на все товары, в том числе и на произведения промышленности, в XVI—XVII ст., под влиянием падения ценности денег, сильно возросли, но цены промышленных изделий понизились как по сравнению с ценами других товаров, так и по сравнению с издержками, затрачиваемыми на производство этих изделий, с ценами сырья. Во время всеобщего повышения уровня цен, под влиянием падения ценности денег, цены на фабрикаты значительно отстали от всех других цен, вследствие сильной конкуренции на рынке,—произошло, следовательно, именно то явление, как мы называем падением цен в истинном смысле этого слова. „Переворот в ценах—говорит Вибе в своей „Истории цен XVI—XVII ст.“—состоял не только в том, что цены сильно повысились, но и в том, что изменилось соотношение между товарными ценами и заработной платой“.

Прежде всего надо иметь в виду, что цены на промышленные изделия начали возрастать позже, чем цены всех других товаров. „До половины XVI века увеличивались только одни цены на сельскохозяйственные продукты, но после 1550 года это повышательное движение приняло более общий характер, постепенно распространяясь на все

товары. В 1551—1570 гг. (для Эльзаса и Франции—в 1551—1575 гг.) еще не успели вздорожать только следующие товары: воск, восковые свечи, некоторые виды рыб, металлические изделия, изделия из волокнистых веществ, бумага, наконец, большинство южных плодов и винный уксус“. В Эльзасе цены на некоторые сорта полотна и сукна и на изделия из свинца повысились лишь в XVII веке. В XVI веке, в особенности в первой половине его, цены промышленных изделий даже упали сравнительно с тем уровнем, на котором они стояли во второй половине XV века. Особенно понизилась в цене бумага; лишь около 1700 года цена бумаги снова достигла той высоты, на которой находилась в 1500 году. Цены остальных фабрикатов последовали в XVII веке за общим повышательным движением цен. Однако, и в этот период они возросли несравненно менее, чем средний уровень цен вообще. Сильнее всего повысились цены на сельскохозяйственные продукты, в особенности цены на хлеб. В том же размере или немного меньше, чем средний уровень цен вообще, возросли цены на дрова, уголь, соль, руду и строительные материалы. Менее всего вздорожали как в Эльзасе, так и в Англии изделия текстильной промышленности, металлические изделия, южные плоды и пряности (Вибе).

Таким образом, фабрикаты относятся к той группе товаров, на которой падение ценности денег отразилось менее всего. Цена хлеба до конца XVII века повысилась в Нормандии почти на 500 проц., в Англии на 350 проц., в Эльзасе на 240 проц., в Париже, Иль-де-Франсе и Дофине на 200 проц., в Саксонии на 170 проц. и в Орлеане на 240 проц.; в таком же размере возросли цены и на другие сельскохозяйственные продукты. Цены же промышленных изделий увеличились следующим образом. Цена железа повысилась в Англии на 50 проц., во Франции на 100 проц., в Орлеане на 80 проц., в Мюнстере на 30 проц. Полотно вздорожало в Англии на 60—70 проц., в Эльзасе на

110—120 проц. Цены на сукно, в особенности на низшие сорта его, сохранили и в XVII веке свой прежний уровень, средние сорта несколько вздорожали, и лишь сукно лучшего качества повысилось на 150 проц., сравнительно с ценой 1500 года. Зато сапожный и башмачный товар в некоторых местностях увеличился в цене почти на 300 проц.

Еще любопытнее другое обстоятельство, именно то, что цены на сырье значительно возросли по сравнению с ценами фабрикатов. „Промышленные изделия—говорит Вибе—сравнительно очень мало повысились в цене и всегда в гораздо меньшей степени, чем сырые материалы, из которых они произведены. Это относится равным образом и к сальным и восковым свечам, и к изделиям из железа и свинца и, наконец, к произведениям текстильной промышленности“. Цены на сало и сальные свечи повсюду понижаются в начале XVI века, затем они возрастают. Однако, повышение цен на свечи начинается в Мюнстере, Эльзасе и Англии лишь в половине XVI века, а в Орлеане еще позже. Наоборот, возрастание цен на сало происходит еще до 1520 года, и к 1560 году оно составляет уже 69 проц. в то время, как цена сальных свечей в том же Мюнстере и за тот же период увеличивается всего на 45 проц. В Мюнстере и в Саксонии цены на сало возрастают в том же размере, как цены на скот; наоборот, цена сальных свечей нигде не достигает цены скота“.

Точно также и соотношение между железом и железными изделиями изменилось к невыгоде фабрикатов: первое вздорожало в Англии до 1562 года на 78 проц., вторые всего на 12 проц. „Цена на свинец стала возрастать в Мюнстере с 1540 года, в Англии с 1550 года, при чем она увеличилась в Мюнстере до 1560 года на 30 проц., в Англии в течение двух столетий на 100 проц. Изделия из свинца вздорожали в Англии несколько менее, а в Эльзасе. в Орлеане и во Франции они начали повышаться в цене лишь с конца XVI и даже с начала XVII века, при чем в

Эльзасе это повышение равнялось 50 проц., а во Франции оно было совсем незначительно“. Что касается далее цен на башмаки, то—как указывает Вибе—хотя определить возрастание их с точностью крайне трудно, но все же нельзя сомневаться в том, что оно было очень значительно: однако,—прибавляет он—есть основание предполагать, что это повышение было меньше, чем одновременное увеличение цен на сырье (на кожи и шкуры), ибо уровень последних поднялся в это время в очень сильной степени. Если наконец, сравним цены на шерсть с ценами сукна, то снова убедимся в том, что цены фабрикатов отстали от цен на сырые материалы. В Англии за период 1500—1582 гг. шерсть вздорожала на 38 проц., сукно всего на 6 проц.; во Франции при сравнении периода 1576—1600 гг. с периодом 1451—1500 гг. получается вздорожание шерсти на 86 проц., сукна же на 29 проц., а при сравнении конца XVII века с тем же концом XV века оказывается, что шерсть попрежнему стоила на 86 проц., сукно же на 72 проц. дороже.

Столь значительная перемена в соотношении между ценами промышленных изделий и ценами сырых материалов, вызванная усилением конкуренции при продаже фабрикатов и расширением рынка сбыта последних, привела к увеличению расходов на материал и к уменьшению той части цены, которая представляла собою прибыль и заработную плату. Новых изобретений, которые уменьшили бы процесс производства, в интересующий нас период почти не было; во всяком случае, они еще не применялись, за исключением разве производства изделий из бумажной массы. Да и кроме того, как справедливо указывает тот же Вибе, для этого периода, в противоположность нашему времени, характерно то, что новые усовершенствования в технике производства распространялись крайне медленно, почему те немногие технические улучшения, которые были

сделаны в этом периоде, стали применяться в промышленности значительно позже. А раз условия производства почти не изменились, между тем как расходы, затрачиваемые на приобретение сырья, значительно возросли, то очевидно, что либо прибыль, либо заработная плата или, наконец, и та, и другая должны были сократиться. Пострадала, главным образом, заработная плата; что же касается прибыли, то если она и понизилась на каждую единицу товара, зато в сумме увеличилась, ибо производство значительно расширилось *).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возникновение кустарной или домашней промышленности.

Последствием переворота в области обмена товаров и торговой политики, последствием замены местного рынка более обширным рынком был не менее крупный переворот в промышленности. В средние века господствующей формой производства было цеховое ремесло. Ремесленник был одно-

*) В базельской шелковой промышленности случай, где 16 человек работают на одного скупщика, составляет в 1599 г. еще редкость: в 1646 г. установлен уже максимум станков, могущих работать на одного скупщика, в 50 (15 в городе и 35 в скрестных селах). В шелковой промышленности г. Лиона в XVIII веке на каждого скупщика приходилось 20—30 ткацких станков, 8—14 мастеров и 35—50 рабочих в общем, считая в том числе подмастерьев, учеников и всех других лиц, помогавших мастеру. В г. Седане (в XVIII ст.) было 25 предпринимателей, на которых работало свыше десяти тысяч человек. В Ноттингеме в 1750 г. на 50 скупщиков работало 1200 чулочных станков. В Нидерландах, впрочем, предприятия были весьма небольших размеров: в суконной промышленности г. Дельфта в 1652 г. насчитывалось 69 скупщиков и 256 кустарей-рабочих, в 1654 г. первых 72 и последних 226 и в 1656 г. 93 и 226; в Эйпене (Лимбург) находим в половине XVIII в. 50 предпринимателей-суконщиков, на которых работало 340 станков, в Годимоне—22 предпринимателя и 285 станков.

временно и предпринимателем, и рабочим. Ему принадлежали и мастерская, и материал, и орудия производства. Вместе с подмастерьями и учениками он изготовлял продукт и сам же сбывал его на местном рынке. Теперь положение дел изменилось; изменилось оно лишь в одном отношении,—ремесленник перестал сбывать продукты своего труда потребителю, или, по крайней мере, он самостоятельно сбывал лишь незначительную часть из числа изготовленных им товаров. Все или большую часть их он продавал скупщику, в одних случаях получая у него цену за готовый продукт, в других случаях обрабатывая его материал за почасную плату. Все остальные условия несколько не изменились. Мастер попрежнему работал у себя на дому с подмастерьями и учениками, собственными инструментами, да и материал часто принадлежал ему. Перемена произошла, следовательно, лишь в конечной стадии хозяйственного процесса, в сбыте. Но эта на первый взгляд незначительная перемена знаменовала собою крупный переворот в экономическом и социальном положении мастера. Из самостоятельного ремесленника, работавшего для потребителя, он превратился в зависимого кустаря, производившего продукты для скупщика, последний явился посредником между производителем и потребителем. Скупщик доставлял на рынок приобретенные у кустаря продукты и входил в сношения с потребителем.

Переворот совершался весьма медленно; лишь постепенно ремесло превратилось в кустарную промышленность, но зачатки последней относятся еще к средневековому периоду. „Главное зло средневековой организации—говорит Стида—состояло в том, что она стесняла производство и ничего не делала в смысле облегчения сбыта. Изодня в день изготовлялись товары одним и тем же способом, и всякое отклонение от установленных правил строго преследовалось. Ремесленнику запрещалось выделывать даже такое количество изделий, какое он в состоянии был произвести; и, несмотря на узкие границы, которые ставились

производству, изготовлялось, повидимому, все-таки чрезмерно много продуктов. Целый ряд цеховых правил был вызван именно желанием сократить число ремесленников, уменьшить конкуренцию среди них, ибо она еще более затрудняла бы сбыт товаров, еще большее количество ремесленников вынуждено было бы делить между собою сравнительно очень ограниченный рынок сбыта. Некоторые ремесла, в которых производство сильно превышало спрос, предъявляемый местными потребителями, стали прибегать к сбыту своих изделий вне города, на ярмарках. Так поступали золотых дел мастера, ткачи, портупейные мастера Кельна, Любека, Нюрнберга, золингенские ножевщики и сружейники, брюссельские перчаточники, сапожники, оружейные мастера. На ярмарки отправлялись, конечно, далеко не все мастера, а лишь немногие из них, ибо не мог же весь цех бросать работу и совершать путешествия, отнимавшие в те времена очень много времени. Те из ремесленников, которые занимались сбытом товара на ярмарках, закупали у остальных произведенные ими изделия и сбывали их вместе с собственными на свой страх и риск. В других случаях ремесла, для которых местный рынок являлся слишком стеснительным, продавали часть своих продуктов купцам. В ганзейских городах — Любеке, Люнебурге, Грейфсвальде, Гамбурге янтарные цехи, цехи бочаров, оловянных изготовляли часть своих изделий по заказу иногородних купцов. Этими обоими путями ремесло должно было перейти постепенно в кустарную форму производства. До тех пор, пока лишь небольшая часть продуктов изготовлялась для вывоза, ремесло еще не изменяло своего характера. Но чем больше становилось это количество, чем большее значение приобретало производство для сбыта вне города, сравнительно с производством для местного рынка, тем более возрастала и зависимость ремесленника от внешнего рынка, от лица, скупавшего его изделия, тем скорее совершался переход к кустарной промышленности.

Подобная форма производства шла решительно в разрез со средневековыми воззрениями, согласно которым цеховой мастер сам же должен был сбывать производимые им товары на рынке и отнюдь не мог работать по заказу другого цехового мастера, а тем менее по заказу купца, вовсе не принадлежавшего к ремесленному цеху. Поэтому в Шалоне уже статут 1247 года запрещает цеховым мастерам раздавать работу на дом другим лицам. В статуте бочаров г. Висмара 1346 года и г. Данцига XV века сказано, что бочарам воспрещается скупать бочки у других бочаров или изготовлять их по заказу других бочаров. В Констанце в XIII веке запрещено ткачам покупать полотняные изделия, купцы же могут приобретать их лишь на рынке. Первым постановлением предотвращалась скупка цеховыми ремесленниками товаров у своих собратьев, вторым — производство по заказу купца.

Если, несмотря на эти запрещения производства для сбыта вне города, уже в XIII веке на ярмарках встречаются изделия текстильной промышленности, а в XIV—XV ст. и продукты других отраслей производства, то это является результатом распространения кустарной промышленности в селах, где цехов не существовало, и где, следовательно, производство для сбыта на ярмарках ничем не стеснялось. „Не только в текстильной промышленности — говорит Инама-Стернегг, — но и в железодельной и гончарном производствах, в промыслах обработки дерева и обжигания кирпичей, мы в XIV—XV ст. встречаем нередко сельских жителей, работающих не только для своих помещиков, но и для сбыта; во многих случаях эти промыслы распространялись на значительном пространстве и становились важным источником заработка для населения, хотя и производились одновременно с земледелием“. Лампрехт указывает в особенности на металлургическую промышленность, где в местностях, богатых рудой, производство сельских жителей для домашних потребностей, т. е. для собственного хозяйства

еще в средние века приняло новую форму, стало выполняться для сбыта, превратилось в сельскую кустарную промышленность. Продукты сбывались либо самими же производителями, либо другими лицами, стоявшими в социальном отношении на той же ступени, но не купцами, сбывались посредством разносного торга.

Города противились возникновению кустарной формы производства в своих стенах; но еще более они стесняли завоз произведенных вне города фабрикатов. Поэтому и для продуктов, изготовленных в селах, рынок сбыта был сильно ограничен: кроме ярмарок сбыт был открыт лишь в не-европейские страны, на Восток. Вследствие этого, возникновение кустарной промышленности в средние века было весьма затруднено. Оно облегчалось лишь в одном случае. Как мы уже указывали выше, в исключительных случаях города допускали свободный ввоз промышленных изделий, именно тогда, когда какая-либо страна, местность или город пользовались фактической монополией в производстве тех или других изделий, и не было возможности вызвать отсюда ремесленников соответствующей специальности. При таких обстоятельствах приходилось допускать ввоз продуктов данной отрасли производства. Та местность, где сосредоточивалось производство этих изделий, имела, следовательно, возможность производить не только для местных потребителей, но и на вывоз, для более или менее обширного рынка, и здесь-то уже в средние века возникал класс скупщиков, сбывавших изготовленные мастерами продукты в других городах и странах. В XIII и первой половине XIV ст. такой фактической монополией в производстве тонких сортов сукна, крашенных сукон, белых и цветных, пользовались фламандские города Брюгге, Гент, Ипр, Сент-Омер, Дуэ, а также некоторые брабантские города, в особенности Брюссель. В дошедших до нас торговых книгах средневековых купцов стоит на первом плане торговля фламандским сукном, к которому присоединяется отчасти брабантское, а

позже и английское сукно. И любекский купец Виттенбург и гамбургский купец Гельдерсан, и ростокский купец Тельнер—все они (XIV век) торгуют прежде всего фламандским сукном. Точно также в торговых книгах аугсбургского купца Рунтингера (1383—1407) и нюрнбергского купца Ульриха Старка (1426—1435) на первом месте стоит покупка и продажа нидерландских сукон. Наконец, и тевтонский орден, который вел значительные торговые операции, в особенности с Фландрией, вывозил оттуда прежде всего сукно. Такое же монопольное положение в шерстяной промышленности XIV и первой половины XV века находили в итальянских городах. Флоренция, Венеция, Милане, Итальянские же города, сначала Лукка, а затем Венеция и Генуя обладали также монополией производства шелковых материй в течение всего средневековья, а в Милане, Брешии и Таледо изготовлялось оружие, в особенности золоченое оружие, выделка которого также была неизвестна другим странам. Наконец, ремесла Нюрнберга производили целый ряд металлических изделий, которые не изготовлялись в других городах, а Ульм, Констанц и Равенсбург были до XVI века почти единственными, где выделывались полубумажные ткани (бархент)—чисто-бумажные ткани производятся в Европе лишь с конца XVIII ст.

В этих и только в этих местностях мы находим в средние века кустарную форму производства. Во фламандской шерстяной промышленности целая масса мастеров работает на немногих купцов, которые распространяют изделия по всей Европе. У себя на дому, при помощи одного—двух подмастерьев, эти мелкие хозяева обрабатывают принадлежащий скупщику материал (см. Пиренн, „История Бельгии“). В брабантских городах производство шляп, перчаток, готового платья, оружия и прочих металлических изделий находилось в руках самостоятельных ремесленников; в области же шерстяной промышленности рабочие на дому производили товары по заказу скупщика-предпринимателя. В противо-

посложность всем другим отраслям производства, эта промышленность работала для иностранного рынка; ткани сбывались в Шампани и в Англии, куда мастера не в состоянии были отправляться, вследствие дальности расстояний (Des Marez). Еще более развитую форму кустарной промышленности представляет собою производство шерстяных и шелковых материй в итальянских городах: скупщики держат в своих руках всю промышленность. Наиболее крупные купцы и банкиры принимают живое участие в торговле этими товарами. Наконец, и оружейное производство Милана, а также выделка металлических изделий в Нюрнберге и хлопчатобумажная промышленность Ульма имеют форму кустарного производства.

В других местностях и отраслях производства в течение всего средневековья сохранялось ремесло. Наиболее твердо оно стояло в северо-германских, ганзейских городах, где товары изготовлялись для вывоза лишь в исключительных случаях, огромное же большинство изделий предназначалось для местных потребителей. Несколько ближе к характеру кустарной промышленности подходило производство текстильных фабрикатов в южно-германских и северо-французских городах в XV веке, хотя и здесь (Констанц, Равенбург, Аугсбург, Париж, Нормандия) не менее значительную роль играло все еще производство для местного потребления, и мастера-ткачи работали не только по заказу купцов и других мастеров, но и для местного рынка. Особого класса скупщиков еще не существовало, он едва только зарождался, и цехи еще довольно успешно боролись с новой формой производства. Наконец, и во Фландрии и Брабанте кустарная промышленность существовала лишь в XIII и первой половине XIV ст., в эпоху расцвета суконной промышленности. Вскоре начался упадок этой отрасли производства, и вывоз сильно сократился: Нидерланды уступили свое место сначала итальянским городам, а затем Англии. В Англии с конца XIV века появляется класс сукноделов—

предпринимателей, которые становятся посредниками между производителями сукна и потребителями, и с половины XV в. кустарная форма производства постепенно совсем вытесняет ремесло. Во всех других отраслях производства последнее, однако, и в Англии сохраняет свое значение.

Таким образом, в одной только Италии уже в средние Века господствовала кустарная промышленность в городах. Во всех других странах она только едва-едва зарождалась и лишь в Англии (в шерстяной промышленности) уже в XV веке вылилась в определенную, резко отличающуюся от ремесла, форму производства. Шестнадцатое и семнадцатое столетия, наоборот, сильно благоприятствовали превращению ремесла в кустарную промышленность. Местный рынок заменился более обширным рынком; оказалось возможным производить товары для вывоза. Вместе с тем, усилилась и потребность в сбыте на иногородние рынки, ибо с возрастанием промышленного населения, с появлением целого ряда новых категорий лиц, занимающихся промыслами, производство далеко опередило спрос, предъявляемый местными потребителями. В Страсбурге ткачи, изготовляющие саржу, уже в 1537—1541 гг. не находят сбыта для своих изделий, и так как они очень бедны и не в состоянии ждать более благоприятного времени, то они обращаются к купцам и всячески упрашивают их купить произведенные ими продукты. В прусской шелковой промышленности и в производстве чулочного товара ощущается постоянный недостаток в скупщиках. Австрийские камералисты XVII ст. Бехер и Гернигк, вовсе не относящиеся дружелюбно к купцам, считают их все-таки весьма необходимыми для правильной организации сбыта промышленных изделий. В Австрии действительно постоянно обнаруживался недостаток в скупщиках; торговцы предпочитали сбывать иностранные изделия, и кустарям некуда было девать свои произведения.

Превращению ремесла в кустарную промышленность

благоприятствовало и то обстоятельство, что посещение отдаленных рынков самими производителями для сбыта товаров оказывалось теперь еще более затруднительным, чем оно было раньше, ибо к прежним неудобствам присоединилось еще новое крайне важное обстоятельство: появившаяся конкуренция требовала большей подвижности в сбыте товаров, большего умения сообразоваться со спросом. Весьма любопытный пример торговца, придерживавшегося уже нового принципа—побивать своих конкурентов дешевизной товаров, представляет собою базельский купец Перец, переселившийся туда в 1568 году из Антверпена и основавший шелковую промышленность в Базеле. Он вскоре приобрел большой круг потребителей и заставил местных торговцев понизить цены и прибыль до минимума. Подобным же образом действовали и некоторые другие купцы, переселившиеся в Базель из Нидерландов и Италии. Между тем, местные торговцы стояли на прежней средневековой точке зрения, находя, что надо брать не количеством, а высокой ценой и лучше продавать попрежнему мало, но приобретать высокую прибыль на каждой единице товара, чем сбывать их дешевле, но в большем количестве и выручать в сумме более значительную прибыль. Поэтому-то низкие цены Перца и приводили их в сильное негодование. Нам известны—говорят они—аугсбургские, нюрнбергские, страсбургские купцы, которые покупают товары в Италии там же, где и Перец, и, несмотря на то, что эти купцы закупают товары оптом, они не в состоянии их сбывать столь же дешево, как Перец. Что же касается продажи сукна, то местные купцы совершенно не в состоянии конкурировать с ним. Он продает, по их мнению, слишком дешево и должен при таких ценах безусловно нести убытки (см. также ниже, VI).

В результате поэтому прежняя организация сбыта оказалась устаревшей и непригодной: при усилившейся конкуренции производство для вывоза могло быть выгодным лишь в том случае, если сбыт производился людьми опыт-

ными, знакомыми с состоянием рынка и с требованиями покупателей. Цеховой мастер не был в состоянии приспособиться к изменившимся условиям, ибо главным его занятием попрежнему было изготовление товаров; торговля составляла лишь побочное занятие. Для того, чтобы окаяться наравне с современным уровнем требований, чтобы обнаружить необходимую энергию, он должен был совершенно прекратить производство и заняться исключительно сбытом промышленных изделий, превратиться в торговца. Но за торговлю могли взяться лишь немногие из цеховых мастеров, лишь те из них, которые обгадали коммерческими способностями и успели уже раньше составить себе известный капитал. Все остальные мастера стали кустарями-рабочими, производившими для тех мастеров, которые посвятили себя торговому делу, и переставшими самостоятельно сбывать продукты своего труда. В других случаях сбыт промышленных изделий переходил в руки купца, который в средние века преимущественно, даже почти исключительно торговал сырьем, но теперь стал сбывать также и фабрикаты; мастера работали по его заказу. И в том, и в другом случае мастера сохранили за собой лишь изготовление товаров.

Таким образом, произошла существенная перемена. С одной стороны, производитель отделился от продавца, между тем, как раньше обе эти функции соединялись в одном лице; а с другой—образовалась связь между торговлей и промышленностью. Скупщик-предприниматель совершенно отделяется от мастера-кустаря; он принадлежит к другому классу, к купеческому. Он сам уже не работает, продуктов не производит. В противоположность доходу цехового ремесленника, в состав которого входила и заработная плата, и прибыль, доход скупщика состоит из одной прибыли, доход работающего на него кустаря из одной лишь заработной платы. Прибыль отделилась от заработной платы.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ремесло и кустарная промышленность.—Казенные и частные предприятия.—Техника XVII—XVIII ст.

В XVI, а тем более в XVII—XVIII ст. распространяется кустарная промышленность. Но это не значит, конечно, что ремесло исчезло. Оно сохранилось не только в XVI и в XVII—XVIII ст., но еще и в первой половине XIX века, и только во второй половине минувшего века фабрика его в сильной степени вытеснила. Раньше же установилось известное разделение областей производства и производственных процессов между ремеслом и кустарной промышленностью (и мануфактурой). Ремесло сохранило свое значение, главным образом, в изготовлении предметов непосредственного потребления, как-то: платья, белья, шляп, обуви, различного рода кожаных товаров, мебели, утвари и посуды из дерева и глины. Портной, сапожник, шапочник, столяр, плотник, бондарь, токарь, гончар, скорняк, портупейный мастер, шорник, как и пекарь и мясник,—все это попрежнему мелкие ремесленники, работающие по заказу потребителя или, во всяком случае, для непосредственного сбыта ему в деревне или в городе, из собственной мастерской или лавки при последней, для продажи в разнос или в развоз, на ярмарке или рынке. Напротив изготовления полуфабрикатов, материалов, необходимых для этих ремесленников, в особенности шерстяной, льняной, полубумажной пряжи и тканей, обработка железной и медной руды, дубление кож—все это принимает кустарный характер. Но кустарным способом производятся и различные предметы непосредственного потребления; далеко не все отрасли производства этого рода сохраняют ремесленную форму.

Остались лишь старые ремесла—те, которые существовали уже раньше; в этих отраслях ремесло сохранилось, но потеряло более ранние стадии производственного процесса. Те же отрасли промышленности, которые появились вновь, а в XVII—XVIII ст. таких было весьма много—повсюду ведь старались насаждать новые производства,—сразу возникали в форме крупной промышленности, и крупная промышленность охватила все стадии производственного процесса, не только изготовление полуфабрикатов, но и выработку из них предметов непосредственного потребления. Так что последние в новых отраслях также получили кустарный, а не ремесленный характер, как это было в старых, существовавших уже ранее, промыслах. Эти новые отрасли промышленности были почти исключительно промыслы, изготавливавшие предметы роскоши, предназначенные для состоятельных классов населения. Таково было производство шелка и бархата и изделий из них, кружев, лент и позументов, фарфора, стекла, зеркал, ковров, мебели стильной, из красного дерева, предметов из черепахи, слоновой кости, мыла, обоев, писчей бумаги, часов, игрушек, табачных изделий—все это ведь были предметы роскоши, недоступные массе населения. К ним относятся даже такие предметы, как обои, писчая бумага, не говоря уже о часах, которые только во второй половине XIX ст. стали общим достоянием, а в то время являлись либо крайне дорогими бронзовыми часами на стене или на столе, или золотыми, украшенными драгоценными камнями, карманными часами. Как мы видели, изделия крупной промышленности сбывались в пределах всей страны, отчасти и за границу; то, что попадало в иностранные государства, уже, во всяком случае, не могло быть изготовлено ремесленником, характерным для которого является местный сбыт.

Такой список экспортируемых товаров, именно вывозимых в начале XVIII ст. из Франции в Нидерланды как для потребления в пределах последних, так и для дальнейшего

экспорта, приводит Зомбарт („Luxus und Kapitalismus“). Если откинем из 39¹/₂ милл. фр. 13 милл., в которых выразился вывоз вин, уксуса, сидра, меда, оливок, миндаля, слив и иных фруктов, то останется 14 статей вывозимых промышленных изделий, именно следующих:

1) бархат, плюш, сатин, тканые золотом и серебром материи, тафта.	6	милл.	фр.
2) ленты, шелковые галуны, пуговицы	2	„	„
3) шляпы из шелка и иных материй	1 ¹ / ₂	„	„
4) перья, пояса, зонтики, маски, зеркала, золотые рамки, часы и иные предметы, именуемые „bijoux“.	2	„	„
5) перчатки	1 ¹ / ₂	„	„
6) шерстяная пряжа	1 ¹ / ₂	„	„
7) бумага разного рода	2	„	„
8) иголки, гребенки из слоновой кости, из рога и т. д.	1 ¹ / ₂	„	„
9) галантерея из железа и стали	1 ¹ / ₂	„	„
10) холст для парусов	5	„	„
11) постели, матрацы, одеяла, простыни и т. д.	5	„	„
Итого 26 ¹ / ₂ „ „			

Все это изделия кустарной промышленности или возникших— как мы увидим ниже — в весьма ограниченном количестве централизованных мануфактур, главным образом, предметы роскоши (для непосредственного потребления), или же, поскольку они не принадлежат к предметам роскоши, полуфабрикаты (шерстяная пряжа, холст).

Наконец, особую и весьма большую группу произведений крупной промышленности составляли все те, которые имели отношение к войне, к армии, к ее вооружению и снаряжению. Появление больших армий, хотя и наемных, начиная в особ. с XVI ст., вызвало массовый спрос на необходимые

для нее предметы, а тем самым и массовое производство и новую организацию снабжения— производство по заказу скупщика— поставщика, которому государство поручало заготовление оружия, снарядов, одежды и т. д. Характерной здесь являлась однородность вырабатываемых изделий, оружия, обмундирования, как и необходимость скорой, иногда немедленной доставки большого количества изделий. Все это неминуемо вело к замене ремесла крупным производством, направляемым поставщиком-торговцем, хотя и происходящим обыкновенно попрежнему в мастерской производителя— мелкого мастера.

„Надо только представить себе— говорит Зомбарт в другом, посвященном вопросу о связи между войной и капитализмом, сочинении («Krieg und Kapitalismus») — что это обозначало для средневекового человека, который в качестве производителя был ремесленником,— когда, напр., в марте и апреле 1652 г. английское правительство немедленно потребовало 335 пушек, а в декабре того же года объявило, что ему нужны немедленно 1500 железных артиллерийских орудий весом в 2230 тонн за 26 ф. ст. тонна и, кроме того, столько же повозок, 117000 снарядов, 5000 ручных гранат, 12000 баррелей пороха по 4 ф. 10 шилл. Немедленно! И агенты объезжали страну и стучались в двери ко всем мастерам, выделявавшим пушки, и все же не в силах были удовлетворить внезапный и огромный спрос“. Какой переворот все это должно вызвать в старинном процессе производства мастеров-оружейников! И не их одних. Рядом с производством ружей, пистолетов, пушек и других предметов вооружения (кирасс, аллебард), снарядов, селитры, пороха, рядом с появлением литейных заводов для литья пушек и гранат, для производства ружей, пороховых заводов,— крупный спрос на эти предметы должен был повлиять на производство нужных для них материалов—металлов, железа, меди, олова и преобразовать процесс их переработки, в особ. превращения руды в литое и ковкое железо: армия стала крупным

потребителем последнего. Отсюда появление и новых доменных печей — без них не могло обойтись литье железа, необходимое для пушек, ядер, труб. Отсюда и применение новых инструментов. „Сверлильные и токарные станки получили свое первоначальное развитие в области производства артиллерийских срудий. Сверление пушек являлось той проблемой, на которой главным образом развилась сверлильная техника“ (Beck, „Geschichte des Eisens“).

В области пряденья и ткачества кустарная промышленность развилась и независимо от потребностей армии: сукно и холст производились и для населения государства, и для левантийских стран, и для американских колоний. Но потребности войска и флота — холст для парусов, форменная, т. е. однообразная одежда, — появившиеся в большом количестве, должны были и тут ускорить развитие этой формы промышленности. Этот спрос должен был захватить и некоторые виды промыслов, которые в общем сохраняли ремесленный характер: сапожный, седельный, кузнечный, плотничный, где, под влиянием спроса на армию (сапоги, седла, подковы, повозки для провианта), должны были наряду с ремеслом возникнуть и формы массового производства. Если везде и повсюду государство одновременно с зеркальными и фарфоровыми, кружевными и шелковыми мануфактурами особенно поощряет горное дело и металлургические заводы, пряденье и ткачество шерсти и льна, то здесь обнаруживаются, с одной стороны, потребности двора в предметах роскоши, а с другой стороны, нужды государства в вооружении армии и в снабжении ее одеждой. Этим объясняется широкое распространение — как мы увидим ниже — пряденья в рабочих домах, исправительных заведениях, сиротских приютах, принуждение отставных солдат и солдатских жен, как и малолетних, всех, кого только возможно было, заниматься столь необходимым для изготовления мундиров для армии прядильным промыслом.

Производство на армию не работало на широкий рынок,

отыскивать покупателя не приходилось, но оно все же являлось массовым производством в виду самых свойств потребителя — государства. И оно должно было получить кустарный (отчасти и мануфактурный) характер, так как потребитель не мог обращаться к многочисленным мелким производителям. Он имел дело с немногими поставщиками, которые уже от себя раздавали работу, и которые ручались заказчику в точности и правильности выполнения заказа, обязывались доставить предметы определенного свойства, в определенном количестве и к определенному сроку. Торговец ведет упорную борьбу с самостоятельным ремесленником, стараясь всевозможными мерами принуждения подчинить труд мелких мастеров иным требованиям — точной доставке огромных однородных масс товара, ибо правительство жалуется на то, что однородности в поставках нет: одни куски сукна тоньше, другие толще, одни шире, другие уже, краски то ярче, то слабее — все эти недостатки должны быть устранены. Крупные торговцы (contractors) берут в свои руки это дело. Но, принимая на себя такую ответственность, они, само собою разумеется, приобретали и значительную власть и силу над производителем — им необходимо было дать широкие права в отношении исполнителей — кустарей, так как лишь в этом случае они в состоянии были исправно выполнить взятые на себя обязанности.

Везде и повсюду правительство всячески старалось насаждать как пряденье и ткачество, кожевенное производство и обработку металлов, так и новые неизвестные стране отрасли промышленности — шелковую, стекольную, фарфоровую, обойную и ряд других. Привлекая ичужеземных торговцев и мастеров и стараясь всячески облегчить устройство новых предприятий как им, так и местным жителям, правительство снабжало и тех и других всевозможными привилегиями в смысле изъятия от разного рода податей и сборов, от воинского постоя, от уплаты таможенных пошлин

за привозимое из-за границы сырье, в особенности же монополией производства, исключительной привилегией производить данный промысел в стране вообще или в определенных районах. Но этим дело не ограничивалось: приходилось идти дальше и оказывать помощь предпринимателям прямой выдачей им пособий или беспроцентных ссуд, которые приобретали обыкновенно характер безвозвратных подарков. Наконец, сплошь и рядом государство, не находя охотников среди частных лиц, вынуждено было брать на себя ту же задачу создания промышленности, учреждая казенные предприятия, которые оно и вело за свой счет или же, снабдив всем необходимым, сдавало в аренду частным предпринимателям; нередко, устремленные последними предприятия переходили в руки казны, которая старалась таким путем спасти их от гибели. Таким образом на ряду с поддерживаемыми казенными выдачами частными предприятиями, как и такими, паи которых частью приобретались правительством (предприятия смешанного типа), мы находим в XVII и XVIII ст. много казенных предприятий. Если в некоторых случаях учреждение последних вызывалось потребностями государства, именно нуждами армий (рудники, литейные заводы), то все прочие создавались по причине невозможности добиться учреждения их или дальнейшего ведения частными лицами.

И та и другая система—снабжение средствами частных предпринимателей и учреждение казенных предприятий особенно широко применялись в немецких государствах и в Австрии в виду недостатка в капиталах, недостатка столь сильного, что не хватало даже на приобретение сырья и уплату кустарям, т.-е. не имелось сравнительно небольшого оборотного капитала—в основном капитале надобности еще не было. Те крупные капиталы, которые появились в южно-германских городах в XVI ст. (миллионы Фуггеров) погибли уже к концу этого века, ибо испанские и французские короли, в займах которым они были помещены, многократно

объявляли себя банкротами и не уплачивали долгов. А в следующие два века Германия, как и Австрия, разоренные Тридцатилетней войной и исключенные из участия в морской торговле (они получали товары лишь из вторых рук—от голландцев и французов), а следовательно, лишенные того американского серебра, а затем и золота, которое в обилии притекало чрез Испанию в Нидерланды, Англию, Францию—не могли создать новых капиталов, столь необходимых для промышленного развития страны. Без помощи казны промышленность не могла возникнуть, хотя и усилия последней не дали сколько-нибудь значительных результатов. Промышленность падала—условия для нее были слишком неблагоприятны.

В Пруссии при Фридрихе Вел. на казенные средства учрежден был и банк в Берлине, и несколько торговых компаний; в руках казны сосредоточивались горное дело и металлургическая промышленность. К казне перешли заводы в Нейштадте, в Пейтце (около Котбуса—изготовление пуль и бомб), в Цеденике (на Гавеле), в Малапане, в Тарновице (выдано было 200 тыс. тал.), в Брауншвейге, в Мансфельде (медный завод), далее каменноугольные копи в Веттине, салины в Кенигсборне (обошлись в 150 тыс. тал.) и в Шенебеке (затрачено было свыше 350 тыс. тал.). Король приобрел и фарфоровую фабрику в Берлине за 225 тыс. тал.

В других отраслях производства мы находим частные предприятия, но без поддержки казны они не могли обходиться. Так обстояло дело в шелковой промышленности, учрежденной Фридрихом Вел. Гирш-Давид получил 8 тыс. тал. на расширение предприятия, другим выдавались и единовременные ссуды и премии по числу занятых у них станков; много получил пользовавшийся особым доверием короля, но, в конце концов, обанкротившийся Гоцковский. На учреждение шерстяных предприятий король истратил 72 тыс. тал. Его взял в свое управление de-Вел, получил обширные привилегии, а также ссуды в 18 тыс. и в 8 тыс.,

которые впоследствии были признаны подарками. Мануфактура по производству бумаги была устроена французом Дюбуа, который получил 5400 тал. на переселение свое и рабочих, 2 тыс. на приобретенье тряпья и 35800 тал. на сооружение и оборудования предприятия. Завод по выделке кос, ножей и т. п., который должен был освободить Пруссию от приобретения штирийских товаров, пользовался всякими пособиями у Фридриха Вел., как и впоследствии постоянно обращался за помощью к его преемникам.

Но получился ли какой-либо результат? Мы знаем, что шелковая промышленность, на которую было затрачено столько денег и сил, оказалась искусственным созданием, которое отцвело, не успевши расцвести — ряд предприятий погиб уже при Фридрихе, другие закрылись после его смерти. Другим примером являются предприятия, учрежденные в Силезии — суконные, льняные, ниточные, чулочные, кожевенные, иглолочные, маслобойные, крахмальные, табачные, шляпные, металлические и другие. По настоянию короля, министр его Шлабрендорф заставлял и монастыри, и дворянство, и евреев учреждать в Силезии предприятия всякого рода. Но монастыри в большинстве случаев уклонялись от возложенной на них обязанности, отличался большой изобретательностью в оговорках, или же для виду только давали работу немногим крестьянам. Несколько дворян, пользуясь своим лесом и залежами руды, учредили у себя металлургические и стекольные заводы, кулечество же относилось совершенно отрицательно к учреждению предприятий. Королю сообщали ежегодное количество устроенных предприятий и числе занятых в них рабочих. Последние по отчетам возросли с 2 тыс. в 1765 г. на 12 тыс. в 1775 г., на 16½ тыс. в 1785 г.; в 1765 г. насчитывалось 397 станков, в 1775 г. 1454, в 1782 г. 1565. Но цифры эти были неверны: закрывшиеся предприятия, а их было до смерти Фридриха Вел. более 35 проц., не вычитались; в состав новых рабочих зачислялись и солдаты и те, кто уже раньше работал, не говоря уже о

том, что в это число включались и сидельцы исправительных и работных домов, так что с ростом их и число занятых в промышленности рабочих возрастало. В результате король получал совершенно неправильное представление о положении силезской промышленности — правду ему не решались сообщать. А между тем и те предприятия, которые продолжали свое существование, даже несмотря на получаемые из казны пособия, все-таки прозябали, почти не давали дохода, на руках у них оставалось много непроданного товара (Fechner).

Не иначе дело обстояло и в других немецких государствах. Недостаток в капиталах, а вследствие этого и отсутствие частной предприимчивости, должно было давать себя знать в этих более мелких территориях, с крайне ограниченным местным рынком, в еще гораздо большей мере. Так, напр., в Гессене государь был крупнейшим предпринимателем в стране; ему принадлежали рудники, металлургические заводы, предприятие по выделке белой жести, красочная фабрика, зеркальная и стеклянная и др. Из попыток же создать частную промышленность и здесь вышло „мало достопримечательного, и еще менее прочного“. Несмотря на публичные обращения к частным предпринимателям приезжать в Гессен и учреждать промышленность, несмотря на обещанные им привилегии и пособия, промышленность развивалась слабо. Помимо недостатка в капиталах, внутренний рынок был слишком мал, да и в страну, окруженную со всех сторон рядом промышленных государств, несмотря на пограничный кордон, на высокие привозные пошлины и запрещение привоза, проникало много иностранных товаров, более дешевых и лучшего качества, за границу же вывозить товары, вследствие их дороговизны и установленных повсюду стеснений, было крайне трудно. К началу XIX ст. от всех этих попыток насаждения промышленности осталось весьма немного. Одно предприятие по выделке ситца, другое по изготовлению восковых свечей, табачные и обойные.

Гончарный завод остановился, за отсутствием сбыта, ряд других предприятий прекратился или не мог развиваться, а ведь созданы они были и в кожевенной, и в шерстяной промышленности, в шляпной, крахмальной, стеариновой, мыловаренной. В Шмалькальдене — как официально сообщалось в 1802 г., они из года в год все более падают (Brauns).

И в Вюртемберге, кроме двух текстильных предприятий, принадлежавшего кальвской компании и другого в Зульце, „было сделано много и весьма разнообразных попыток, но только попыток“. В Баварии „учреждались предприятия на казенный счет и снабжались всевозможными привилегиями, или поощрялось учреждение такого рода предприятий получившими привилегии компаниями или частными лицами“. Но ни одно из них не достигло значительного успеха, лишь немногие были в силах продержаться, несмотря на монополии и привилегии и не взирая на меры насилия, которые применялись" (Schmelzle). Один современник следующим образом характеризует их. „Я видел, если можно выразиться картинно, как строились большие корабли, как их нагружали всевозможными товарами, как находились умелые рулевые — но как им приходилось напрасно ждать ветра, который дул бы в паруса, привел бы в движение судно и содействовал бы отправке товаров“.

В Австрии ссуды, выданные из казны предпринимателям на устройство разного рода (кустарных) заведений, главным образом, с целью развития прядильной, ткацкой и т. п. промышленности, и не возвращенные ими, составляли в 1785 г. 680 тыс. гульд. Много ссуд было выдано дворянам на устройство промышленных предприятий (графам Вальштейн, Штаремберг, Коловрат, Клари, Баттиани). Из прочих Тис напр. (на ряду с рядом других привилегий) получил на ведение суконного предприятия и на распространение прядильного производства 100 тыс. гульд. (после его смерти предприятия его прекратились). Чулковязальному пред-

приятно в Понегге выдана была ссуда в 50 тыс. гульд. и по 1 гульд. за каждую дюжину изготовленных чулок. Фальцоргер, учредивший креповое предприятие, получил на первые 20 станков 2 тыс. гульд., на две новые прядильные мастерские 150 гульд., с каждого мальчика или девочки, работающих у него, 25 гульд., Валеро — на такое же предприятие 9700 гульд. на приобретение инструментов, Монфор — 3 тыс. гульд. из 2 проц., предприятие в Пенцинге — сначала 30 тыс., затем еще 20 тыс. Много затрачено было казной на суконное предприятие в Брюнне как при самом учреждении его, так и впоследствии (в 1762 г. оно должно было казне 22 тыс., затем получило еще 12 тыс. на расширение дела, затем снова выдана ссуда в 25 тыс.), но дело не двигалось, и казне пришлось скупить весь ее запас сукна ценностью в 86 тыс. гульд.

Ряд других предприятий в Австрии был учрежден казной, или ей пришлось их приобрести и превратить в казенные, ибо у частных лиц дело — за отсутствием капитала — не шло. Так к казне перешло в 1751 г. иголочное и проволочное предприятие Христиана Цуга; шерстяное заведение Зинда в Линце переменяло несколько рук (было продано дому призрения, затем было приобретено Восточной компанией) и, в конце концов, куплено за 930 тыс. гульд. казной, но и ее дела шли неудачно. На приобретение прядильни в Мейдлингене казна истратила 63 тыс. Предприятию, получившему привилегию на производство нюрнбергских товаров, Шмида и Фриса было выдано вперед 4 тыс. гульд., но вскоре в 1754 г. оно перешло к казне с уплатой Шмиду 10 тыс. гульд. Фрис должен был заняться сбытом изготовленных иголок, запас которых достигал 50 милл., но продать их невозможно было, так как из Мангейма и Швабаха они привозились по более дешевой цене; казне пришлось освободить Фриса и от этой обязанности, уплатив ему 12 тыс. Казна приобрела и зеркальную мануфактуру в Фарафельде и фарфоровую в Вене (Beer. Pribram).

Совершенно другой характер имело насаждение промышленности в таких странах, как Нидерланды и Англия. И здесь находим привилегии, выдаваемые предпринимателям, и всякого рода поощрения для переселяющихся в страну иностранцев. Однако, ни безвозвратных пособий, ни беспроцентных ссуд они не получают, и казна не участвует в учреждаемых ими предприятиях и не устраивает собственных. Все предоставлено частной инициативе и частному капиталу; последний, благодаря огромным барышам, выручаемым в торговле с европейскими и в особенности с заокеанскими странами, в XVII—XVIII ст. достигает крупных размеров. Получаемое в Испании серебро и золото не остается здесь, а идет дальше в Нидерланды, Англию Францию в обмен на покупаемые Испанией для себя и для своих колоний товары—собственного производства в Испании ведь не было. Много получалось и благодаря контрабандной торговле с испанскими колониями. Нидерланды в XVII ст. являлись общим фрахтовщиком Европы, перевозившим товары всех стран на своих судах, являлись денежным рынком для всего мира, где заключались займы всевозможных государств (Англии, Франции, Австрии и т. д.), снабжали хлебом, лесом и другими товарами севера южные страны. В XVIII ст. английская торговля достигла блестящего расцвета. Выгодный договор с Португалией (Метуэнский), торговля неграми, вывозимыми из Африки, торговля с испанскими колониями доставляли Англии обширные запасы и дали ей возможность уже к концу XVIII ст. перейти к золотой валюте. Крупные капиталы, помещенные в займах государства во время войны с Америкой и еще больше во время войн с Францией, свидетельствовали об обилии капиталов в стране. Погашение их было чрезвычайно неприятно для капиталистов, ибо нигде не имелось столь верного помещения для капитала. Об изобилии капиталов в Англии и Нидерландах свидетельствуют и головокружительная спекуляция на Амстердамской и Лондонской

бирже и падкость публики на всякие новые предприятия. Здесь частная промышленность могла свободно развиваться, в участии казны и в помощи с ее стороны не было надобности.

Мы привыкли—говорит Зомбарт—рассматривать века ренессанса, реформации, контрреформации и барока, несмотря на то или, быть-может, именно потому, что они в области науки о государстве и религиозных вопросов, философии, поэзии, живописи и скульптуры, словом во всех областях, в которых человеческий дух способен проявить свое величие, создали так много крупного, в качестве мало производительных во всех областях технического характера. И мы вспоминаем о печальной участи изобретателей того времени, начиная от Бертольда Шварца, который относится к началу этого периода, вплоть до Дениса Папена, заключающего его, и нам чувствуется в этом та вражда, которую люди того времени питали к новаторам в области техники, или тот страх, который последние им внушали. „Утверждая, что в эпоху, предшествующую появлению машин (с XVI до пол. XVIII ст.), было сделано много изобретений и открытий в области техники, Зомбарт все же вынужден признать, что их ни в коем случае нельзя сопоставлять с периодом, начинающимся к концу XVIII ст.,—никогда не следует упускать из виду различия между техникой той и другой эпохи. В те времена мы не находим еще научно-точных основ, свойственных современной технике, и хотя в этом отношении и выдвигается Леонардо да Винчи, который ставит себе целью „speculare“, т. е. наблюдать и лютовать, эмпирически изучать и выяснять причинную связь явлений, устанавливая индивидуальное и находить в нем общее, хотя он насмехается над искателями „вечного движения“ (perpetuum mobile) и „искателями золота“ (алхимиками), но он составляет единственное исключение. Большинство изобретателей еще не пыталось идти этим путем, да и он сам не в силах был бы выполнить тех требований,

которые он себе ставил—наука еще слишком мало успела выяснить связь явлений; научная механика возникла лишь после его смерти. Теоретики же обычно совершенно не интересовались практическими проблемами; пути естественной науки и техники, которые встретились в лице Леонардо да Винчи, в дальнейшем снова разошлись. „Мир изобретателей—это еще старый многообразный, веселый, страшный мир, в котором люди жили, пока наука не разрушила его. Природу еще одухотворяли и снабжали произведениями собственной фантазии, небо и землю еще населяли всякого рода существами“. Агрикола, столь основательно изображающий горное дело, населяет рудники „демонами“, которые покушаются на жизнь и здоровье рудокопа. Многие называют свои трактаты „*Magia naturalis*“ и отводят много места чудесному. На вере в одухотворенность природы покоилась и вера в определение судьбы человека состоянием небесных светил и в возможность узнать его будущность из расположения звезд (астрология), из этого же вытекала вера в ведьм, в женщин, находящихся в сношениях с дьяволом и посредством всякого рода чудес наносящих вред людям, наконец, на этом была построена и алхимия, а с ней в теснейшей связи находится техника того времени. В последней мы находим этот полный таинственности страх перед всякой технической операцией, который особенно резко выражается в области оружейного дела, в сооружении пушек и составлении пороха—все это было окружено тайной, и эта таинственность позже была возведена в систему. Из этого вытекало, что искусство изобретателей нельзя изучить, что изобретение есть таинственный процесс, и способность изобретать надо рассматривать как дар Божий. Фантазия заменяла изобретателям того времени положительные знания—они стремились к камню премудрости, к вечному свету, к квадратуре круга, к *perpetuum mobile*, к мягкому стеклу и т. п. (см. Sombart. „*Die Technik im Zeitalter des Frühkapitalismus*“.—„*Archiv für Sozialwiss.* 1912)

По Зомбарту, техника рассматриваемой эпохи идет двояким путем—с одной стороны, погоня за золотом ведет к алхимии, как и к открытиям за океаном, а, с другой стороны, потребности войны вызывают необходимость в улучшениях в области вооружения, что ведет к открытиям в области артиллерии, но также и в сфере необходимого для нее (см. выше) горного дела и металлургии. Если же обратимся к другим областям промышленности, то найдем в эту эпоху сравнительно немного—ленточный станок, чулковязальный станок, кое-какие улучшения в области ткачества, отделки и окраски тканей и ряд мельниц (мельницами называли в те времена всякого рода аппараты)—мукомольных, лесопильных, сверлильных, долбежных, бумажных, валяльных.

Эпоха машин была еще впереди.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Образование класса скупщиков-капиталистов в XVI—XVIII ст.

Средневековые цеховые уставы требовали от мастера, чтобы он самостоятельно сбывал произведенные им изделия. На этой точке зрения цеховые статуты стояли нередко и впоследствии. И даже, поскольку они постепенно признавали совершившуюся в характере промышленности перемену, они разрешали цеховым мастерам работать лишь на других мастерах, но ни в каком случае не по заказу купцов. Цехи еще долго придерживаются принципа, что только лицо, входящее в состав цеха, может сбывать изготовленные цеховыми мастерами товары. Между ними и купцами происходит постоянная борьба, которая составляет одно из наиболее любопытных явлений в истории развития кустарной промышленности. Она оканчивается победой купцов: после продолжительной борьбы последним удается добиться

равноправия с цеховыми мастерами в отношении сбыта промышленных изделий. Лишь с этих пор совершается полное отделение капитала от труда, прибыли от заработной платы.

В приведенных нами выше статутах бочаров Висмара и Данцига XIV и XV ст. еще вовсе запрещается сбывать товары через посредство других лиц. Но в статуте бочарного цеха г. Люнебурга 1430 г. запрещение скупать бочки относится лишь к тем лицам, которые не принадлежат к бочарному цеху и не занимаются производством товаров, т.-е. только к купцам, но не распространяется на цеховых мастеров. В Нюрнберге, где кустарная форма производства (в области производства металлических изделий) существовала уже в средние века, мы еще в половине XVI ст. находим постановление, по которому мастерам цеха, изготовляющего инструменты, запрещается давать другим мастерам работу для выделки или окончания товара. под страхом наказания в размере двух фунтов. Зато в статутах меднокстельного цеха 1540 г. и позолотного цеха 1566 г. допускается производство изделий для другого мастера нельзя работать лишь по заказу купца. В Париже в XVI веке могли брать работу на дом по заказу других мастеров только те ремесленники, которые обеднели и вынуждены были стать простыми рабочими. Статут 1575 г. гласит: „никто из ремесленников не может производить товаров вне своего дома; исключение допускается лишь в том случае, если по заказу мастера работает обедневший ремесленник, который не имеет средств держать собственную мастерскую: в этом случае можно давать ему работу, чтобы он мог снискивать себе пропитание“. Эти обедневшие ремесленники и являлись, очевидно, первыми кустарями. Лишь впоследствии к более состоятельным мастерам, на которых они работали, присоединились и купцы.

В Вюртемберге статут 1536 года запрещает лицам, не занимающимся выделкой шерстяных изделий и не состоя-

щим мастерами шерстяного цеха, торговать сукном и давать заказы другим мастерам. Купцы, однако, обходили это постановление. Они ссужали мастеров деньгами с тем, чтобы последние возвращались им в форме сукна. Пришлось признать, что подобного рода ссуды вызываются бедностью ткачей, и допустить эти операции, если они производятся туземными, а не иностранными купцами. Таким образом, уже в конце XVI и в начале XVII в. купцам удалось по-лучить в свои руки торговлю шерстяными изделиями. В итальянском городе Торно это совершилось еще в XV веке подобным же путем; первоначально ткачи уплачивали за полученную от купца шерсть не деньгами, а материей, изготовленной из этой шерсти. В Пруссии, в Галле, цех ножевщиков разрешает в конце XVII века своим членам сбывать товары более состоятельным мастерам; на последних могут работать не только подмастерья, но и мастера, не имеющие заработка. Относительно купцов ничего не сказано. Мыловарам же запрещено работать по заказу последних, а магдебургский статут 1714 года разрешает мастерам-чулочникам производить товар лишь для тех лиц, которые сами занимаются этим промыслом. Тем не менее—говорит Шмоллер—устранить совершенно торговых посредников, против которых было направлено это постановление, не удавалось. И в чулочном производстве Эрлангена (Бавария) имелось такое постановление, и оно сохранилось еще в 1730 году. Однако, в XVIII веке право торговли было распространено и на тех, кто хотя перестал заниматься производством товаров, но сохранил за собой звание цехового мастера. „Отсюда — прибавляет Стида—был, конечно, всего один шаг до допущения в число скупщиков лиц, которые вовсе никогда не занимались промыслом“. В лионской шелковой промышленности это совершилось в XVII в. Ордоннанс 1619 года еще запрещал тем, кто не принадлежит к цеху мастеров, заниматься сбытом шелковых тканей. Но в 1667 году все купцы, торговавшие этими

изделиями, были приняты в состав корпорации мастеров и, следовательно, этим окольным путем приобрели как право торговли шелковыми изделиями, так и право изготовления их.

Особенно любопытен переход от ремесла к кустарной промышленности и образование класса скупщиков-капиталистов в тех отраслях производства, где последнее находилось в руках нескольких цехов, из которых каждый изготовлял известную часть предмета. Дело в том, что к концу средних веков возник новый вид разделения труда, *Produktionsteilung*, по терминологии Бюхера *). Процесс производства одного и того же товара, сосредоточенный первоначально в руках одного мастера, в одной мастерской, стал распределяться между несколькими мастерскими, между различными предприятиями; из одного цеха образовалось несколько. Они все работали над одним и тем же предметом, распределяя между собою различные стадии производства. Так, в шерстяной промышленности существовали цехи прядильщиков, ткачей, валяльщиков, стригалей, красильщиков. В кожевенной работа распределялась между цехом кожевников, цехом скорняков и цехом сапожников. В производстве ножей и холодного оружия железо обрабатывается сначала кузнецом, затем закаливальщиком и шлифовщиком; далее оно поступает к мастеру, выделяющему эфесы и ножны, и, наконец, к сборщику оружия. Конечно, далеко не повсюду существовала такая масса специальностей, но два—три мастера обыкновенно распределяли между собой работу и в шерстяной промышленности и в производстве металлических изделий. В этих случаях один из цехов, обыкновенно тот цех, который производил конечные операции, охватывал в свои руки сбыт готовых изделий и постепенно превращался в корпорацию скупщиков, прекращая мало-по-малу изготовление товаров.

*) См. его „Возникновение народного хозяйства“. Рус. пер. СПб. 1907.

Остановимся прежде всего на производстве металлических изделий. Оно даст нам ясную картину возникновения кустарной промышленности.

В производстве холодного оружия в Золингене (на Рейне) известном центре оружейной промышленности, мастера делились на три цеха: на кузнецов, на закаливальщиков и шлифовщиков и на мастеров, выделявавших ножны (швертфегеров) и собиравших готовые части оружия (рейдеров). Оружие являлось только тогда годным для употребления, когда оно успело уже пройти чрез руки мастеров всех трех цехов, лишь после того, как швертфегер изготовил ножны и рейдер составил оружие. И до тех пор, пока оно не было готово, оно не могло поступить в продажу, ибо кузнецам было запрещено сбывать клинки в необработанном виде, в виде „черных клинков“, иначе следующие за ними работники лишались бы заработка. Таким образом, кузнецы были вынуждены сбывать все свои изделия рейдерам для окончательной отделки. Зависимость их от последнего была тем сильнее, что только мастерам цеха, изготовлявшего ножны и составлявшего оружие, было дозволено уезжать в другие местности, тогда как остальные цехи давали клятву не покидать Золингена, чтобы не выдавать секретов производства. Шлифовщики и закаливальщики уже в XV веке превратились из самостоятельных мастеров в наемных рабочих, постепенно становились рабочими и кузнецы. Так как рейдеры, с одной стороны, имели право разъезжать, а, с другой стороны, к ним поступали все части оружия для сборки и окончательной отделки, то и вся торговля должна была сосредоточиваться в их руках. Монополизировав торговлю оружием, они постепенно превращались из ремесленников в купцов. „Первоначально купцы были, вместе с тем, и ремесленниками—говорит Тун („Die Industrie am Niederrhein“)—и, возвратившись с ярмарки, снова принимались за составление оружия и выделявание ножен; они были такими же членами цеха, как и все

остальные, хотя и более состоятельными, более уважаемыми, и подчинялись тем же самым статутам. Но чем более расширялась торговля Золингена, чем более отдельные купцы, более энергичные, более бережливые и имевшие большую удачу, стали посвящать себя исключительно торговой деятельности, тем более они выделялись в самостоятельный класс купцов. Вместе с тем, ремесленная форма производства постепенно переходит в кустарную. Все реже и реже кузнецы сами сбывают мечи, все более общим становится явление, что они работают, как и другие ремесленники, по заказу купцов; последние принимают на себя поставку железа, стали и других материалов“.

Подобным же образом совершился процесс превращения в кустарную промышленность в ножевом производстве Золингена. До тех пор, пока форма ножей была очень несложна—читаем у Туна в его истории промышленности по нижнему Рейну—и главное внимание обращалось на клинок, могли действительно существовать ножевщики в том смысле, что один и тот же человек одновременно и выковывал нож, и отделявал, и собирал его; только для шлифования он отдавал его на сторону. Когда же в XVI веке появились более разнообразные сорта ножей, и форма их стала сложнее, тогда увеличилось разделение труда, возросло количество рабочих, принимавших участие в производстве. Необходимым последствием труда было появление нового элемента в процессе производства, элемента, руководившего всем процессом и соединявшего выделяемые в различных мастерских части ножа в одно целое—это был так называемый *Fertigmacher*. Он покупал у мастеров, производивших клинки и ободки для складных ножей, у мастеров, выделявавших рукоятки и оправы, их изделия, не продаваемые каждое в отдельности, и составлял из них цельные ножи. Так как среди этих рабочих было много бедных людей, не имевших средств на приобретение материалов, то *Fertigmacher*'ы закупали оптом материалы, доставляли их

рабочим и поручали им производство отдельных операций. Таким образом, в ножевом промысле уже в XVI веке начинается переход от ремесла к домашней промышленности, самостоятельные ножовщики обращаются постепенно в наемных рабочих.

В Тюрингии, именно в Рула, ножевщики также первоначально составляли один цех, и один и тот же мастер производил весь продукт. Когда в начале XVII века мастера, отделявавшие клинки, отделились от кузнецов, и между теми и другими установилось разделение труда, последние очутились в зависимости от первых. В качестве мастеров, в руках которых находились конечные процессы производства, отделяватели занимались сбытом ножей, и из них образовался постепенно класс скупщиков. К концу XVII века скупщики состояли из прежних отделявателей, к которым присоединились розничные торговцы. Кузнецы стали наемными рабочими.

Точно также и в иголочном промысле Швабаха в Баварии класс скупщиков образовался из среды мастеров, дававших окончательную отделку продукту. Еще в XVIII веке скупщики занимались закаливанием иглолок и булавок, которые поступали к ним в полусработанном виде: они же сортировали и упаковывали товар.

В XVII—XVIII ст. славились произведения железного промысла в Бирмингаме и Шеффилде и их окрестностях. Это было производство мелкого железного, отчасти и медного, товара: ножей, ножниц, топоров, молотков и других инструментов, холодного оружия, гвоздей, замков, металлических табакерок, застежек для башмаков, пуговиц и т. п. Трудно, однако, сказать, из какой именно категории ремесленников образовался здесь класс скупщиков. Известно лишь, что и здесь скупщики произошли из прежних мастеров. Большинство последних всегда опасалось перепроизводства, между тем не решалось посылать свои изделия в другие местности, на неизвестные рынки, тем более, что

это было сопряжено с большими усилиями и расходами. Лишь немногие из них, более состоятельные и более предприимчивые, решались вступить в непосредственные сношения с Лондоном и даже с рынками на континенте Европы. Они-то и превратились в купцов, которые и в Шеффилде и в Бирмингеме стали необходимым элементом в производстве. В XVII—XVIII ст. все производство покоилось на заказах купцов, и мастер находился в полном подчинении у скупщика. Во многих случаях купец доставлял и сырье, обрабатываемое мастером, и последний, будучи с виду самостоятельным производителем, в действительности был никем иным, как рабочим, получавшим поштучную плату и пользовавшимся собственными орудиями производства.

Переходим к развитию кустарной промышленности из ремесла в текстильном производстве.

В области шерстяной промышленности разделение труда в конце средних веков развилось еще более, чем в производстве металлических изделий, и каждое из ремесл, принимавших участие в производстве, могло превратиться в корпорацию скупщиков. Но и здесь преобладающее положение заняли, повидимому, те мастера, в руках которых находились конечные процессы производства. Шмоллер в своей „Истории страсбургского суконного цеха“ указывает на то, что и в Шампани, и в Провансе, и в Амьене прежние сукновалы и шерстобитчики превратились в богатых суконщиков-торговцев. Сукновал является центром всего производства, на него работают и прядильщица, и ткач, и все остальные ремесленники. Тем, что сукно проходило чрез руки сукновалов после всех других, Эшли в своей „Экономической истории Англии“ объясняет то обстоятельство, что термин „суконщик“ (drapier), первоначально употребляемый для обозначения всех тех, кто производил сукно или торговал им, стал впоследствии синонимом валяльщика. Может-быть, это надо объяснять иначе, тем, что валяль-

щики первоначально были и красильщиками, как это было в Страсбурге, между тем как ткачам запрещалось заниматься окраской сукон, и они вскоре стали наемными рабочими; окраска сукна являлась одним из важнейших конечных процессов производства, и, как мы увидим ниже, в других странах скупщики выходили из красильного цеха.

И по отношению к Англии Эшли полагает, что отделыватели сукна стали первыми суконщиками. Вместо того, чтобы ждать, пока потребитель принесет им кусок сукна для стрижки или отделки, валяльщики могли находить более выгодным для себя покупать сукно у ткача, самим отделывать его и сбывать на рынке. Эшли выставляет и другую гипотезу: скупщиками могли стать торговцы шерстью, которые имели уже известный коммерческий опыт и обладали некоторым капиталом. Нет сомнения в том, что впоследствии значительная, пожалуй, даже большая часть скупщиков состояла из лиц, не принадлежавших к ремеслу, и есть основание думать, что это были, главным образом, купцы, торговавшие шерстью. К середине XVI века эти чуждые ремеслу элементы встречались уже в большом количестве. Однако, трудно предполагать, чтобы первоначально скупщики вышли из их среды, ибо не только производство, но и сбыт шерстяных изделий запрещался всем тем, кто не прошел семилетнего ученичества и не изучил производства сукна надлежащим образом.

Этого принципа английское законодательство придерживается и впоследствии очень долго, с некоторыми, правда, отступлениями; хотя на практике эти меры встречают все большее и большее противодействие со стороны заинтересованных лиц, а с конца XVI и начала XVII ст. соответствующие законы, повидимому, уже почти не исполняются. Борьба из-за обязательности семилетнего срока ученичества для скупщиков-сукноделов есть не что иное, как борьба за допущение в число скупщиков лиц, не входящих в состав ремесленных корпораций, т.-е. купцов. Закон 1552 года—

первый закон об обязательности семилетнего ученичества, распространяющийся на все государство, упоминает лишь о ткачах, из чего можно было бы вывести, что для скупщиков (clothier) этот закон не является обязательным. Однако, из закона, изданного год спустя, видно, что закон предыдущего года относился и к ним, ибо в законе 1553 года говорится, что много суконщиков, занимавшихся суконным производством в течение пяти—шести лет, вынуждено было оставить это занятие к их великому обеднению и к крайнему разорению множества ткачей, валяльщиков, красильщиков и сукностригов, которые, благодаря этим суконщикам, добывали себе пропитание*. Поэтому закон 1553 года отменяет предыдущий закон, поскольку он касался городов и тех местечек, где ранее производились широкие сорта сукна. Прежнее постановление распространялось, таким образом, и на суконщиков-предпринимателей; теперь оно сохранило свою силу лишь для суконщиков, проживающих в селах. Однако, закон 1557 года возобновил это постановление: семилетний срок ученичества снова становится обязательным не только для ткачей, но и для всех тех лиц, которые заказывают пряжу и выделку тканей другим лицам. В этом виде обязательность семилетнего ученичества сохранилась и впоследствии, хотя в последующих законах о ней вовсе не упоминается: в то время, как все другие вопросы регулируются целым рядом новых постановлений, о семилетнем ученичестве нет вовсе речи. Можно поэтому предполагать, что, в конце концов, перестали совершенно применять эту меру, и купцы беспрепятственно становились скупщиками. Только по отношению к новым отраслям шерстяной промышленности, возникшим при Елизавете (new drapery), в законе 1662 года говорится, что никто не может заниматься производством этих изделий или заказывать выделку их другим лицам, если он не отбыл семилетнего ученичества; виновный в нарушении

этого постановления подвергается штрафу в 5 ф. ст., а по закону 1724 года штрафу 10 ф. ст.

Гораздо легче проследить образование класса скупщиков-предпринимателей в баденской и вюртембергской текстильной промышленности. Если по отношению к французскому и английскому шерстяному производству трудно установить с точностью, откуда вышли скупщики, то для Германии несомненно, что ремесленники, производившие конечные процессы труда, именно красильщики, захватили в свои руки сбыт шерстяных, полушерстяных и полотняных изделий и превратили других самостоятельных ремесленников в зависимых от них наемных рабочих. В Констанце уже в XV веке один красильщик (Ulrich im Holtz) пытался стать скупщиком-предпринимателем. Он покупал и заказывал в Констанце и в других местностях, сам и чрез посредников, пряжу оптом и по частям, затем раздавал ее в различных местностях для выделки тканей. Произведенный холст он уже сам красил, отделывал и доставлял на рынок. Потребованию ткацкого цеха, ему было запрещено в 1423 году покупать и заказывать пряжу в Констанце и его окрестностях на расстоянии двух миль от города. Однако, приобретенную в других местах пряжу он попрежнему мог раздавать ткачам для обработки ее согласно его указаниям. В 1435 году он обанкротился и бежал из Констанца (Gothein, „Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes“).

То, что не удалось в Констанце, могло быть гораздо легче достигнуто в Пфорцгейме. Здесь превращение отделывателя шерстяных материй в скупщика-капиталиста было лишь вопросом времени. Окрашивание изделий имело здесь большое значение, и сбыт их на рынке зависел, главным образом, от их внешнего вида. Искусный красильщик становился мало-по-малу руководителем в процессе производства. Он закупал тонкую шерсть, отдавал ее ткачам для обработки, себе же оставлял окраску материй.

В XVII веке первенствующую роль в области производ-

ства гладких неворсованных шерстяных материй занимал вюртембергский город Кальв с окрестностями. „Образовавшийся здесь класс скупщиков—говорит Трельтш („Die Calwer Zeughandlungskompagnie“)—состоял из различных элементов, но очень скоро среди них стала выделяться одна категория скупщиков—красильщики. Не только коммерческие способности, но и техника выделки материй имела большое значение для заграничного экспорта. Наиболее важную роль играли те скупщики, которые знали секрет новых способов окраски тканей. Капиталисты старались усвоить себе эту технику, и это удалось им тем легче, что красильное производство еще нигде почти не было организовано в цехи. „Мы находим здесь—продолжает он— тот же процесс развития, что и в Золингене, где мастера, производившие холодное оружие и ножи, очутились в зависимости от тех лиц, которые отделявали товар, соединяли отдельные части его вместе и получали продукт, годный для сбыта“. И впоследствии скупщики, превратившиеся сначала в красильный цех, а затем в торговую компанию, попрежнему продолжали производить окраску сукна; так что в Кальве (как и в иголочном производстве Швабаха) они еще надолго остались и мастерами, хотя характер их организации был уже чисто-коммерческий, и рабочие находились в полной зависимости от компании скупщиков и сильнейшим образом эксплуатировались ею.

В Австрии исходной точкой являлось положение, что цеховой мастер не должен сбывать произведений других мастеров, а сбытом последних должен заниматься торговец для того, чтобы не происходило смещения промышленной деятельности с торговлей. Однако, в виду отсутствия скупщиков, приходилось разрешать мастерам и продажу изготовленных их товарищами изделий. Льготкачам Нижней Австрии дозволен сбыт не только собственных, но изготовленных по их заказу другими мастерами товаров, если местные торговцы занимаются, кроме холста, продажей и

других товаров и, следовательно, не могут гарантировать сбыта первого в надлежащих размерах. В дальнейшем (в 1761 г.) указывается на то, что „сбыт изделий более слабых и бедных мастеров более состоятельными является почти повсюду, где существует промышленность, обычным и, так сказать, необходимым, ибо не все мастера обладают равными сведениями, умением или необходимыми средствами для того, чтобы предпринять соответствующие действия за собственный счет и устроить самостоятельную мастерскую“. Таким образом и здесь в пределах сохраняющихся попрежнему цехов образуются две группы—производителей (ткачей) и торговцев, хотя последние, оставаясь цеховыми мастерами, повидимому, рядом со сбытом изделий продолжают и производство товаров, не покидают своей прежней деятельности—повсюду упоминается о сбыте их собственных изделий.

- В рассмотренных нами до сих пор случаях промышленности класс скупщиков образовался преимущественно из прежних (цеховых) ремесленников. Купцы присоединились к ним, повидимому, лишь впоследствии, когда ремесло уже успело превратиться в кустарную промышленность, и лишь после продолжительной и упорной борьбы им удалось проникнуть в среду скупщиков, а в иных случаях, как мы увидим ниже, они и вовсе не добились этой цели или, по крайней мере, недолго удержались в раз завоеванной позиции. Но рядом с этими промыслами мы находим и другие отрасли промышленности, где сбыт всегда находился в руках купцов. Здесь большею частью купцы, торговавшие сырьем, занимались и сбытом фабрикатов. Такой характер имели шелковая промышленность и связанные с нею производства: золотошвейное, ленточное, позументное, бархатное. Даже в тех случаях, когда этот промысел был организован в цехи, он все-таки, повидимому, с самого начала имел форму кустарной промышленности. Это вызывалось, с одной стороны, дороговизной сырых материалов, а с другой—

тем обстоятельством, что местный рынок имел мало значения, производство предназначалось для экспорта, ибо изделия этих отраслей производства служили потребностям одних только высших классов, производились преимущественно для придворных кругов. Оба эти момента приводили к тому, что производитель не мог самостоятельно вести дела, а находился всегда в зависимости от купца, который снабжал его сырьем и скупал у него изготовленные продукты. „В шелковой промышленности—говорит Гинце—купец играл с самого начала главную роль в предприятии. Правда, с XIII до XVIII века производство имело цеховую организацию, но количество самостоятельных мастеров, производивших на собственный счет, было всегда не велико, и они повсюду отступали на второй план. Везде мы находим скупщиков-предпринимателей, с одной стороны, и мастеров-рабочих, с другой; они либо составляют отдельные корпорации, либо соединяются вместе в более или менее тесную организацию. Одни доставляют дорого стоящий материал, собственниками которого они обыкновенно и остаются, другие занимаются выделкой фабрикатов из этого материала, большей частью за почтучную плату“.

Любопытно, что еще до XIII века, именно в конце IX века, мы находим в Константинополе корпорацию купцов, торгующих шелковыми материями, и корпорацию мастеров, производящих эти материи (вестиопраты и серикары), при чем запрещается одновременно заниматься и промыслом, и торговлей. С появлением шелковой промышленности в Европе, именно в итальянских городах в XIII—XIV ст.—в Лукке, Генуе, Милане, Венеции, Флоренции, Болонье, она повсюду с самого начала, повидимому, производилась кустарным способом. В Лукке уже в XIII веке мастера обрабатывали для купцов доставляемый последними материал. В Генуе в 1432 году образовался цех торговцев шелковыми тканями, которые отделились от купеческой гильдии: мастера разделились на три цеха—прядельщиков,

ткачей и красильщиков; все они работали на купцов, которым принадлежал материал.

В течение всего средневековья эти города пользовались монополией в области производства шелковых тканей, они распространяли свои изделия по всем странам и извлекали из этого большую прибыль. В XVI веке у них появился конкурент в лице Антверпена, а затем еще более опасные соперники в лице Базеля и Цюриха, куда шелковая промышленность была занесена гугенотами, переселившимися из Голландии, и итальянцами. Господствующей системой производства и здесь является кустарная. Из анкеты, произведенной в Базеле в 1599 году, мы можем усмотреть, в каком положении находились в эту эпоху шелковая промышленность и связанные с ней отрасли производства. Из этой анкеты видно, что мастеров, производящих шелковые и позументные изделия и самостоятельно сбывающих их на рынке, почти не существует. Мы находим либо капиталистов-предпринимателей, на которых работают другие лица у себя на дому, либо мастеров, которые находятся в зависимости от этих скупщиков. К кустарям относятся переселившиеся в Базель иностранцы-рабочие в числе 21 человека с их помощниками, из коих почти все производят по заказу предпринимателя, а также местные жители и другие лица. Среди 43 мастеров и 143 человек вообще, работающих в шелковой промышленности, оказывается всего 10—12 ремесленников, которые не работают на других лиц и сами не заказывают никому товаров. Скупщики преимущественно занимаются коммерческими операциями, являясь либо розничными торговцами, либо посредниками между последними и мастерами. В Цюрихе итальянцу Занино было разрешено производить бархат на 7 станках; другим же итальянцам, переселившимся туда, дозволялось работать лишь на двух станках. „Во всех других отношениях, однако,—говорится в постановлении цюрихского магистрата 1568 года—производство бархата

должно оставаться свободным промыслом, так что каждому, полноправный ли он, или неполноправный гражданин города, местный ли житель, или иностранец, предоставляется скупать изделия у мастеров и заказывать им выделку бархата*.

С начала XVII века главным центром шелковой, золотой, швейной, бархатной промышленности становится Лион. При сравнительно гораздо большем потреблении шелка и бархата в XVII и XVIII ст., чем в настоящее время*), экспорт в другие страны должен был играть крайне важную роль в лионской промышленности. Поэтому рядом со скупщиками, приобретающими изделия мастеров, работавших на дому, существовали и крупные комиссионные фирмы, которые закупали у скупщиков товар оптом и распространяли его по всей Европе. Эти комиссионные операции производились, как и следовало ожидать, с самого начала купцами. Непосредственные же заказы мастерам и приобретение у них материй исходило от скупщиков, которые вплоть до XVII века состояли, главным образом, по видимому, из лиц, вышедших из среды мастеров и попрежнему входивших в состав цеха. Лишь впоследствии, когда и купцы были допущены в цех мастеров, они захватили шелковую промышленность в свои руки.

С конца XVII века и в других странах делались попытки основать шелковую промышленность, которые, однако, далеко не повсюду увенчались успехом. Какую форму принимала в Нидерландах шелковая промышленность, перенесенная туда гугенотами, нам точно не известно. Но в Пруссии преобладало производство на дому. В Крефельде шелковая промышленность была основана в 1668 году переселившимся туда голландским менонитом фон-дер-Лейеном; последний был купцом и торговал холстом, нюрнбергскими товарами, а также шелком-сырцом, который он отда-

*) Т.-е. имея в виду значительно меньшее потребление других изделий промышленности в те времена.

вал в окраску в Кельне. Впоследствии он стал раздавать в Крефельде шелк, а также отдавать в наймы ткацкие станки для выделки шелковых тканей. В Берлине скупщики вышли из среды розничных торговцев; последние поставляли шелк и стояли во главе всего производства. Самостоятельных мастеров почти не существовало; почти все они были наемными рабочими скупщиков, при чем имели цеховую организацию.

Вообще, как видно из всего изложенного, цеховая организация сохранилась и в XVI—XVIII ст., сохранилось деление на мастеров и подмастерьев. Не только там, где цехи существовали в средние века, они не были уничтожены, но были введены и в тех отраслях производства, которые зарождались вновь, и в тех местностях, где их раньше не существовало. Стеснения доступа в цех еще усилились—вступительные взносы еще более возросли, пробная работа усложнилась, число замкнутых цехов увеличилось. Но сохранилась лишь форма, содержание же изменилось коренным образом. Если не считать тех, упомянутых выше, промыслов, которые сохранили ремесленный характер, то цех состоял теперь уже не из самостоятельных мастеров-ремесленников, а либо из мастеров-рабочих и мастеров-предпринимателей, либо только из первых, тогда как вторые составляли особый цех, торговую компанию или иную корпорацию, или, наконец, вовсе не имели корпоративного устройства.

Таким образом, ремесло перестало быть господствующей формой производства. Если неправильно мнение, высказываемое иногда в последнее время, что кустарная промышленность была значительно развита уже в средние века, то еще менее можно согласиться с более старой теорией, которая не проводит различия между ремеслом и кустарной промышленностью, и, придавая главное значение цеховой организации, называет и мастеров XVII—XVIII ст. ремесленниками (*petite industrie*). Чем основательнее и глубже

изучается история промышленности в различных местностях и странах, тем более выясняется несостоятельность этого взгляда, „Хотя в состав цехов входили лишь привилегированные мастера—говорит Левассер по поводу французской промышленности XVIII века,—но многие из них находились в таком положении, которое несколько не отличалось от социального положения рабочего-кустаря“. Как установил проф. Е. В. Тарле, в это время повсюду во Франции было широко развито производство на скупщика-посредника, который либо является „фабрикантом“, дающим крестьянину заказ, а иногда и сырье, либо торгующим в развоз или в разнос торговцем (*le marchand qui court les provinces*), непосредственно скупающим у крестьянина изделия; иногда „фабриканты“ не сбывают сами товар публике, а продают его комиссионерам, скупающим его по поручению больших торговых домов и с этой целью объезжающим города и деревни; при сбыте материи они иногда предварительно сдают „белую“ ткань в красильни, или же продают ее владельцам последних, которые уже пускают в продажу окрашенную материю („Рабочий класс во Франции в эпоху Революции“ т. II). Жермен Мартен указывает на широкое распространение мелких мастеров (в особенности в селах), работающих на скупщиков, во Франции времени Людовика XIV и Людовика XV, преимущественно в области суконной, льняной, шелковой промышленности и в кружевном промысле. Hauser утверждает это и по отношению к французской промышленности XVI века. „Во всех тех довольно многочисленных случаях,—говорит он—когда существовало два рода корпораций, организация скупщиков и один или несколько цехов рабочих, заключались коллективные договоры между предпринимателями, с одной стороны, и рабочими, с другой“.

„В XV и XVI веках, а еще более в XVIII веке—читаем у Лампрехта в его „Истории Германии“—купцы больших городов вызывают к жизни новые отрасли кустарной про-

мышленности, пользуясь теми зачатками, которые существовали в селах уже в предыдущие столетия средних веков“.

В Шварцвальде, напр., даже производство изделий из камня (гранита, агата, кристалла) и из стекла имело—первое уже в XVI, второе в XVIII ст.—характер кустарной промышленности, при чем и в том и в другом случае класс скупщиков образовался из мастеров, производивших окончательную отделку изделий (гравировальщиков). Шерстяная промышленность в Нидерландах и в Англии представляла собою в XVI—XVII ст. развитую форму кустарного производства; такой же характер имела в Англии шелковая и льняная промышленность, производство шапок, чулочный промысел и производство металлических изделий в XVII—XVIII ст. (замочный, слесарный, ножевой и гвоздарный промысел), отчасти также коженый промысел (Гельд, „Возникновение крупной промышленности в Англии“). В Швейцарии—как указывает Шулер—не только в крупных отраслях промышленности в роде цюрихской шелковой индустрии или сант-галленского льняного промысла, но и в более мелких производствах, как, напр., в гларнском промысле аспидных досок, грифелей и других изделий из шифера, весьма рано совершился переход от ремесла к кустарной промышленности; уже в половине XVII века существовали особые предприниматели, экспортировавшие сотни ящиков с изделиями из шифера в Голландию и Англию.

После всего изложенного в этой главе мы в праве утверждать, что в XVI—XVII ст. и уже, во всяком случае, в XVII—XVIII ст. не ремесло, а кустарная промышленность составляла господствующую форму производства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Состав рабочих в области кустарной промышленности.

С возникновением кустарной промышленности рабочий класс значительно расширился. В средневековом ремесле класс самостоятельных рабочих состоял почти исключительно из цеховых подмастерьев. В XVI—XVII ст. и прежние самостоятельные мастера заняли такое же зависимое положение, как подмастерья: они все вместе работали на скупщика. Что же касается прежних самостоятельных рабочих—цеховых подмастерьев и учеников, то с возрастанием населения количество их увеличилось. Парижские мастера имели в конце XVI века по 6 подмастерьев и более, другие старались брать поменьше подмастерьев, заменяя последних учениками, которых работало в мастерской 6—8, а в некоторых случаях даже 16 человек. В Пуату в XVIII веке на мастера в текстильной промышленности приходилось в среднем 7—8 подмастерьев, считая в том числе прядильщиц и чесальщиц. Статутом брюссельских портных максимальное количество подмастерьев, которое в праве держать мастер, определено в 10 человек, для сапожников статутом 1671 г.—в 9 человек (в том числе один ученик), тогда как в действительности число их достигало двадцати. В Голландии в XVII ст. количество подмастерьев доходило до 6—8 человек. Столь же значительно было число подмастерьев и учеников в Базеле, причем, большая часть состояла из учеников. В английской шерстяной промышленности мастер имел от 2 до 7 подмастерьев.

Развивавшаяся с XV века кустарная промышленность нуждалась, однако, в более значительном количестве рабо-

чих, чем то, которое входило в состав цехов. Хотя с расширением рынка цехи потеряли свою монополию при сбыте товаров, хотя цеховые ремесленники и превратились в зависимых от скупщиков мастеров, но до тех пор, пока все рабочее население состояло из ограниченного количества лиц, входивших в состав цеха, зависимость эта не могла быть значительна, ибо конкуренция среди рабочих была доведена до минимума. Лишь с тех пор, как в XV—XVII ст. стали появляться новые элементы, работающие по заказу скупщика, но не принадлежащие к цеху, цеховая организация потеряла свою силу, скупщики же приобрели значительное количество новых рабочих, давшее им возможность не только расширить производство, но и создать сильную конкуренцию среди рабочего населения и лишитъ цеха и их прежнего значения.

Таким новым элементом явились прежде всего городские привилегированные мастера (Freimeister, Hoffbefreite, ouvriers suivant la cour, maîtres des lettres), число которых и в Пруссии, и в Австрии, и во Франции достигает уже в XVI, а еще более в XVII веке значительных размеров. Как указывает д'Авенель, во Франции „исключения“ по своей численности превышали „общее правило“, а в Вене в 1734 г. из 7809 мастеров всего 2640 или третья часть были цеховыми *). Для развития кустарной промышлен-

*) В Любеке первые нецеховые мастера встречаются в 1519 году, и с течением времени число их увеличивается. В Бремене первый сапожник, стоящий вне сапожного цеха, допущен городским советом в 1600 году. Курфюрст Август Саксонский в 1576 г. заставляет цех, изготовляющий полотно, согласиться на то, чтобы один мастер, не входящий в состав цеха, также занимался этим ремеслом. В Штетине городской совет с половины XVI века разрешает мясникам и пекарям заниматься своим промыслом в качестве Freimeister'ов, и еще шире пользуется этим правом герцог, который с начала XVI века допускает нецеховых мастеров ко всевозможным промыслам и притом в возрастающем количестве. Некоторые из них были прежними слугами герцога, но большая часть состояла из мастеров или подмастерьев,

ности имеют, впрочем, значение не столько эти местные жители, приобретшие привилегии на занятие промыслом, сколько иностранцы, переселяющиеся в XVII—XVIII ст.

переселившихся из других немецких городов и не принятых в цехи. Одни из них приобретали привилегии заниматься производством товаров пожизненно, другие даже с правом передачи по наследству сыну или зятю; наконец, третьи лишь на определенное количество лет. При этом, однако, помогать им в производстве могли только жена и дети; нередко для них был установлен и особый максимум производства. В начале XVII века мастера, получившие от герцога привилегию на производство, называются придворными мастерами, придворными шорниками, стекольщиками, портными: они живут на тех улицах и в частях города, которые подлежат суду герцога. Несмотря на то, что привилегированные мастера допускаются лишь с начала XVI века, уже в 1548 году из них образуется особый цех мясников (Schlächter und Garbrater), а в 1615 году привилегированные пекари (в числе 13 мастеров и одной вдовы) организуются в самостоятельный цех.

Во Франции мы встречаем их прежде всего в виде мастеров, купивших привилегию короля (lettre de maîtrise). Начиная со второй половины XV века, короли по поводу особо торжественных случаев, как, напр., восшествия на престол, рождения наследника и т. п. выдают за известную плату патенты на занятие тем или другим промыслом, при чем лицо, приобретшее такой патент, освобождается от вступительного взноса, пробной работы и т. д. Появившись первоначально в небольшом количестве, число патентов с течением времени возрастает все более и более. Они выпускаются при всяком удобном случае, и все принцы и принцессы получают право выдавать их при своем вступлении в брак, при рождении их детей, при приобретении ими какого-либо нового титула. В XVI веке определяется по одному привилегированному мастеру при каждом ремесле и в каждом городе, позднее по два, а при Людовике XV выпускается даже по 8 патентов. С течением времени количество патентов до того увеличилось, что короли вынуждены были запретить цехам принимать в свой состав мастеров, пока патенты не раскуплены, а при выпуске новых патентов приходилось уничтожать не разошедшиеся старые. Из этого можно убедиться, насколько значительна была конкуренция, причиняемая цехам этим путем. Цехи всячески протестовали против нее, преследовали привилегированных мастеров и старались посредством вымогательства денег сократить их число; когда

из различных стран и также получающие привилегии, которые дают им право продолжать те мастерства, которыми они занимались на родине. В то время, как первые были большею частью самостоятельными ремесленниками *) французы (гугеноты), нидерландцы, итальянцы, переселяющиеся в Пруссию, Австрию, Швейцарию, Англию и другие страны, становились либо скупщиками-предпринимателями и владельцами мануфактур, либо рабочими на последних и кустарями. Число кустарей среди них было очень значи-

же все это не помогало, они сами скупали патенты. В 1657 г. выпуск патентов был временно прекращен, и все прежние патенты были уничтожены с тем, чтобы каждый цех уплатил значительную сумму. Но в виду того, что многие из них отказались, патенты спустя три года были вновь восстановлены и снова выпускались, когда являлся удобный для этого повод. Эти королевские мастера существовали вплоть до уничтожения цехов.

Не меньшую конкуренцию цехам составляли придворные мастера (ouvriers suivant la cour), среди которых лишь некоторые действительно работали на короля и его семейство, большинство же являлось привилегированными мастерами, которые за уплату известной суммы производили продукты для рынка, не будучи подчинены цеху. Людовик XI имел трех мастеров каждого промысла, королева и дети короля также имели каждый своих придворных мастеров. При Людовике XII их было 93 человека, при Франциске II—60, Генрих IV в 1606 г. удвоил их число, Людовик XIII прибавил еще 40 и Людовик XIV также 40; в 1712 г. их насчитывалось 377 человек. Наконец, в Париже существовали так назыв. lieux privilégiés, где проживали мастера, не входившие в состав цехов и не подлежащие цеховому надзору, но, тем не менее, пользовавшиеся правом не только производить товары, но даже принимать к себе учеников, которые затем беспрепятственно становились мастерами.

В Вене находим следующие категории привилегированных мастеров: Hofbefreite, kaiserliche Livreebediente, Universitätshandwerker, Dekretisten, «Unter der Tag- und Nachtwache stehend», «Arsenalisten», «Piquenirer». Все это были самостоятельные ремесленники.

*) Факты показывают таким образом (ср. предыдущее прим.), что и в тех отраслях производства, где сохранилось ремесло, цеховым мастерам приходилось выдерживать сильную конкуренцию со стороны нецеховых элементов.

тельно. Как мы видели выше, в базельской шелковой промышленности рабочие-кустари состояли преимущественно из гугенотов и итальянцев и такой же контингент рабочих имели и другие отрасли базельской кустарной промышленности. В Пруссии гугеноты, как известно, создали совершенно новую промышленность, отчасти в форме централизованных мануфактур, отчасти в виде кустарного производства. В производстве шерстяных материй, в чулочном и перчаточном промыслах, где кустарная промышленность была особенно широко распространена, рабочими кустарями являлись переселенцы из Франции, Пфальца и других местностей. В Австрии мы находим итальянцев и голландцев, работающих как на мануфактурах, так и в кустарной промышленности, во французской чулочной, кружевной, зеркальной, суконной, шелковой промышленности—нидерландских и итальянских рабочих. Наконец, развитие английской шерстяной промышленности находится в тесной связи с многократными переселениями мастеров-скупщиков из Фландрии и Брабанта (см. Кулишер, „История экономического быта“).

К этим привилегированным местным и иностранным мастерам присоединялись далее и лица, самовольно принявшие за производство различных промышленных изделий, не имея на то никакого права. И цехам с течением времени все труднее и труднее становилось бороться с нарушителями их привилегий, ибо и власти, и скупщики стояли на стороне новых нецеховых мастеров. В Нюрнберге еще в первой половине XVI века находим запрещения раздавать работу лицам, не принадлежащим к цеху: мастер может давать заказы только другому мастеру, входящему в состав цеха, но ни в коем случае не нецеховому. Наоборот, в Страсбурге уже в 1655 году было постановлено, что лица, занимающиеся выделкой шелковых, бумажных и шерстяных чулок, не должны непременно быть цеховыми мастерами, а могут стоять и вне какого бы то ни было цеха. В саксон-

ской хлопчатобумажной промышленности рабочие состояли из нецеховых мастеров и женщин и лишь впоследствии, в XVIII веке, к ним присоединились и цеховые рабочие. Точно так же и во Франции мы находим рядом с привилегированными, придворными и т. п. мастерами и непривилегированными нецеховыми мастерами. В печатном промысле (во Франции) существовали с XVII ст. рядом с цеховыми рабочими (подмастерьи; мастерами—*maître*—назывались владельцы типографий) и нецеховые рабочие (*alloüés*), при чем постановлением 1713 г. типографам было представлено право нанимать сколько угодно нецеховых рабочих, а декрет 1724 г. даже обязал их нанимать нецеховых, с целью борьбы с чрезмерной требовательностью цеховых рабочих и ради понижения заработной платы. Действительно, количество *alloüés* вскоре значительно возросло, при чем возраст их впоследствии понизился с 20 лет (в среднем) до 13—15, и подмастерьи жаловались на то, что и цеховые ученики, и эти нецеховые рабочие создают им сильную конкуренцию. Количество последних уже в XVI век сильно возрастает, и, несмотря на все жалобы цехов, эта конкуренция усиливается.

Новым элементом в кустарной промышленности являются также женщины-работницы *). „Для развития кустар-

*) Женщины по общему правилу в цехи не принимались ни в средние века, ни впоследствии. „Женщины не должны были заниматься ремеслом, за исключением жены и дочери мастера“, при чем и последние лишь помогали мастеру, но не занимались производством самостоятельно и не являлись полноправными членами цеха. Забота цеха о вдовах и дочерях цеховых мастеров выражалась в том, что лица, вступившие с ними в брак, становились мастерами или, во всяком случае, пользовались значительными привилегиями, облегчавшими вступление их в цех (см. выше). Кроме того вдова мастера могла продолжать промысел до тех пор, пока подростал ее сын; на это время заведывание производством поручалось подмастерью, но сама она ни до того, ни позже не могла руководить изготовлением товаров (см. об этом статуты у Вермана, Бодемама, Рюдигера, Краузе

ной формы производства—говорит Стида—имело немалое значение то обстоятельство, что женщины стали заниматься промыслами. Женщины обыкновенно не могли вступать в члены цеха, но они все-таки могли производить промышленные изделия, получая работу на дом, и, таким образом, возник обычай иметь работников вне собственной мастерской. В XV веке уже в различных немецких городах (в итальянских городах еще раньше) встречаются женщины, в особенности в шерстяном, льняном, перчаточном промысле, которые берут на дом работу. Вместе с женщинами работали и дети в кустарной промышленности, а эксплуатация женского и детского труда в кустарном производстве XVII—XVIII ст. едва ли не превышала по своим размерам ту эксплуатацию, которую мы находим в первой половине XIX века, в первую эпоху развития фабричной промышленности. Англия, Франция, Германия, Нидерланды конкурируют друг с другом в применении женского и детского труда в различных отраслях текстильной промышленности *)

Наконец, к цеховым мастерам, иностранцам, женщинам, детям присоединяются и солдаты (Страсбург, Берлин, Австрия), бродяги и всевозможные сомнительные элементы, которые готовы работать за какую угодно плату, лишь бы не умереть с голоду.

Однако, наиболее важную роль в кустарной промышленности играет не городское, а сельское население, среди которого опять-таки преобладают женщины. Кустарная промышленность во многих случаях возникла в селах из работы для домашних потребностей, а оттуда уже перешла в

и др). Если же мы находим в средние века женщин, занимающихся производством, то это почти всегда работницы, изготавливающие предметы по заказу купца—при их помощи возникает кустарная форма производства. Лишь в виде исключения встречаются и цехи, принимающие в свою среду женщин в качестве полноправных членов, или цехи, состоящие исключительно из женщин (см. Бюхер)

*) См. ниже, гл. X.

города. Но и в тех случаях, когда она впервые появилась в городах, она распространяется впоследствии и в окрестных селах, и в тех именно местностях, где кустарная промышленность получила значительное развитие, сельские жители составляли главный контингент рабочих. Льняная промышленность Констанца, Аугсбурга и Равенсбурга и хлопчатобумажная промышленность Ульма, которые еще в конце средних веков приняли форму кустарного производства покоились, главным образом, на работе жителей окрестных сел, привозивших свои изделия в город для осмотра и штемпелевания и сбывавших их городским купцам. Подобным же образом и во Флоренции, Венеции, Комо в средние века часть работы, в особенности пряđenje сукна, производилась в селах.

В период развития кустарной промышленности, в XVI—XVIII ст., едва ли не наиболее важную роль в промышленности играло шерстяное производство в Англии. Та борьба, которая повсюду происходила между городскими цехами и сельскими кустарями, особенно ярко отражается в английском законодательстве относительно шерстяной промышленности. Шаг за шагом сельская промышленность отвоевывает себе все большее и большее поле деятельности, и в конце концов, она достигает равноправия с городской промышленностью. Во второй половине XV, а еще более в XVI веке в Англии распространяется в селах не только пряđenje, но и ткачество шерсти, а затем и другие операции по производству сукна, при чем это производство является подсобным промыслом сельских жителей, которым они занимаются рядом с сельским хозяйством. Владея обыкновенно коттеджем и клочком земли, эти кустари удовлетворялись гораздо более низкой платой, чем городские жители, и представляли собою опасных конкурентов для последних. В первой половине XVI века появляется ряд законов, которыми запрещается производство сукна в селах. Однако, уже закон 1555 года допускает изготовление

его в деревнях со следующими ограничениями. Во-первых, ни один сельский ткач шерстяных материй не должен держать у себя более двух станков или извлекать какую бы то ни было выгоду более, чем от двух станков. Во-вторых, сельский ткач не может деожать более двух учеников. В-третьих, ни один суконщик-предприниматель (clothier), живущий вне сити, или местечка, или рыночного города, не может иметь в своем доме более одного станка, а равно не в праве отдавать в наем станки или дома, где эти станки поставлены. И, наконец, в-четвертых, лицам, которые до сих пор не занимались этим делом, запрещается „выделывать, или ткать, или заставляя других выделывать или ткать шерстяные сукна“ вне тех местностей, где сукно производилось за последние десять лет.

Что касается первых трех пунктов, то они, хотя и ставят сельское ткачество в худшее положение, сравнительно с городским, все-таки не настолько стеснительны, чтобы могли мешать его дальнейшему развитию. Четвертый же пункт лишь на первый взгляд кажется крайне неудобным для сельской промышленности. В действительности он, однако, нисколько не препятствовал заниматься суконным промыслом в селах ни тем лицам, которые до сих пор занимались, ибо им разрешается селиться повсюду, ни тем, которые вновь берутся за этот промысел. Для последних установлено лишь одно ограничение, чтобы они не селились там, где эта промышленность возникла лишь недавно, где она существует менее десяти лет: все же остальные лица могут заниматься суконным промыслом и в этих местностях. Гораздо опаснее для сельской кустарной промышленности был бы закон, изданный два года спустя, если бы он был осуществлен на практике. Именно закон 1557 года вовсе запрещал сельскую промышленность и допускал исключение лишь в пользу тех лиц, которые уже ранее, до издания этого закона, занимались суконным промыслом; дальнейшее развитие сельского ткачества становилось,

таким образом, невозможным. Однако, уже год спустя, было сделано исключение для графств Эссекса и Серрей, а в 1576 году и для графств Сомерсета, Уильтса, Глочестера и некоторых других, так что в результате занятие суконным промыслом в селах было допущено во всей южной и средней Англии и, во всяком случае, во всех тех местностях, где он уже успел распространиться и приобрести известное значение. В течение XVII века уже не делалось никаких попыток к ограничению деревенской кустарной промышленности, а к концу этого века, в 1694 году, был даже издан закон, который отменял установленные в XVI веке для сельских ткачей ограничения числа учеников, так что законодательство стало даже поощрять распространение суконной промышленности в селах.

Вне городов, в деревнях развивались и другие отрасли английской кустарной промышленности. Таково производство чулок и шапок, которое одновременно с суконной промышленностью приняло форму домашней промышленности и стало развиваться в сельских округах. Таково и производство металлических изделий. В Уест-Бромвиче, главном центре производства металлических товаров, рабочие занимались земледелием в качестве подспорного промысла. Шеффильдские ножовщики, жившие в окрестностях города, имели свои участки земли и занимались сельским хозяйством.

Во Франции лишь в 1762 году была допущена полная свобода производства промышленных изделий в деревнях. Разрешалось производство изделий из льна, конопли, шерсти, хлопка, шелка, а также выделка чулок и шапок. Однако, эдикт 1762 г. признал только то, что уже ранее совершилось на практике. На это указал еще Левассер, и особенно подчеркивает этот факт проф. Тарле в специально посвященном деревенской кустарной промышленности в XVIII ст. исследовании. Он обращает внимание на то, что, как видно из ст. 1 эдикта, правительство понимало, что

речь идет не о нововведении, а только о легализации существующего порядка. В отчетах инспекторов иногда уже раньше имелась особая графа о числе станков, работающих в деревнях. и, при всей скудости документов, относящихся к индустрии в начале XVIII ст., можно сказать, что факт не только существования, но и широкого развития и, главное, обыденности промышленной деятельности в деревнях задолго до ее легализации не подлежит никакому сомнению. Но не только в это время все упоминаемые в эдикте отрасли производства существовали уже в деревнях. Мало того, и в XVII веке, когда при Кольбере вводились централизованные мануфактурные заведения, кустарная промышленность в селах была явлением очень распространенным. Так, кружева и чулки производились сельскими жителями и сбывались скупщикам или скупщицам. Подобным же образом и сельское ткачество было довольно развито, при чем деревенские ткачи, „составляя нечто среднее между крупными мануфактуристами и городскими ремесленниками, все-таки более приближались по своему полжению к последней категории: они работали поштучно, вместе с семейством и одним-двумя учениками, а нередко и без них, одновременно занимаясь и сельским хозяйством“. Большинство из них работало на других, т.-е. на скупщиков, некоторые же сами являлись скупщиками, закупая изделия у своих соседей, при чем, однако, продолжали попрежнему и производство товаров. Точно так же и привилегированные мануфактуры не только занимались изготовлением товаров в собственных помещениях, в мастерских, но обыкновенно, вместе с тем, давали заказы сельским жителям на дом. Количество последних часто значительно превышало число рабочих, занятых в здании мануфактуры (см. ниже).

Как указывает Жермен Мартен, мелкие мастера-кустари были (во времена Кольбера) в деревнях еще более многочисленны, чем в городах; их можно было найти даже

в наиболее диких краях Бретани и Жеводана. „В Лангедоке повсюду, где имеется вода, жители приобретают луга и разводят овец; женщины и дети прядут шерсть, которую мужчины ткнут, а затем сбывают на ближайшем рынке. В нижней Пикардии ткачи одновременно с этим обрабатывают и землю, почему производство холста продолжается не более 8—9 месяцев в году“. Прямое свидетельство о широком развитии деревенской индустрии задолго до 1762 г.—говорит Е. В. Тарле—мы находим у инспектора лионских мануфактур Бриссона, который сообщает, что начало плотняной промышленности в этой области теряется во мраке времен, но что уже в XVII ст. ее существование не подлежит никакому сомнению. Он объясняет развитие промышленной деятельности в деревнях неплодородием почвы и находит, что в этом отношении можно установить даже известную закономерность: чем беднее земля, тем больше население занимается промышленным трудом. Выделка холста уже с XV ст. распространялась в деревнях Бретани, в Турени деревенские жители были заняты даже обработкой шелка, получая уже в XVII ст. заказы от предпринимателей г. Тура, а в Оверни с XVI ст. процветала выделка даже непредусмотренных эдиктом 1762 г. металлических вещей, в особенности ножевого товара.

Еще более увеличилось количество деревенских кустарей в XVIII веке. Как в Англии, так и во Франции оно являлось для скупщиков прекрасным средством для понижения платы, ибо сельские жители довольствовались гораздо меньшей платой, чем горожане, для которых промысел составлял единственный источник заработка. В окрестностях города Легль насчитывалось не менее 25 местностей, где было распространено производство булавок и других металлических изделий. Это были все мелкие промышленники, владевшие обыкновенно домом, работавшие вместе с семьей и довольствовавшиеся очень незначительной поштучной платой. В Пуату ткачество было разбро-

сано по всей провинции по селам, деревням, местечкам, фермам и мызам. В большинстве случаев кустари занимались, вместе с тем, и сельским хозяйством. Хлопчатобумажное производство Эльзаса также приняло форму деревенской кустарной промышленности. И пряденье, и ткачество соединялось с земледелием и производилось в свободное от сельскохозяйственных работ время. При помощи посредников—немцев и швейцарцев—предприниматель раздавал материал сельским жителям и платил им за работу поштучно. Так как пряденье льна и пеньки и ранее производилось в деревнях Эльзаса, то хлопчатобумажная промышленность привилась здесь очень скоро. В конце XVIII века—как установил В. И. Лучицкий—во Франции мастера и купцы составляли в Лаонне (75 сел) 26,7 процентов населения, в Шатильоне в Бургундии (112 сел) 23,7 проц. и в Тулузене (146 сел) 19,4 проц. В Лаоне из 1434 мастеров и торговцев $\frac{1}{10}$ имела более 30 дес. (арпента) земли, 691—от 1—10 дес. и 379 человек владели одним только домом, но земли не имели; это были обыкновенно очень мелкие земледельцы, поскольку они занимались земледелием, и, во всяком случае, очень мелкие промышленники, работавшие либо по заказу городского скупщика, либо на местных жителей.

Накануне революции двадцать пять деревень работало только на те большие аббевильские мануфактуры (в Пикардии), которые занимались выделкой холщевых мешков для нужд торговли с колониями. В эпоху революции на всем севере Франции производство холста давало заработок свыше $1\frac{1}{2}$ милл. лиц обоего пола, при чем каждый „фабрикант“ (т. е. кустарь) имеет хоть один арпан земли, на котором у него имеется и жилище, и мастерская, и сарай для лошади или мула и нескольких коров, и огород, и еще остается „количество земли, достаточное для такого количества льна, какое может выпрясть многочисленное семейство, и которое потом поступит в обработку к шести

или восьми рабочим-ткачам“. Документы, относящиеся к эпохе Людовика XVI—читаем у проф. Тарле,—говорят о широком развитии деревенской кустарной промышленности не только на севере, северо-западе и северо-востоке Франции, но и во всем южном промышленном районе. Каждый человек—„фабрикант“; деревенская индустрия составляет для крестьян „полезное добавление к земледелию“, иногда является главной статьей их бюджета, напр., кружевной промысел в различных неплодородных гористых местностях юга, шерстяное производство около Седана, в местностях, работавших на Лион, Труа. Крестьянское население в деревнях близ Седана изготовляло железные изделия, которые сбывало непосредственно оптовым торговцам. В Труа имелось 420 хозяев, располагавших 4 тыс. станков для выделки холста, на которых работало 2 тыс. „рабочих ткачей“, а сверх того по заказу этих хозяев производило пряжу, беление обширное население—всего в 1782 г. занято было этим производством 24 тыс. человек, разбросанных по деревням, ибо одним земледелием они не могли прокормиться. Так это было и в других городах Шалона—соседние и даже отдаленные деревни работали в зимние месяцы на городских торговцев. Иногда промышленность была даже единственным занятием населения. Но и там где земля являлась более плодородной и лучше кормила население, подчеркивалось значение распространения промыслов, выгодность „союза“ между землей и индустрией, и лишь иногда раздавались жалобы на то, что крестьяне отвлекаются от более тяжелого земледельческого труда и приучаются к более легкой промышленной работе.

И в Пруссии сельские промыслы не сразу добились признания их правительством. И здесь, как и в Англии, в период переполнения городских ремесл, в XVI и особенно в XVII ст. городские ремесленники стали в большом количестве уходить в деревню. Но государство придерживалось прежнего принципа, на основании которого в округе

города на расстоянии нескольких миль не дозволялось селиться ремесленникам. Впрочем, некоторые ремесленники и в ограниченном числе могли и здесь селиться, и, кроме того, исключения допускались в пользу тех ремесленников, которые жили там уже в течение нескольких лет. В 1550 году признается право портных, плотников, колесников и ткачей жить по селам, „где так повелось издавна“. Последнее было подтверждено Фридрихом-Вильгельмом, при чем, однако, было запрещено на будущее время увеличивать установленное число ткачей, кузнецов и портных по деревням. Сельские жители могли ткать только холст и полушерстяную одноцветную материю невысокого качества; вследствие жалоб городских цехов, это право старались всячески ограничить. И статут 1718 года еще сильно стеснял развитие кустарной промышленности в деревнях, допуская лишь известное количество мастеров в каждом селе. „Но на практике оказалось,—говорит Молчановский („Цеховая система в Пруссии в XVIII в.“)— что воспрещение ткачам и прядильщикам жить по селам вредит самим городским мануфактурам, для которых недостает пряжи, почему уже в 1729 году решено было допустить в селам неограниченное число этих ремесленников (кустарей), исключая, впрочем, тех, которые раньше жили в городах, так как переселение из города в село ни в каком случае не допускалось“. А в 1787 году к этому было прибавлено, что все ремесленники, поселившиеся в деревнях до этого времени, хотя и противозаконно, могут пожизненно продолжать свою профессию.

Таким образом, прусское правительство вынуждено было примириться с развивающейся в селам промышленностью и не в состоянии было провести свои запреты со всей строгостью. В конце XVIII века в Померании и Бранденбурге сельское ткачество льняных изделий было столь же распространено, как и городское. В Магдебурге число сельских ткачей было втрое больше числа городских, а в Мин-

дене-Равенсбурге оно было даже в шесть раз больше. Однако, и ранее, уже с конца XVII века правительство вынуждено было делать послабления иностранным предпринимателям, на которых и здесь, как и во Франции, в большом количестве работали деревенские жители. Но особенно резко нарушался господствующий принцип в Силезии. Льняная промышленность Силезии, которая в XVII—XVIII ст. имела большое значение, сбывая свои произведения во все европейские страны, возникла в селам, разбросанных среди Исполинских гор, и развивалась исключительно в сельских местностях. В городах жили только скупщики, и сюда деревенские ткачи привозили свои изделия. Во многих случаях выделка холста являлась лишь побочным занятием, которым жители занимались только в зимнее время; но в тех местностях, где земли было мало, крестьяне занимались ткацким промыслом в течение всего года. Лампрехт в своей „Истории Германии“ указывает на то, что в Германии вообще кустарная промышленность распространялась преимущественно в мало-плодородных местностях, где заработная плата была низка, и где сельское население имело в течение продолжительной зимы много свободного от сельскохозяйственных занятий времени. Здесь-то скупщики старались вызвать к жизни промыслы, для которых достаточно было этого свободного времени, и которые все-таки доставляли бы скупщикам большую прибыль. Вследствие этого, Силезские (Исполинские) горы, Рудные горы, Франкенвальд, Тюрингервальд, Вестфальские горы с их неплодородными возвышенностями и суровым климатом стали центрами новой кустарной промышленности. Как и в Шварцвальде, во франконской и швабской Юре, так и в этих местностях возникли вязальный, ткацкий и кружевный промыслы, производство изделий из дерева, металла и камня, и эти отрасли промышленности и до сих пор являются характерными для этих местностей.

Если мы обратимся к центрам баденской, вюртембергской и саксонской текстильной промышленности—Пфорцгейму, Кальву и Фогтланду, то увидим, что и здесь основным элементом рабочего населения были сельские жители. Развитие пфорцгеймской промышленности начинается с XVI века, со времени возникновения кустарной формы производства, с тех пор, как пфорцгеймские жители стали давать заказы ткачам окружающих деревень и сбывать их изделия в другие города и страны (Gothein). Подобный же характер имела с самого начала текстильная промышленность Кальва. Кустари, выделывавшие ткани для компании, были разбросаны на сравнительно значительном пространстве по небольшим городам и селам. Почти третья часть их состояла из деревенских жителей. В XVII веке половина кустарей владела земельными участками, в городах—около 30 проц., в селам—свыше 80 проц.; в XVIII веке земельные участки имело 72 проц. кустарей. Эти участки были, большей частью, незначительны, хотя в селам они были более крупны, чем в городах, и деревенские кустари находились, благодаря этому, в несколько лучшем положении, чем городские. В саксонском Фогтланде пряденье хлопка всегда производилось в селам, и в 1715 году оно было формально разрешено под тем условием, чтобы пряжа доставлялась в гор. Плауен и сбывалась местным купцам. Этот же статут запрещал, однако, сельское ткачество. Но в действительности и ткачество производилось в деревнях, так что в 1764 году правительство вынуждено было объявить и этот промысел свободным: всем и каждому, мужчинам и женщинам, горожанам и крестьянам, членам цеха и нецеховым мастерам, разрешалось заниматься этим промыслом. Фогтланд, т. е. часть Саксонии, прилегающая к Богемии, Баварии и Тюрингии, стала в XV—XVI ст. промышленной страной; местности, где жители занимались исключительно земледелием, встречались крайне редко; села носили такой же промышленный характер, как и го-

рода, разница между ними сглаживалась все более и более (Bein).

В Австрии уже в XVII веке пряденье и ткачество льна, а затем и шерсти значительно распространилось в деревнях, при чем деревенская промышленность вдвинула между производителем и потребителем торговый элемент, составляя резкую противоположность городскому ремеслу. Местные власти, правда, относились скептически к распространению промышленной деятельности в деревнях, опасаясь, как бы она не отняла необходимые для земледелия рабочие силы. Но, с другой стороны, развитие ее было в интересах землевладельцев, которые извлекали из этого различные доходы—получали пряжу в качестве барщины, сбор за беленье тканей, плату с каждого ткацкого станка и т. д. В XVIII веке, когда крупное значение развитой текстильной промышленности было выяснено во всех странах и везде принимались меры к ее подъему, и Австрия обратила на это внимание, при чем именно сельские местности находили наиболее подходящими для этой отрасли производства. Особенно много мероприятий, поощряющих пряденье и ткачество, имело место со времени перехода Силезии к Пруссии, ибо тем самым Австрия теряла наиболее далеко ушедшую в промышленном отношении область, доставлявшую льняную пряжу и ткани для отделки и окраски в Богемии. Теперь в той же Богемии и в других областях нужно было заменить эти ткани собственным производством, и правительство с этой целью отправляло в деревни учителей для обучения населения производству пряжи и тканей, раздавало прялки и ткацкие станки деревенским жителям, устанавливало премии за лучшие изделия текстильной промышленности, поощряло устройство белильных заведений, ввело надзор за сборщиками пряжи, которые приобретали ее у населения, учреждало специальные рынки для сбыта пряжи. Рядом с пряденьем значительно распространился и ткацкий промысел, выделка

холста в форме кустарной промышленности, при чем упоминается о так. наз. „временных ткачах“ (Quartalsweber), которые занимаются промыслом лишь в течение известного времени в году, остальные же месяцы посвящают необходимой работе в доме и на поле.

Производство бумажной пряжи в деревнях (как и вообще в стране) развивалось весьма слабо, так как хлопчатобумажное предприятие в Швехате вплоть до 60-х г.г. XVIII ст. пользовалось исключительной привилегией выделки этих материй. После прекращения его монополии, появилось несколько новых предприятий этого рода, между которыми теперь возникла борьба из-за прядильщиков. Правительству пришлось запретить новым скупщикам доступ в такие районы, где бумагопрядильщики уже работали на других, отводя им другие местности, другие „прядильные районы“ и оказывая им всяческую помощь. При этом районы распределялись и между тремя отраслями пряденья—пряденьем льна, шерсти и хлопка; последние две, в качестве более легких, не должны были смешиваться с первой, более трудной. Так как опыт показывает, что с распространением пряденья шерсти льнопрядение сокращается, то первому необходимо отмежевать определенные районы, не поощряя введения его в прочих, именно в гористых местностях, где развивается пряденье льна и пеньки.

Дальнейшие меры поощрения находим в т. наз. „прядильном патенте“ 1765 г., касающемся пряденья шерсти, льна, пеньки и хлопка, распространяющемся на всю страну и старающемся ввести эти отрасли производства и в тех местностях, где они еще отсутствуют. Патент исходит из желательности доставить всем подданным, „особенно же деревенским жителям, такой дополнительный заработок, благодаря которому его доходы могли бы повыситься“, и устанавливает в частности премии в пользу служащих в поместьях, содействующих распространению прядильного

промысла, как и поощряет устройство помещиками прядильных школ-мастерских. Что касается ткачества, то оно принципиально имело и в деревнях цеховой характер, и существовали корпорации, в состав которых входили сельские ткачи. Однако, в течение XVIII ст. связанные с существованием цехов ограничения в числе мастеров и подмастерьев постепенно устраняются, во многих же областях, как, напр., в Моравии и Силезии, позже в Каринтии, ткацкий промысел вовсе не имел цеховой организации в деревнях, сохраняя ее лишь в городах. Дальнейшие мероприятия стараются освободить деревенское ткачество от всяких цеховых стеснений, предоставляя право заниматься им всем лицам мужского и женского пола и разрешая всякому подмастерью в деревне работать за собственный счет на мануфактуры и на скупщиков единолично или с помощниками и учениками.

Одновременно с этим в Австрии поднимался, однако, неоднократно вопрос о распределении промыслов между городом и деревней и о сохранении производства и промышленных изделий, за исключением лишь самых необходимых для деревни занятий, за городами. В противном случае города, вследствие переселений мастеров в деревню, теряют свое население, а сельское хозяйство страдает, так как крестьяне стараются променять свое менее выгодное занятие на более выгодные промыслы. И цехи жаловались на конкуренцию поселившихся вблизи городов ремесленников; это ведет к упадку городов и городских промыслов. Однако, фактически не только пряденье и ткачество, но и ряд других производств распространялись в деревнях, и правительство не считало возможным бороться с этим. Когда же в 1771 г. по поводу Богемии был возбужден вопрос о том, не обнаруживается ли там недостатка в рабочих руках, необходимых для сельского хозяйства, и не следует ли увеличить количество их за счет занимающихся в деревнях промыслами, то областное управление отве-

тило, что в земледелии недостатка в рабочих не ощущается, напротив, мастера жалуются на то, что им не хватает помощников и подмастерьев; сокращение промыслов в деревнях могло бы вызвать лишь весьма большой ущерб для страны.

Австрийское правительство вообще стало вскоре на ту точку зрения, что следует допускать промыслы в деревнях „без всяких стеснений повсюду, где люди рассчитывают найти сбыт для своих изделий“. И в Швейцарии вся текстильная промышленность имела деревенский характер. В кантонах Цюрихе, Аппенцелле, Санкт-Галлене, Граубюндене, Тургау—повсюду была распространена в деревнях текстильная промышленность. Изделия сбывались в немногих городах—в Цюрихе, Альтштетене, Лихтенштейне, в особенности же в Санкт-Галлене, который являлся главным рынком сначала для холста, а впоследствии для бумажных материй. Хлопчатобумажные изделия производились первоначально в самом городе, но затем городская промышленность стала вытесняться деревенской: кантоны Санкт-Галлен и Аппенцель выделяли пряжу, к которой впоследствии присоединился и ткацкий промысел; все это сбывалось в г. Санкт-Галлене. В XVII же веке была занесена итальянцами в Санкт-Галлен и шелковая промышленность; она вскоре распространилась среди деревенского населения кантона, а оттуда перешла и к Фирвальдштеттскому озеру (Wartmann). Базельская шелковая, бархатная и позументная промышленность была также занесена гугенотами и итальянцами, и, как мы видели выше, большая часть ткачей состояла из иностранцев. Уже это вызвало сильную конкуренцию для местных мастеров. Последняя еще более усилилась, когда новая промышленность, стесняемая в городе цеховыми статутами, определявшими максимум производства для каждого скупщика, стала распространяться в селах. „Всячески стесняемая цехами—говорит Гееринг („Basels Handel und Industrie“)—городская промышленность все бо-

лее и более выселялась в сельский полукантон (Landschaft Basel), где было меньше надзора со стороны цехов, где и жизнь была дешевле, ибо сельское хозяйство также доставляло известный доход, потребности же были меньше, чем в городе, и расходы легче могли быть сокращены“. Цехи старались устранить грозящую им опасность, но все их усилия были тщетны, сельская промышленность быстро развивалась. „Так как в селах жизнь была дешевле,—продолжает тот же Гееринг,—то заработная плата могла стоять на более низком уровне, чем плата городских цеховых рабочих. Это обстоятельство являлось превосходным оружием для скупщиков в их борьбе с городскими цеховыми мастерами: скупщики имели всегда возможность понижать плату последним, а если они на это не соглашались, то лишать их вовсе работы“.

Между нашей кустарной промышленностью, с одной стороны, и кустарной промышленностью Западной Европы, с другой, проводят обыкновенно резкое различие. Утверждают, что первая возникла непосредственно из работы для собственных потребностей, возникла и развивалась в деревнях, а не в городах. Вторая, наоборот, образовалась из городского цехового ремесла и распространялась среди городского, а не деревенского населения. Для русского крестьянина она составляет подспорный промысел, которым он занимается рядом с земледелием, для европейского городского мастера она была всегда единственным занятием. В виду этого, кустарную промышленность Западной Европы обыкновенно называют у нас домашней промышленностью, а не кустарной, ибо отличительным признаком последней является сельский характер, характер подсобного промысла.

Но так ли это? Как можно усмотреть из только-что приведенных фактов, в действительности тот признак, который выставляют в качестве наиболее характерного для России, мы находим и в кустарной промышленности Запада. Нет поэтому основания придумывать для нее особое название.

Оно способно лишь вводить в заблуждение, ибо домашнюю промышленность нередко смешивают с производством предметов на дому для надобностей собственного хозяйства. Подобно русской промышленности, и кустарная промышленность Англии, Германии, Франции, Австрии, Швейцарии, по крайней мере, в эпоху своего расцвета, в XV—XVIII ст., имела деревенский характер и являлась побочным занятием для крестьян. Лишь в тех местностях, где земледелие было мало развито, она была главным и даже исключительным занятием деревенских жителей, как, впрочем, и у нас в некоторых губерниях. Сравнительно с деревенской промышленностью, городская отстает и в Западной Европе на второй план, лишь в XIX веке она заняла более важное место. Однако, не только в своем дальнейшем развитии, но и в первоначальном возникновении кустарная промышленность Запада имеет много общих черт с нашей. Как мы видели выше, зачатки ее, относящиеся еще к средневековому периоду, находятся в деревнях, а не в городах. Да и в последующие столетия она, подобно русской кустарной промышленности, возникает сначала в деревнях, и лишь впоследствии к ней присоединяется новый незнакомый России элемент—цеховое ремесло в городах, которое также принимает кустарную форму производства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кризисы и безработица.

К концу средних веков производство успело значительно опередить спрос на местном рынке, и несмотря на все ограничения размеров производства, многие ремесленники сидели без работы. Кустарная промышленность, производившая для гораздо более широкого круга потребителей, должна была прийти им на помощь в этом бедственном положении, на нее возлагались большие надежды. Но они оправдались

лишь отчасти. Спрос на промышленные изделия сильно возрос, потребность в рабочих руках значительно увеличилась. Но рабочее население в области промышленности возросло еще более; увеличилось предложение труда и усилилась конкуренция среди рабочих. Вследствие такого превышения предложения рабочих рук над спросом на промышленные изделия образовалась значительная резервная армия рабочих. Кроме того, самое расширение рынка сбыта имело и свою дурную сторону. Спрос не был постоянным, а сопровождался довольно резкими колебаниями, и эти колебания отражались на производстве товаров. В средние века спрос на промышленные изделия был слишком мал сравнительно с производством, но зато потребность местного рынка в них была точно известна, и ее не трудно было установить в каждое данное время. Когда рынок сбыта расширился, когда стали производить для целого ряда различных местностей, когда на рынке появилась сильная конкуренция, тогда стало гораздо труднее соразмерить производство со спросом, тогда появились периоды перепроизводства, за которыми следовали периоды застоя. Происходившие, вследствие этого, потрясения падали, однако, попрежнему почти исключительно на рабочее население—на кустарей, ибо скупщики прекращали в таких случаях дальнейшее приобретение товаров. Капитал их был преимущественно оборотный, так что, отказываясь принимать у кустарей произведенные последними изделия, когда сбыт на рынке стеснен, они ничего не теряли; между тем рабочие оказывались в безвыходном положении, лишившись заработка. Впрочем, и на скупщиков вина падала далеко не всегда. Они обладали незначительным капиталом и едва ли в состоянии были закупать большое количество товаров и вкладывать в них капитал на продолжительное время.

Приведем несколько фактов, свидетельствующих о превышении предложения рабочих рук над спросом, о постоянных колебаниях в производстве в XVII—XVIII ст. и о влия-

нии перепроизводства и безработицы на положение рабочих-кустарей.

В игрушечной и деревообрабатывающей промышленности Саксен-Мейнингена купцы обязались приобретать на склад все изготовляемое мастерами количество товаров. Для того, чтобы дать скупщикам, не имевшим больших капиталов, возможность выполнять это обещание и приобретать у кустарей изделия даже при отсутствии спроса, правительство выдало им ссуду в размере 10 тысяч талеров—сумма для того времени очень крупная. Тем не менее, обещание купцов осталось мертвой буквой. В частые периоды застоя в торговле скупщики ничего не покупали у кустарей (Sax).

Торговая компания г Кальва—как указывает Трельтш в своей книге, посвященной истории этой компании,—также не признавала за собой обязанности покупать все произведенные местными кустарями шерстяные материи. Когда устанавливался известный размер производства для каждого мастера, он имел значение для компании лишь постольку, поскольку положение рынка давало ей возможность приобрести такое количество товаров. Лишь в течение нескольких лет с 1674 г. по 1688 г. существовал так называемый Кнарпенгаус—склад, который являлся посредником между компанией и кустарями. Кустари имели право сбывать сюда все произведенные ими товары, при чем, конечно, величина производства для каждого из них была точно определена, и тотчас же по доставлении товара они получали следующую за него плату; компания же приобретала в складе каждый раз нужное ей количество изделий. В течение нескольких лет производство и сбыт действительно соответствовали друг другу. Однако, как только в 1686 году сбыт компании сократился, и рынок оказался переполненным, размер производства, дозволенный каждому кустарю, был значительно сокращен, и кустари были вынуждены искать скупщиков помимо компании, ибо доставляемый последней

заработок был недостаточен; Кнарпенгаус должен был прекратить свое существование.

Однако, компания не только не признавала за собой обязанности приобретать все изготовленные кустарями товары, но не исполняла действительно принятого на себя обязательства давать работу исключительно мастерам, жившим в определенном районе (Moderationsbezirk), которые, по существовавшему правилу, не могли сбывать товары помимо компании. Несмотря на то, что и этот район был очень значителен, компания, опасаясь конкуренции соседних местностей, скупала и там товары, расширяя, таким образом, область приобретения ею изделий на счет своих собственных поставщиков из Moderationsbezirk'a. Вследствие этого, последние и в обычное время при благоприятных условиях рынка имели мало работы, а еще менее в периоды застоя, которые повторялись довольно часто. „То обстоятельство, что ткачи были мало заняты и заработок их был незначителен—говорит Трельтш—объясняется, с одной стороны, тем, что на компанию работал слишком обширный район, а с другой стороны тем, что сбыт ее был часто стеснен“. Но еще вреднее отзывались на материальном положении ткачей постоянные колебания в производстве, происходившие в течение года. Компания приобретала ежемесячно не $8\frac{1}{3}$ проц. всего закупаемого ею в течение года количества товаров, что должно было бы иметь место при правильном распределении покупок по месяцам; а в одни месяцы она принимала гораздо больше товара, в другие—несравненно меньше, так что цифра приобретений колебалась в течение года между 13,9 и 3,4 проц. При этом наименее благоприятными для кустарей месяцами являлись не летние, когда кустари находили заработок в сельском хозяйстве, а, наоборот, зимние месяцы, декабрь и январь, когда сбыт компаний сокращался, и она боялась покупать много товара на склад.

В конце XVII века и в Базеле раздавались жалобы на отсутствие работы. „Купцы сами виноваты в том,—говорили

мастера,—что нас такое множество; а между тем они же дают нам мало работы и еще меньшую плату. Прежде мы едва успевали производить требуемое ими количество товаров, а теперь они не обращают на нас никакого внимания и заставляют нас умирать с голоду от безработицы”.

В английской шерстяной промышленности периоды безработицы были обычным явлением, кустари работали в течение года шесть, максимум—девять месяцев. Уже с начала XVI века мы встречаем в источниках в большом количестве факты, свидетельствующие о том, что уже тогда происходили частые кризисы в шерстяной промышленности. Предложение шло впереди спроса, и поэтому от времени до времени обнаруживалось перепроизводство и переполнение рынка, и наступал период застоя, при чем и здесь страдали рабочие, ибо когда сукно лежало непроданным, скупщики отказывали кустарям в работе. Уже в 1527 году, когда на иностранных рынках сократился спрос на английские товары, произошел кризис в суконной промышленности. „Все широкие сукна, каразеи и бумажные ткани остаются у купцов на руках. Вследствие этого, когда суконщики из Эссекса, Кента, Уилтшира, Суффолька и других графств, где производится выделка сукна, привезли сукно в Лондон для продажи, то почти не нашлось купцов, которые согласились бы приобрести его. По этой причине суконщики стали отказывать в работе своим прядильщикам, чесальщикам, валяльщикам и другим категориям рабочих, занятым в суконной промышленности, что вызвало сильное неудовольствие среди населения, особенно в Суффольке. Первоначально, после прекращения сбыта 40 скупщиков Суффолька, по настоянию герцога Норфолькского, согласились попрежнему давать заказы кустарям, которым они уже было отказали в работе. Но, уже спустя два месяца, они заявили, что вынуждены прекратить производство, ибо в Лондоне никто более не приобретает сукна. Кардинал Уольсей всячески старался заставить лондонских купцов покупать сукно,

предлагал им ссуды с этой целью и грозил тюрьмой, в случае неисполнения его требований. Члены тайного совета раз'езжали по графствам и пытались убедить суконщиков продолжать производство. Но все попытки были тщетны. А между тем в Беркшире, Гемпшире и Уилтшире началось восстание безработных ткачей. Лишь в следующем году, с восстановлением торговых сношений, бедствие прекратилось (Lohmann).

В 60-х годах XVI века волнения из-за отсутствия сбыта товаров и безработицы повторились вновь. Но особенно сильны они были в XVII веке. В 1622 году вдруг обнаружилось перепроизводство, оказалось, что сукно, произведенное в десяти графствах, лежит в Лондоне непроданным. Скупщики в этих графствах, конечно, приостановили дальнейшее производство, а это вызвало безработицу, восстания и грабежи, производимые голодными рабочими, и насилия над скупщиками, с целью заставить их приобретать изготовленные товары. Правительство в изданном им указе признало необходимым заставить купцов, занимавшихся экспортом, покупать сукно, а скупщиков—давать работу кустарям, находя невозможным существование такого порядка вещей, когда скупщики имеют возможность отказывать населению в работе, чем лишают рабочих средств существования и вызывают беспорядки, направленные против правительства. В 1629 году произошел новый кризис, продолжавшийся в течение целого десятилетия. В Эссексе, где начался кризис, огромная масса населения, лишенная заработка, голодала, и вызывающее настроение рабочих заставило мировых судей потребовать у скупщиков, чтобы они обязательно продолжали производство. Но последние ответили, что до тех пор, пока лондонские купцы не станут вновь приобретать у них сукна, они не в состоянии доставлять мастерам заработка. В Суффольке скупщики заявляли, что они успели уже истратить все свои сбережения на покупку товаров, и если правительство не придет им на помощь, то они вы-

нуждены будут отпустить своих рабочих. В других графствах скупщики-предприниматели жаловались на враждебное настроение к ним, господствующее среди рабочих, которым они все равно не в состоянии помочь. В петиции из Эссекса указывалось на то, что, вследствие продолжительности кризиса, многие самостоятельные мастера превратились в простых рабочих. Ломан (в своей „Истории английской шерстяной промышленности XV—XVIII ст.“) справедливо обращает внимание на то, что эти факты, которые, к сожалению, обыкновенно упускаются из виду, свидетельствуют о том, что уже в XVI—XVII ст. всякое колебание рынка пагубно отражалось на положении низших и средних классов населения на протяжении многих графств Соединенного Королевства.

Сильное давление оказывал всегда на предпринимателей Фридрих Великий, угрожая им в случае роспуска рабочих отнятием патента на право производства, лишением привилегий, взысканием выданных им из казны беспроцентных ссуд и даже столь жестокой мерой, как военный постой впредь до предоставления работы рассчитанным мастерам. Так, когда один предприниматель вместо обещанных 100 станков поставил только 50, затем сократил их до 32 и заявил рабочим, что ему придется уменьшить число станков до 20, то он получил грозный запрос: в чем собственно заключаются его намерения, и будет ли он выполнять принятые на себя обязательства? На объяснение его, что он уже потерпел крупные убытки и товары его лежат во Франкфурте, Бреславле и Кенигсберге, не находя покупателей, он получил приказ восстановить установленное число станков под угрозой применения к нему принудительных мер воздействия. Другой промышленник (Гирш), первоначально расширивший производство до 130 станков, впоследствии сократил число их до 90 и даже до 82, в виду наличности у него больших запасов непроданного товара, и намеревался дойти даже до 60 станков,

если положение его не улучшится—он жаловался на то, что сбыта нет, и деньги стали крайне редки. Тем не менее, ему было приказано восстановить работу на целых 100 станках, и, когда он, очевидно, не подчинился, Фридрих Великий велел применить к нему „Canareuterliche Execution“, т. е. экзекуцию в виду постоя солдат в его доме. Мы знаем, что несколько месяцев спустя он работал на 85 станках, следовательно, вынужден был, несмотря на убытки, исполнить приказание.

В 1777 г. Фридрих Великий выражает свое возмущение по поводу того, что один промышленник „осмелился уволить пять мастеров и лишить их хлеба“, пригрозив ему отнятием тех 7000 тал., которые он получил в качестве ссуды при учреждении предприятия. В виду угрозы отнятия патента, значения ссуды и военной экзекуции, если рассчитанные рабочие не будут приняты обратно, ему пришлось подчиниться, и ссуда была продолжена еще на 10 лет. („Acta Borussica. Die Preussische Seidenindustrie im 18. Jahrh.“). Но, конечно, такими насильственными мерами сохранить промышленность и избежать безработицы немислимо было; вскоре созданные Фридрихом Великим и поддерживаемые такими способами предприятия погибли—они нежизнеспособны.

Мы имеем любопытные сведения относительно кризисов, происходивших во французской шелковой промышленности, в особенности в центре ее—Лионе. С самого возникновение этой промышленности в XVI ст. наступали частые периоды застоя в производстве шелковых материй, вследствие перемен в моде (французы не любят носить долго одно и то же платье,—писал венецианский посланник в 1546 году), а еще более под влиянием эдиктов о роскоши, запрещавших носить шелковые ткани. Генрих IV еще имел в виду интересы лионской промышленности и поэтому исключал шелк и т. под. вещи из числа запрещенных предметов роскоши, но Людовик XIV, при котором возобновились

эдикты о роскоши, объявил ношение бархата, парчи и габуна привилегией членов королевской фамилии. Вследствие этого, в XVII веке безработица в лионской шелковой промышленности и связанных с ней промыслах усилилась. В 1665 году к этому присоединились стеснения на английском рынке и траур по испанском короле Филиппе IV. В течение 1689—1791 гг. насчитывается 18 кризисов в лионской шелковой промышленности. Многие из них продолжаются по несколько лет, так что на каждые пять лет приходится свыше одного года застоя в производстве. Кризисы охватывают нередко и соседние Лиону местности или другие отрасли промышленности. Они принимают часто опасный характер: десятки тысяч безработных бродят голодные по городу, занимаясь попрошайничеством, тысячи станков стоят пустыми. В 1621 г. из 1698 станков не работало 350, т.-е. пятая часть, в 1739 г. также пятая часть (1771 из 8331), а в 1788 году уже свыше одной трети (5442 из 14777) всех станков стоят пустыми.

После 1708 года эдикты о роскоши не издаются более. Но перемены в модах совершались еще чаще, особенно же пагубны для лионской шелковой промышленности были те случаи, когда королева французская, желая изображать пастушку, заменяла шелковые и бархатные платья одеяниями из белого индийского коленкора или из английских бумажных тканей. Придворные дамы и дамы из других кругов подражали королеве, и спрос на лионские изделия значительно сокращался. Еще неприятнее для Лиона был частый траур при дворе. Не только в случае болезни или смерти кого-либо из членов французской королевской фамилии налагался траур, продолжавшийся полгода и даже год, но и после смерти иностранных королей и принцев устанавливался каждый раз траур на несколько недель. Лионские мастера сильно роптали на это. Шесть месяцев траура после смерти дофина.—говорили они—какой ужас! Да мы готовы были бы продолжить его на десять лет, если бы

черное платье могло воскресить его. Но так ведь из-за того, что он умер от болезни, мы должны умирать от голода. Работы или хлеба!—угрожающе прибавляли они. „На каком основании,—спрашивали они во время другого кризиса—смерть иностранного принца должна составлять для нас настоящее несчастье, когда жизнь его не доставила нам ровно никакой выгоды?“ (См. монографии Годара и Паризе о лионских рабочих в шелковой промышленности). В других случаях причиной кризиса являлся неурожай шелковичного червя и недостаток в сыром материале, как, напр., в 1750 г., или же сокращение сбыта на иностранных рынках. Последнее случилось во время Семилетней войны, а также в 1771 г., во время первой русско-турецкой войны при Екатерине II: Германия, Испания, Англия уменьшили спрос на шелковые ткани, очевидно, в ожидании европейской войны.

Можно найти еще много фактов подобного же рода. Так, в Париже в 1645 г. насчитывалось 76 типографий со 183 печатными станками, из коих, однако, не более 80 станков находилось постоянно в работе; спустя сорок лет число печатных станков возросло до 200, но работала всего четвертая часть. В Труа в 1701 г. из 25 печатных станков более 10 не имели никакой работы. В одном из мемуаров, относящихся к 1755 г., указывается на то, что из 700—800 парижских рабочих печатного дела (подмастерьев—их официальное название) половина в течение шести месяцев в году не находит никакой работы. В Марсели в производстве изделий из бумажной массы число рабочих (в 1771 г.) сократилось с 200 до 16, в шляпочном промысле оно упало (в 1789 г.) с 1200 до 500, при чем из последних 150 человек не имели работы. Вобан утверждает, что ткачи, вследствие периодов безработицы, работают в среднем не более 180 дней в году.

Таким образом, нередко высказываемое мнение, будто бы до появления машин и мирового рынка кризисов не

существовало, оказывается совершенно неправильным: подобное предположение объясняется недостаточным знакомством с промышленностью предыдущих столетий. Резкие колебания в производстве происходили и до введения машин, и до осуществления принципа свободы торговли. Уже в XVII—XVIII ст. периоды лихорадочного производства сменялись периодами полного застоя.

Поэтому-то меры, принимаемые государством для прекращения наступившего уже кризиса и даже для предупреждения его, не могли приводить в каком-либо результате. Да и безработица, вызываемая этими колебаниями в производстве, была бы не столь ужасна, если бы заработная плата в другие периоды стояла на более высоком уровне. В 1777 году, когда академия г. Лиона назначила для конкурса тему: „как доставить рабочим занятие во время кризиса?“, один из авторов, представивших исследования на заданную тему, справедливо указывал на то, что этого вопроса вовсе бы не существовало, если бы рабочие получали достаточную плату в те периоды, когда есть спрос на труд, что весь вопрос разрешается повышением заработной платы до того уровня, при котором рабочий в состоянии покрывать свои расходы и откладывать сбережения.

Между тем государство не хотело принять во внимание этого простого соображения и не только не содействовало рабочему в получении более высокой платы, а, наоборот, как мы увидим ниже, всецело стояло на стороне скупщиков и всячески старалось и прямым, и косвенным путем понизить заработную плату. И только когда наступал кризис, появлялась безработица, и начинались мятежи голодных рабочих, государство, якобы, заботилось о рабочих, стараясь доставить им работу или прибегая к различным мерам благотворительности. В действительности оно и в этих случаях имело в виду не столько интересы рабочих, сколько свои собственные, понимая, что во время голода и безработицы никакой государственной порядок немощным.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Взаимные отношения между предпринимателями и рабочими.

С самого возникновения кустарной промышленности скупщики старались подчинить кустарей своей власти. Когда в 1424 году 4 купца заключили договор с любекским янтарным цехом, который состоял из 12 мастеров, эти последние обязались поставлять им весь товар, который будет изготовлен ими в ближайшие два года. Если бы у них оказались сверх этого продукты, то они должны были сбыты на местном рынке, но не могут быть вывезены в другие города, ни в Венецию или Нюрнберг, ни во Франкфурт или Кельн. Аугсбургский купец Отт Руланд дает заказы мастерам янтарного цеха в Вене и Зальцбурге в 1449—1453 гг. Он как бы берет их к себе на службу на известное время и требует, чтобы все изготавливаемые ими в течение этого времени товары поступали к нему. Он дает им задаток вперед, и ремесленники обязуются не работать ни на кого другого кроме него; словом, он всячески старается привести их в зависимость от себя.

Еще сильнее ограничения для мастеров в итальянских городах в XV веке. Здесь они имеют не временный характер, как в Германии, а постоянный, ибо в Италии ремесло уже успело превратиться в кустарную промышленность, тогда как в ганзейских городах в XV веке еще не было постоянной организации скупщиков; подобные заказы являлись еще исключением. В Венеции существовало постановление, по которому купец не мог быть одновременно и ткачем, а ткач не мог заниматься торговлей. В 1422 году оно было изменено в том смысле, что ткачам шелковых

материй, которые самостоятельно сбывают свои продукты, запрещалось работать на скупщиков или частных лиц. Они не могли также держать учеников и подмастерьев, а должны были работать одни или при содействии членов семьи. Кроме того, они обязаны были вступить в цех в качестве купцов. Иначе говоря, статут 1422 года различает уже не купцов и самостоятельных ремесленников, а скупщиков и кустарей. В самом деле, производить товары и сбывать их самостоятельно, не имея права ни держать учеников и подмастерьев, ни работать по заказу частных лиц, было для мастеров совершенно невозможно; воспользоваться этим постановлением могли только скупщики, которые действительно занимались одним только сбытом. Мастера же, работавшие на скупщиков, лишались, по этому статуту, права сбыта своих изделий помимо скупщиков (Ајапо).

Подобное же постановление было издано в Генуе в 1432 году. В этом году был учрежден цех скупщиков шелковых изделий. Статутом этого цеха устанавливалось, что впредь мастерам дозволяется работать лишь на скупщиков. Указывалось на утайку материала со стороны мастеров; путем запрещения работы для других лиц это злоупотребление будет устранено. Вследствие этого, и здесь ткачи, производившие ранее изделия из собственного шелка или полученного от частных лиц, лишались как самостоятельного сбыта товаров, так и работы по заказу потребителя, т.-е. всецело отдавались в руки скупщиков. Пизанский статут 1305 г. запрещает рабочим в области шерстяной промышленности исполнять заказы кого бы то ни было, кроме мастеров, с которыми они вошли в соглашение и от которых получили задатки.

Точно также во флорентинской шерстяной промышленности уже в XIV веке было запрещено кустарям, в особенности ткачам, которые составляли важнейшую часть рабочих, работать для кого бы то ни было, помимо лиц, входящих в состав цеха скупщиков. Ткачи не могут ни рабо-

тать на собственный счет, ни обрабатывать материал, полученный от других лиц, не принадлежащих к цеху. Не только материал мастер получал от скупщика, но нередко и инструменты, именно ткацкий станок. Он обязывался отработать за полученный станок, а до тех пор—никому не продавать и не отдавать его на прокат, и по требованию скупщика, который остается собственником станка, возратить его во всякое время. Результатом этого являлось то, что в случае каких-либо недоразумений между скупщиком и кустарем, если последний, напр., отказывался работать за установленную скупщиком плату, он лишался необходимого ему орудия производства, которое просто отнималось у него скупщиком, а следовательно, лишался и возможности продолжать производство. Не лучше было положение кустика и в том случае, если он обладал ткацким станком, но вынужден был заложить или продать его скупщику, чтобы получить сразу какую-либо сумму на собственное пропитание. И в этом случае скупщик мог в любое время потребовать у него станок и оставить его без работы. „Вследствие этого,—говорит Дорен в своем „Исследовании о флорентинской шерстяной промышленности XIV—XV ст.“—имея собственное хозяйство и работая у себя на дому, ткач все-таки является рабочим, вполне зависимым от того или другого капиталиста, юридически он в праве продать свою рабочую силу любому скупщику, но фактически он потерял свою свободу“ *).

В 1667 году в лионской шелковой промышленности

*) Из опубликованных Эспинасом документов, относящихся к промышленной деятельности суконщика г. Дуэ (во Фландрии) Jehan Boine Broke (начала XIV века) можно усмотреть, что работавшие на него мастера находились в полной зависимости от него не только вследствие полученной вперед платы, но и по той причине, что они вынуждены были жить в принадлежащих ему домах—они всегда были у него в долгу за квартиру, и он имел возможность в любое время не только лишить их работы, но и выселить из своего дома.

торговцы шелковыми изделиями были приняты в состав ткацкого цеха и этим добились равноправия с мастерами, производившими шелковые материи, бархат, парчу и т. п. Однако, этим скупщики не удовлетворились. В тот же статут 1667 года были внесены постановления, которыми мастера-производители низводились на степень подмастерьев и совершенно отдавались во власть мастеров-скупщиков. Регламентом 1667 года—говорит Годар—мастера, работавшие на скупщика, приравнивались к подмастерьям. Как и последние, они лишались права отказываться от работы на скупщика, не предупредив его об этом месяцем раньше, не окончив начатой работы и не возвратив полученного задатка. Последнее мог сделать за мастера, в случае его несостоятельности, новый скупщик, который ему давал заказы. Но если сумма была значительна, трудно было найти скупщика, который бы согласился на это, а мастер-кустарь рисковал остаться в течение продолжительного времени без работы. Выбирая из двух зол меньшее, он продолжал работать на того же скупщика даже на невыгодных для себя условиях. Тот же статут содержал следующее постановление. Мастер, который дает работу другому мастеру, подвергается штрафу в 60 ливров, если он не удостоверился в том, остался ли этим мастером доволен тот, на которого он раньше работал. „Таким образом,—жаловались мастера—стоит только, чтобы мастер-производитель не понравился скупщику, на которого он работает, и он лишается работы на продолжительное время; мастер никогда не может рассчитывать получить заработок, если он не умеет покорностью и низкопоклонничеством добиться милости у своего хозяина“.

Уже в 1667 году, следовательно, мастера находились во власти скупщиков. Мастеру оставался один только исход—сбывать товары на собственный счет в том случае, когда он не сумел поладить со скупщиком и не получил от него соответствующего свидетельства; когда он был в

долгу у скупщика, он, конечно, не имел и этого выхода. Но и правом производства на собственный счет мастер-производитель обладал недолго: мастера-скупщики всячески старались лишить его этого права. В 1707 году мастера были разделены на два класса: на лиц, работающих за собственный счет или заказывающих работу другим, и лиц, работающих исключительно на других и не пользующихся правом самостоятельного сбыта товаров. Для того, чтобы войти в число первых, надо было уплатить сначала двенадцать, а четыре года спустя уже триста ливров,—сумму огромную для того времени; малосостоятельные мастера-производители совершенно не в состоянии были добыть такую массу денег. А статут 1712 года различает уже три категории, именно: мастеров-скупщиков, которые сами не в праве производить товаров, мастеров, работающих на собственный счет, и, наконец, мастеров-кустарей. Первых насчитывалось 200 человек; количество самостоятельных мастеров—говорится в статуте—колеблется изо-дня-в-день, ибо как только наступают какие-либо невыгодные для них обстоятельства, они сейчас же становятся кустарями. Последних, наконец, 3—4 тысячи, так что на каждого скупщика приходится около 15—20 человек, некоторые же из них дают заказы целой сотне рабочих. Как мы видим, скупщикам удалось и сократить конкуренцию в своей среде, и подчинить себе мастеров-ткачей, которые первоначально были равноправны и даже пользовались известными преимуществами пред ними.

В статуте 1744 года встречаются те же три категории членов цеха, но для первой категории—для скупщиков, взнос увеличен с 300 до 800 ливров, а для второй—для самостоятельных мастеров, он установлен в 200 ливр.; при этом последние не могут иметь более двух ткацких станков. Это были новые ограничения для мастеров, которые еще более усилили монополию скупщиков. 800 ливров была такая крупная сумма, которая преграждала доступ в среду

скупщиков, а взнос в размере 200 ливров лишал кустарей возможности перейти в категорию самостоятельных мастеров. Впрочем, невозможность держать более двух станков была столь невыгодна (кустари имели обыкновенно 4 станка), что отнимала всякую охоту стать самостоятельным мастером. Что касается остальных мер закрепощения кустарей, то лишь право не отпускать рабочего до возвращения полученного задатка или уплаты его новым хозяином кустика, было несколько ограничено. Задаток, который мог получать мастер, был ограничен сначала 300, а затем 500 ливр., и кроме того скупщик мог удерживать за долги не более $\frac{1}{3}$ заработной платы. Аттестаты же, выдаваемые скупщиками, несмотря на протест рабочих, сохранились и впоследствии. С 1702 года существовало еще одно постановление в угоду предпринимателям и в ущерб рабочим. Мастер не может одновременно работать на двух скупщиков без письменного выраженного согласия того скупщика, от которого он получил раньше заказ, при чем не указано, что должно произойти в случае отказа выдать такое разрешение. В 1744 году это постановление подтверждается вновь.

В Лионе, как мы видим, скупщики достигают того, что кустари лишаются возможности самостоятельно сбывать свои изделия на рынке. Борьбы из-за права кустарей сбывать произведенные ими ткани другим скупщикам, не входящим в состав цеха, мы в Лионе не замечаем. Да ее и не могло быть, ибо с начала XVII века был провозглашен принцип, по которому торговать шелковыми тканями могли только лица, принадлежащие к цеху ткачей. Поэтому-то купцы и были приняты в состав цеха в 1667 году. Иное дело в Германии. Здесь мы находим обыкновенно не одну корпорацию, а две. Скупщики не только фактически, но и формально вполне отделились от рабочих. Поэтому здесь для достижения монопольного положения, для возможности надлежащей эксплуатации кустарей-рабочих, им необходимо

было не только стеснить доступ в свою среду и воспрепятствовать кустиарям самостоятельно сбывать произведенные ими товары, но и заставить их сбывать свои изделия исключительно данной корпорации скупщиков, а не каким-либо иным организациям скупщиков или отдельным купцам помимо данной корпорации.

В Германии скупщики действительно добиваются этого права везде и повсюду. Постановление относительно запрещения сбыта товаров, помимо корпорации скупщиков, мы встречаем в игрушечном производстве Мейнингена, где купцы составляют организацию, состоящую из 26 поименно указанных фирм Зоннеберга и 4 фирм, находящихся в окрестных селах, и где они обладают исключительной монополией сбыта всех произведенных кустиарями изделий. Они руководствуются принципом свободной конкуренции для рабочих и принципом монополии для купцов. Мы находим его в чулочном производстве Апольды и Эрлангена (Бавария). Мастер может войти в состав корпорации скупщиков лишь в том случае, если он в состоянии давать заказы на 12 станков. В противном случае он может сбывать собственные изделия, лишь обладая таким имуществом, которое давало бы ему возможность держать на складе между одной ярмаркой и другой 20—40 дюжин чулок. Если же мастер не удовлетворяет ни тому, ни другому условию (что было наиболее частым явлением, ибо для выполнения этих условий требовался значительный капитал), то он может только работать на скупщиков и притом исключительно для местной корпорации их. Имеется это постановление далее в Моравии, где основанная в 1592 году компания суконщиков не допускает продажи произведенных кустиарями изделий другим лицам; в Эльзасе, где несколько купцов обладают привилегией исключительного сбыта ситцевых или полуситцевых материй, изготовляемых в Маркирхе и Зиренце и на всем пространстве между Страсбургом и горами, отделяющими

Франшконте от Эльзаса; наконец, в Саксонии и Вюртемберге.

В 1764 году в саксонском Фогтланде—как видно из монографии Бейна („Industrie des sächsischen Voigtlandes“)—установлена, с одной стороны, обязанность скупщиков принимать весь произведенный кустарями продукт (в других местах этого постановления, как мы увидим ниже, не существовало), а с другой—обязанность прядильщиков и ткачей сбывать все свои произведения корпорации скупщиков; они не могут не продавать их другим скупщикам, ни самостоятельно торговать ими. Корпорация местных скупщиков обладала, следовательно, монополией в области сбыта бумажных изделий. А для того, чтобы в состав этой корпорации не могли войти ни кустари, ни посторонние купцы, было установлено (еще в 1618 году), что только жители Плауена могут торговать бумажными изделиями, а в статуте 1663 года прибавлено, что в корпорацию скупщиков принимаются (как и в чулочном производстве Эрлангена и Апольда) только те лица, которые в состоянии держать, в случае необходимости, известное количество товаров у себя на складе и доставлять на лейпцигскую ярмарку для продажи не менее 600 штук товара. В 1715 году это последнее требование было заменено другим. Для вступления в корпорацию купцов необходимо обладать имуществом в размере 100 гульденов, впоследствии (с 50-х годов) в размере 500—600 талеров, а с 1764 года уплатить, кроме того, и вступительный взнос в 50 талеров.

Купцам г. Кальва (Вюртемберг) уже в конце XVI века удалось вытеснить иностранных предпринимателей и занять преобладающее положение в этой местности. Преимущество среди них принадлежало тем, которые одновременно с торговлей занимались и красильным промыслом, ибо, как мы видели выше, из красильщиков вышли первые скупщики. Но при установлении заработной платы кустарей красильщики вступали в соглашение с прочими

купцами для устранения конкуренции на рынке труда. Вскоре, именно в начале XVII века, им удалось добиться и другой выгоды, лишить мастеров права заниматься красильным промыслом. Так как на ярмарки доставлялись только крашенные материи, то мастера очевидно находились отныне в зависимости от скупщиков-красильщиков, которым вынуждены были сбывать все свои изделия: сами они не имели более возможности торговать своими изделиями. Таким образом, уже в первой половине XVII века власть скупщиков над кустарями была значительна. Но еще более она усилилась, начиная с 1650 года, когда была основана корпорация скупщиков, которая представляла собою полное товарищество, хотя и называлась до 1665 года красильным цехом. С этих пор монопольное положение корпорации скупщиков вполне упрочилось.

Прежде всего она приобрела исключительное право торговли всеми теми сортами материи, которые являлись наиболее ходячими на рынке. Другим купцам Вюртемберга и мастерам была запрещена торговля этими изделиями. Далее, кустари, производившие материю, были лишены права входить в сношения с красильщиками, не принадлежащими к компании скупщиков г. Кальва. Им было запрещено сбывать свои изделия другим купцам, проживающим в этой местности. Наконец, их право сбыта собственных произведений всячески сокращалось, пока оно не было совершенно уничтожено в 1658 году. Кустари были обязаны предлагать все свои изделия компании, и лишь те, которые она отказалась принять, они могли продавать поштучно или аршинами внутри страны или за границу. С 1705 года компания приобрела право „накладывать штемпель на непринятые ею товары, и только этими штемпелеванными материями могли торговать мастера. „Вследствие этого—говорит Трельтш—ткачи, жившие на большом расстоянии от г. Кальва, были вынуждены нести туда товар даже в том случае, если они были уверены, что он

не будет принят компанией. При отвратительном состоянии дорог это влекло за собой потерю, по крайней мере, целого дня, к которой, в случае отказа, присоединялась еще потеря времени до окончательного сбыта товара. Многие на обратном пути пропивали вырученные тяжелым трудом деньги. Наконец, необходимость этой процедуры вынуждала нередко кустика довольствоваться меньшей платой, лишь бы избежать более значительных неудобств. Далее, штемпель, наложенный на непринятый компанией товар, рассматривался повсюду как позорное клеймо. С едкой пронией ткачи называли этот штемпель „voulez-vous“, указывая этим на его значение. Штемпелеванный кусок материи терял часть своей стоимости. Наконец, очень существенным обстоятельством являлось то, что ткачам дозволялось лишь продавать свои изделия на месте, но запрещалось пересылать их в другие места. Это запрещение лишало их возможности использовать надлежащим образом право сбыта собственных изделий.

Подобным же образом компания стесняла и сбыт пряжи. Прядельщицам, жившим в округе Кальва (Moderationsbezirk), запрещалось сбывать свою пряжу мастерам через границу. Они должны были продавать ее ткачам, работавшим для компании, и только в случае отсутствия спроса со стороны последних могли, с разрешения администрации, доставлять пряжу другим лицам. В своем округе компания не допускала никакого другого предприятия, которое производило бы шерстяные изделия. Она желала сохранить за собой полную монополию в Moderationsbezirk'e (20 кв. миль) и устанавливать условия труда, не считаясь с какой бы то ни было конкуренцией. И этого она вполне достигла. Кустари-рабочие находились в полной фактической и юридической зависимости от компании. Лишь в редких случаях они набирались смелости открыто восставать против действий компании. Часто все ограничивалось пассивным противодействием. Большая же часть населения до того

свыклась со своим положением, до того привыкла к своей участи и до того лишена была энергии, что вовсе и не думала о протесте и сносила терпеливо свое ярмо, не помышляя даже о возможности улучшения своей судьбы.

В таком же положении находились кустари и в другой, не менее важной отрасли промышленности—производстве металлических изделий. Так, в ножевом производстве Золингена весь XVIII век наполнен борьбой из-за заработной платы. Мастера постоянно жалуются на купцов. Мастер должен был „смотреть купцу в глаза, плясать под его дудку“. В противном случае купец лишал его куса хлеба и записывал на „черную доску“. Если кустика требовал в судебном порядке причитающейся ему платы, то купец сообщал об этом другим купцам и убеждал их не давать этому мастеру работы. Да и жалобы кустика были бесполезны. Купцы захватили в свои руки должности фогтов и ратманов, заправляли ремеслами и чинили суд и расправу. В железоделательном производстве Зигена (Вестфалия) с конца XVI века право торговли железными товарами принадлежало исключительно купцам, вышедшим из среды мастеров, занимавшихся конечными процессами производства (рейдтмейстеров). Борьба между ними и кузнецами-рабочими продолжалась еще целое столетие, и соглашением 1621 года последним временно удалось добиться лучших условий труда и заработной платы. Но все их усилия оказались в результате бесполезными. Спустя несколько лет соглашение потеряло свое значение, и с конца XVII века монопольное положение скупщиков вполне упрочилось. Кустари являлись совершенно зависимыми от них рабочими.

Таким образом, капиталисты-предприниматели повсюду сумели создать себе монопольное положение по отношению к кустикам-рабочим. Они разделили страну на районы, и в каждом районе господствовала определенная корпорация скупщиков, от которой зависело местное насе-

ление. Конкуренция устранялась прежде всего тем, что все произведения поступали в руки корпорации скупщиков и не могли сбываться помимо нее; далее, тем, что не допускалось соединение торговли и промысла в одних руках, и, наконец, тем, что вступление в корпорацию скупщиков ставилось в зависимость от обладания значительным для того времени капиталом.

В Австрии вопрос об отношениях между скупщиками и кустарями и зависимости последних от первых разрешался в значительной мере постановлениями о разграничении, проводимом между производством и торговлей. Кустарь не только не должен был сбывать изделий других мастеров, но и своих собственных, чтобы не вторгаться в область торговца. Ему не позволялось держать лавки для продажи товаров. А между тем скупщиков не было, и мастеру необходимо было отыскивать покупателя. При недостатке же скупщиков они оказывались в положении монополистов, кустари же в полной зависимости от них, „умевших предвзительно снимать сливки“. Меры эти отдавали кустарей—как признавали—в полное распоряжение скупщиков, в их власть, на их произвол. Правда, в отдельных местностях отступали от этого положения, предоставляя кустарям сбывать не только свои, но и чужие товары. Однако, и то и другое допускалось—как было впоследствии прибавлено—лишь под условием, чтобы мастер, торгующий промышленными изделиями (холстом), работал, по крайней мере, на трех станках, для того, чтобы он не прекращал своего промысла и не занимался всецело торговлей,—условие для многих кустарей совершенно невыполнимое. Кустарям разрешалось продавать свои изделия только у себя дома и на ярмарках и лишь в редких случаях из особой лавки. Если же кустарь заключил договор с торговцем, обязавшись доставлять ему свои товары, то ему воспрещалось вообще сбывать что-либо, даже на ярмарках, и в случае нарушения

этого постановления, скупщик имел право взыскивать с него убытки за такое нарушение договора.

Вособще говоря, кустарям дается совет воздерживаться от торговли и „снабжать своих скупщиков хорошим товаром“. Такое отделение производства от сбыта мотивируется тем, что лишь немногие фабриканты (кустари) способны „спекулировать или вести корреспонденцию с другими местами и еще менее в состоянии держать значительное количество товаров на складе“. Кустарь, одновременно занимающийся и торговлей, лишает торговца его заработка и вследствие непосредственных сношений с „последним покупателем“, устраняет, к убытку государства, „стоящий между ними источник пропитания“. Но он наносит ущерб и себе самому, ибо торговля отнимает у него больше времени, чем допускает производство, и заставляет его хуже производить товары.

В 70-х гг. XVIII ст. мастера-суконщики в Иглау обращаются к правительству с просьбой об отмене исключительного права продавать сукно в розницу, принадлежащее восьми торговцам, образующим корпорацию скупщиков. Вследствие такой монополии, предоставленной этим восьми лицам, все они в количестве 300 человек, не считая подмастерьев и помощников, оказываются в сильнейшей зависимости от скупщиков. Эта жалоба послужила толчком для ведавшего промышленностью органа (Hofkanzlei) к обращению к Марии-Терезии с предложением отменить всякие ограничения по продаже мастерами своих изделий. Исходя из принципа, что свобода купли-продажи—душа торговли, что в области сельского хозяйства никого никогда не заставляли продавать свое зерно, шерсть и т. д. чрез „монопольные третьи руки“, никогда не отнимали права продажи своих произведений и у ремесленников, доклад указывает на „вопиющую к небу несправедливость“, когда „фабрикант“, в случае если купец не принимает произведенного им товара, так как он вышел не вполне

по его желанию, не может, под угрозой штрафа, продать его кому угодно. „Какое неравенство в положении того и другого—положение раба, с одной стороны, деспотическая власть—с другой“. Получается насилие, нарушение права собственности, удорожание товара для потребителя. На возражение же, что при разрешении сбыта кустарям создается соединение двух различных профессий—промышленной и торговой, доклад отвечает, что там, где одно занятие не может прокормить человека, надо ему предоставить взятая и за другое, здесь же даже такого соединения нет, ибо производство неотделимо от сбыта, и лишь случайно кустарь был прикреплен к торговцу в области сбыта своих изделий. Наконец, жалоба на то, что торговля от этого пострадает, не может иметь значения, так как интересы промышленности гораздо важнее, и сокращение ее обозначает большой убыток для государства. Связь же между кустарем и торговцем вовсе не прекратится; нуждаясь в помощи купца, первый будет всегда предоставлять последнему товар как заказчику, но это будет результатом любовного соглашения, а не принуждения.

Мария-Терезия с этим не согласилась, написав на докладе, что „торговый класс и так сильно страдает, почему ничего нельзя изменять, а надо оставить по-старому“. Напротив, несколько лет спустя, в 1782 г., Иосиф II охотно пошел на освобождение производителя от „рабского прикрепления к купцу“, дозволив ему продажу своих изделий у себя дома, с вывеской или без нее, на ярмарках и вне ярмарок, а через два года он разрешил и открытие лавок. После смерти Иосифа II торговцы сделали попытку вернуть себе прежнее монопольное положение, но она окончилась неудачей.

Одной из важнейших причин, обуславливавших очерченный нами образ действий скупщиков, являлось положение рынка сбыта, падение цен на промышленные изделия, вследствие появления конкуренции на рынке. Мы ви-

дели выше, как сильно понизились цены на фабрикаты сравнительно с ценами на сырье, и уменьшилась та часть цены, из которой покрывались заработная плата и прибыль. Но скупщики не желали допустить понижения прибыли и то, что они потеряли на потребителе, старались наверстать на рабочем. „В кустарной промышленности—говорит Швидланд—торговцу приходится бороться с конкуренцией на рынке сбыта, и он сокращает плату производителя товаров для того, чтобы посредством понижения цены продуктов расширить свои обороты. Кустарю же, производящему товары, тем труднее бороться с стремлением купца к уменьшению издержек производства, чем более сильна конкуренция среди купцов при сбыте промышленных изделий. Даже в тех случаях, когда купцы данной местности выступали на рынке в качестве организованного целого, что бывало далеко не всегда, им трудно было удержать условленную заранее цену, ибо, кроме них, на рынок являлись купцы из других мест, так что невозможно было избежать конкуренции. Такой рынок, напр., как лейпцигская ярмарка, посещался купцами, приезжавшими со всех концов Европы. А коль скоро часть купцов начинала сбивать цену, вся организация распадалась, ибо отдельные члены ее уже не считали возможным держаться условленной цены, понижая цену все более и более. И это падение цен отражалось на кустарях-рабочих. В хлопчатобумажной промышленности саксонского Фогтланда, напр., было постановлено, что каждый торговец в праве возить на ярмарку не более известного количества товаров и обязан придерживаться определенной цены. Однако, это не соблюдалось не только тогда, когда число купцов было значительно, но и впоследствии, когда доступ в купеческую корпорацию был сильно стеснен. Позже скупщики г. Плауена стали сообща устанавливать минимум цены сбываемых товаров перед каждой лейпцигской ярмаркой, предоставляя, однако, каждому продавать их по более высокой цене. Но

и это постановление выполнялось недолго, вскоре понижение цен снова началось. Каждый купец старался предупредить остальных, каждый город старался побить другие города, и на минимальную цену никто не обращал более внимания. Поэтому цена на полосатый муслин значительно понизилась в то самое время, как цена сырья возросла на 20 проц. Многие скупщики прямо заявляли, что они отказываются придерживаться установленного минимума, ибо они исходили из нового принципа — продавать товары дешево, но зато в большом количестве (ср. выше). Но вследствие этого им приходилось понижать плату кустарям, так что в результате все-таки страдали рабочие. Попытка других членов купеческой корпорации заставить всех скупщиков подчиниться установленному минимуму посредством утверждения его правительством в качестве обязательной цены, также не увенчалась успехом.

В чулочном производстве Эрлангена скупщики сильнее-шим образом конкурировали друг с другом и сбивали цену на товары, а затем вознаграждали себя за низкую цену на заработной плате, уплачиваемой кустарям. Точно также конкуренция среди купцов, сбывавших зюлингенские ножи, преимущественно в Голландии (в XVII—XVIII ст.), привела к всеобщему падению цен на ножевой товар; скупщики же старались наверстать свою прибыль на качестве товара (давая рабочим худший материал) и на заработной плате.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мероприятия государства с целью понижения заработной платы.

При сильной конкуренции среди рабочих, с одной стороны, при монопольном положении предпринимателей, с другой, заработная плата в промышленности XVI—XVIII ст. не могла быть выска. Однако, заработная плата определялась не одним взаимоотношением между спросом и предложением, не одной силой предпринимателей и рабочих на рынке труда. Большое влияние на высоту заработной платы имело и государство, устанавливавшее ее прямо или косвенно, либо непосредственно определяя высоту ее, либо утверждая соглашения относительно платы, происходившие между предпринимателями и рабочими. Пуфендорф („De officio hominis et civis“), писавший во второй половине XVII века, справедливо указывает на то, что только в естественном состоянии, где господствует полная свобода действий, цена и заработная плата определяются исключительно договором, заключаемым сторонами, тогда как в (современном ему) государстве моментами, влияющими на высоту цены и заработной платы, являются также законы и административные распоряжения правительства.

Какую же цель преследовало государство, вмешиваясь в установление заработной платы? На это нам дает ответ экономическая литература XVII и XVIII ст. Грегори Книг („Natural and Political Observations“), сочинения которого относятся ко второй половине XVII века, разделяет все население на две категории: первая увеличивает богатство страны, вторая уменьшает его. К первой группе относятся дворяне и чиновники, землевладельцы, аренда-

торы, промышленники и купцы; ко второй группе — рабочие и пауперы, матросы, солдаты и бродяги (лица без определенных занятий). Рабочие поставлены рядом с пауперами и почти-что приравнены к ним. Они не увеличивают богатств страны, а уменьшают их, „едят хлеб работодателя“. Другие писатели периода, предшествующего Адаму Смиту, хотя и не придерживаются столь крайних воззрений, но все-таки и их отношение к рабочему классу не может быть названо доброжелательным. Они настаивают не на низких ценах на хлеб ради понижения заработной платы, как это нередко утверждают, а, наоборот, на высоких хлебных ценах, ибо последние заставляют людей больше работать для собственного пропитания, следовательно, усиливают предложение труда и этим вызывают уменьшение заработной платы. Так, Вильям Петти („Political Arithmetic“, 1691) находит, что удлинение рабочего дня, сокращение промежутков для отдыха во время работы, повышение хлебных цен и вообще затруднение добывания средств пропитания для населения необходимо, в целях экономического прогресса страны. Сухонщины знают по опыту, что в годы дешевого хлеба труд дорожает, ибо рабочие думают только о еде и питье. В Ирландии в частности уровень жизни масс, в особенности со времени употребления нового „хлебоподобного корня“ — картофеля, настолько низок, что двух часов ежедневного труда достаточно для удовлетворения обычных потребностей населения. Необходимы тяжелые налоги, чтобы заставить ирландский народ очнуться от своей лени. Петти указывает и на то, что высокая плата является последствием существования большого количества праздных людей, почему немногие работающие могут устанавливать себе плату какой им угодно величины. „Поэтому заставим бедняков работать, и тогда рабочие вынуждены будут сократить свою плату“. Вильям Темпл („Essai on the Trade of Ireland“, 1673) также признает желательным введение налога на хлеб в Ирландии:

при дешевизне средств пропитания промышленность не может процветать, ибо, благодаря этой дешевизне, предложение труда уменьшается; следовательно, возрастает заработная плата, что очевидно невыгодно для промышленности. Оба они, и Петти и Темпл, ссылаются на голландских писателей, в особенности на Жана де-Витта, настаивающего на необходимости понижения заработной платы государством.

Точно также и Джон Гаугтон („Improvement of Husbandry and Trade“, 1683) является сторонником высоких хлебных цен, так как они вызывают понижение заработной платы. Англия сберегает больше, и промышленники живут лучше и продают свои товары по более высоким ценам в годы дороговизны съестных припасов. При изобилии последних господствует лень. Когда заработная плата высока, рабочие прекращают работу и тратят вырученные деньги на пьянство, ибо им достаточно работать 3—4 дня, чтобы прожить на это всю неделю. „Когда визальщики или производители шелковых чулок получают высокую плату, то они не являются на работу в понедельник и вторник, а сидят в ливных и тазернах. Ткачи обычно пьяны в понедельник, во вторник у них болит голова, а в среду они не находят необходимых инструментов; сапожники же скорее повесятся, чем откажутся от праздника в честь св. Криспина в понедельник, и обычно это продолжается до тех пор, пока у них имеется хоть пенни в кармане или на пенни кредита“. То же происходит и с рабочими других промыслов. Но положение совершенно меняется в годы дороговизны, тогда население работает более тяжело и производит больше. Конкуренция же среди рабочих вызывает в этом случае понижение заработной платы, а рабочих превращает в „покорных слуг“ предпринимателя.

Томас Мэнли („Usury at Six per Cent“ etc, 1669) идет еще дальше и прямо требует понижения заработной платы,

так как высокая плата вредна не только для рабочего, но и для страны. Если Англия не в состоянии конкурировать с Нидерландами в области промышленности, то причина тому высокая заработная плата. Для рабочего же последняя вовсе не выгодна: не только население выручает лишь столько, сколько ему нужно, чтобы прокормиться, и оказывается более бедным, чем при низкой плате, но и работает оно тем меньше дней, чем выше требуемая им плата. Также взгляд о вреде высокой заработной платы и для рабочего, и для промышленности, сбыт которой за границу затрудняется из-за этого, высказывает и анонимный автор („The Grand Concern of England“. 1673), предлагающий сокращение заработной платы; оно должно иметь место благодаря трезвому и сопряженному с меньшими расходами образу жизни рабочих.

Эта доктрина развивается и в XVIII веке. Наиболее известным представителем ее является Джозия Туккер („Advantages and Disadvantages which respectively attend France and Grand Britain with regard to Trade“ etc.). В Англии население отличается чрезвычайно низкой моралью, и оно становится еще более порочным, более бедным и более ленивым вместе с ростом заработной платы и дешевизной средств существования. По словам одного крупного суконщика, сукно изготавливается и лучше, и дешевле в годы усиленной дороговизны, почему последний предлагает налог на предметы первой необходимости, чтобы заставить бедняков либо работать, либо умирать с голоду. Признавая правильность этих рассуждений, Туккер все же, из соображений гуманности и сострадания, относится скептически к такой мере, полагая, что предлагаемые им на выбор два средства—повышение избирательного ценза и поощрение иммиграции приведут к тем же результатам в смысле понижения стоимости труда и предупреждения всякого рода коалиций рабочих. Быть-может, этим путем удастся поднять мораль бедняков и понизить вознагра-

ждение за труд до того уровня, как в других торговых государствах. Впоследствии, впрочем, Туккер отказался от этого взгляда („Four Tracts on Political and Commercial Objects“), придя к тому выводу, что преуспевают страны с высокой заработной платой, ибо, благодаря лучшему разделению труда, воспитывается более умелое и более обученное население, и может оказаться выгоднее уплатить дельному рабочему 2½ шилл. в день, чем нанять плохого за 1½ шилл.

По мнению анонимных авторов двух сочинений („Considerations on Taxes“, 1765, и „Essays on Trade and Commerce“, 1770), хотя бы некоторое знакомство с человеческой природой убеждает в том, что английский рабочий трудится лишь для удовлетворения самых насущных своих нужд, и только высокие цены способны принудить его к усиленному труду. Французский рабочий производит больше, хотя он не ест мяса и не пьет пива, на что англичанин имеет, якобы, прирожденное право. Английский рабочий самый ленивый в свете, и чтобы изменить его характер, необходимо прежде всего повысить законом цены съестных припасов настолько, чтобы шестидневная работа доставляла ему не более того, что безусловно необходимо для поддержания жизни. Далее, один из авторов требует установления максимальной заработной платы, выше которой никто не в праве платить, и минимального рабочего дня в 14 часов, который ни в коем случае не может быть сокращен.

С известным сэром Уильямом Темплом, писавшим в XVII ст., взгляды которого приведены выше, не следует смешивать другого Темпля, который был первоначально суконщиком и который выпустил сто лет спустя после первого несколько сочинений, высказывая однородные с первым Темплом мнения. Он выставляет („An Essay on Trade and Commerce“. 1770) три основных положения, правильность которых „очевидна“. Во-первых, человек по

природе склонен к лени и безделию, и лишь безусловная необходимость может заставить его работать и работать прилежно. Во-вторых, бедняки обыкновенно работают для выработки лишь того, что им безусловно необходимо, или того, что позволяет им пьянствовать; коль скоро же это достигнуто, они прекращают работу, если необходимость не принуждает их к тому. В-третьих, как в их собственных выгодах, так и в интересах общества следует предпочитать, чтобы они постоянно были заняты. Вместе с ростом цен на съестные припасы—продолжает он—увеличивается и готовность больше работать, т. е. возрастает предложение рабочих рук, а вследствие этого, падает заработная плата. Обнаруживается всеобщее соревнование; рабочие осаждают дома предпринимателей, добиваясь работы по какой угодно цене. Они работают 5 или 6 дней в неделю вместо 3 или 4. Свои выводы он подтверждает примером Нидерландов, и ссылаясь на последние, он предлагает ввести в годы изобилия налог на предметы, необходимые для жизни. „Единственное средство сделать бедняков трезвыми и прилежными—заключает он в другом сочинении („A Vindication of Commerce etc“. 1758)—заставить их работать в течение всего времени, которое у них остается за вычетом того, которое необходимо для принятия пищи и для сна, вынуждая их так поступать для приобретения предметов первой необходимости. Наконец, и Артур Юнг в различных своих сочинениях („Farmers Letters“, 1768; „Six Months tour in the Nord of England“, 1770; „Political Arithmetic“, 1774), настаивает на необходимости установления правительством высоких цен на хлеб и низкой заработной платы в интересах развития английской торговли и промышленности. Купцы г. Манчестера—говорит он—утверждают, что при низких ценах на хлеб суконный промысел падает.

Писатели противоположного направления, относящиеся дружелюбно к рабочим, как, напр., Чайльд. Вандерлинт,

Постлетуайт, Фостер,—высказываются против искусственного повышения хлебных цен и понижения заработной платы мерами правительства, так как надежда на более высокую плату является лучшим стимулом к труду, и чем больше надежды на увеличение заработка и на улучшение материальных условий, тем больше прилежание рабочего, тем охотнее он трудится. Однако, как указывает Шульце-Геверниц („Крупное производство“), первое направление, враждебное рабочим, было преобладающим вплоть до Адама Смита, и писатели второго направления ограничивались обыкновенно общими рассуждениями, приводя гораздо меньше фактического материала в подкрепление своих взглядов, чем их противники.

При таких обстоятельствах становится понятным, почему Адам Смит („Богатство народов“, 1776) задает вопрос, следует ли считать улучшение в условиях жизни рабочего класса благополучием или несчастьем для страны, почему он находит нужным доказывать, что улучшение положения рабочих выгодно для страны. „Не может быть признано—говорит он—процветающим и счастливым то общество, большая часть которого находится в бедности и нищете. Кроме того, самая справедливость требует, чтобы те, которые кормят, одевают и доставляют жилище всему обществу, получали такую часть произведений своего собственного труда, которая достаточна для доставления им удовлетворительной пищи, одежды и жилища“. Эти слова Адама Смита показались странными уже Бланки в 30-х годах XIX века, который сделал следующее примечание к ним. „Почтенный доктор Смит считает себя почти обязанным доказывать, что благосостояние рабочих классов не составляет особенного зла. Наступит время, когда все усилия правительства будут направлены преимущественно к доставлению благосостояния этим классам“.

Еще более приводят в удивление слова Адама Смита современного читателя. С какой стати Адаму Смиту по-

надобилось останавливаться на подобном вопросе, не возбуждающем в настоящее время никакого сомнения? Он даже склонен поставить это в вину автору, который очевидно допускал, что по этому вопросу могут существовать два мнения. Но если иметь в виду, что в эпоху Адама Смита этот вопрос, действительно, являлся очень спорным и решался обыкновенно, как видно из всего изложенного, в неблагоприятном для рабочего населения смысле, тогда станет понятным, что Адаму Смигу пришлось употребить все свое красноречие, чтобы убедить своих многочисленных противников и заставить их отказаться от ложного взгляда.

Практика вполне соответствовала господствовавшей теории. Законом Елисаветы 1563 года предписывалось мировым судьям в сельских местностях и магистратам (шерифам, белифам) в городах ежегодно, спустя шесть недель после Пасхи, устанавливать и ограничивать (*declaration and limitation*) заработную плату батраков, рабочих и ремесленников, при чем мировым судьям предоставлялось определять плату как тех рабочих, ремесленников, подмастерьев и учеников, плата которых установлена прежними статутами или законами, так и тех, плата которых ранее не определялась. § 11 того же закона грозил 10 днями тюремного заключения и 5 ф. ст. штрафа всякому предпринимателю, дающему выше установленной мировыми судьями платы, и 21 днем заключения рабочему, берущему больше установленной платы. Наоборот, предлагать и получать ниже определенной судьями платы никому не возбранялось; по крайней мере, наказания за это никакого не полагалось.

И, действительно, заработная плата, определяемая мировыми судьями, признавалась максимальной. В их определениях говорится: рабочий или мастер должен получать не более, чем столько-то. Действительная плата была, по вычислениям Роджерса, всегда выше той, которая устанавливалась мировыми судьями, хотя точно определить раз-

ницу между той и другой очень трудно. Роджерс вычисляет среднюю заработную плату для всей Англии; плата же, установленная мировыми судьями, известна лишь для того или другого графства. Однако, уже из такого сопоставления, сделанного Роджерсом, видно, что действительная плата была, во всяком случае, несколько выше предписанной мировыми судьями. Повидимому, это именно имел в виду Адам Смит, говоря, что „всегда, когда закон старался установить заработную плату рабочего, он желал скорее понизить ее, чем повысить...; однако, не достигал своей цели, и ему никогда не удавалось понизить плату рабочих до установленного им уровня, потому что он не в силах был воспрепятствовать им получать большую плату благодаря конкуренции, господствующей среди лиц, занимающих рабочих“.

Этим же объясняется и то обстоятельство, что рабочие не высказывали никакого сожаления по поводу того, что обычай установления заработной платы вышел из употребления в XVIII веке, и даже были довольны происшедшей переменой. Поскольку же они еще в последней четверти XVIII века требовали определения платы мировыми судьями, это объяснялось—как указывает Цвидинек—тем, что „в некоторых местностях раз установленная плата сохранилась без изменений в течение многих десятилетий, в продолжение 70 и более лет, и вследствие сильнейшего вздорожания хлеба, начиная с 40-х годов XVIII века, рабочий уже не в состоянии был существовать при этой плате“*). А между тем предприниматель опирался при заключении рабочего договора на плату, установленную мировыми судьями,

*) В первой половине XVIII века—как указывает Кэнинггэм—нормировка заработной платы мировыми судьями происходит еще довольно часто, хотя во многих случаях они ограничиваются подтверждением прежних постановлений, не изменяя платы, несмотря на вздорожание пищевых продуктов.

и поэтому рабочий имел все основания настаивать на том, чтобы эта плата была изменена.

Закон 1563 года, повидимому, не распространялся на рабочих суконной промышленности, по крайней мере, не применялся к ним, ибо в 1597 году было разъяснено, в предупреждение недоразумений, что мировые судьи должны устанавливать заработную плату и для рабочих в этой отрасли производства. В законе 1603 года к этому было прибавлено: если суконщик-предприниматель (clothier) дает ткачам, прядильщикам и другим рабочим и работницам плату ниже установленной, то он подвергается штрафу в 10 шиллингов. Таким образом, рабочие в суконной промышленности были поставлены в исключительно благоприятное положение; для них максимальная плата являлась, вместе с тем, и минимальной *).

В этом же законе мы находим, однако, еще одно любопытное постановление, из которого видно, какое значение могла иметь для рабочих даже минимальная плата, нормированная мировыми судьями. Закон 1603 года запрещает скупщику, который, вместе с тем, является и мировым судьей, принимать участие в установлении заработной платы для ткачей, валяльщиков, прядильщиков и других мастеров, работающих в суконной промышленности. Од-

*) В соответствующем законодательном акте для Шотландии 1617 г. мировым судьям поручается заботиться о том, чтобы плата не была ни выше, ни ниже установленной. Наоборот, в статуте для Новой Англии 1633 года запрещалось давать лишь более высокую плату, именно более 14 пенс. и более 2 шилл., смотря по тому, получал ли рабочий пищу от предпринимателя или нет; при чем в следующем году было прибавлено, что наказывается лишь тот, кто требовал слишком много, но не тот, кто уплатил больше дозволенного (Cunningham). В Англии максимальная плата устанавливалась впоследствии. Так, закон 1768 года запрещает под страхом высокой пени всякому мастеру-портному в Лондоне и его окрестностях платить своим рабочим, а последним брать более 2 шилл. 7 пенс. в день, за исключением случаев общественного траура (Ад. Смит).

нако, как указывает Фредерик Эден, писавший в конце XVIII века, это постановление не соблюдалось. „Важным недостатком статута Елисаветы—говорит он—является то, что, расширив власть судей и поручив им нормировку платы для рабочих и работниц в различных отраслях производства, он значительно усилил власть предпринимателей (master-manufacturers) над рабочими. В тех местностях Англии, где эти лица, благодаря своему богатству, имеют возможность приобрести звание мирового судьи, рабочие несомненно находятся в полной зависимости от своих работодателей“. В законах, начиная с 1708 года, постоянно указывается и на то, что только те мировые судьи могут решать споры между предпринимателями и рабочими, которые не принадлежат к числу скупщиков и не заинтересованы каким-либо иным образом в суконной промышленности. Из того, что это постановление повторяется многократно, видно, что и оно не исполнялось, что и здесь, как и при установлении заработной платы, скупщики были судьями в собственном деле *).

Как указывает Ломан, мировые судьи в Англии хотя и назначались центральным правительством, но из лиц, живущих в той же местности, при чем в XVI—XVIII ст., когда торговцы шерстью и суконщики заняли важное социальное положение, мировые судьи назначались в большом количестве из числа скупщиков-предпринимателей. Поэтому-то плата, устанавливаемая ими, была обыкновенно ниже той, которая уплачивалась в действительности, как мы это видели выше. Поэтому и положение рабочих в суконной промышленности было еще менее благоприятно, чем положение их в других отраслях производства, хотя

*) Нечто подобное происходило в Англии и в начале XIX века, когда вводилось фабричное законодательство. Мировые судьи, которые разрешали споры между фабрикантами и рабочими, состояли во многих случаях из фабрикантов, хотя закон требовал, чтобы фабриканты в таких случаях устраняли себя от решения дела.

для первых устанавливаемая плата и являлась не только максимальной, но и минимальной. Для рабочих в суконной промышленности плату определяли их же хозяева-скупщики, тогда как для всех остальных рабочих плата нормировалась все-таки в большинстве случаев предпринимателями других отраслей производства.

Во Франции также во многих случаях государство (либо центральное правительство, либо местные власти) устанавливают высоту заработной платы, при чем и здесь определяется максимум платы. Так, в 1687 г. постановлено, что плата для строительных рабочих в Париже должна устанавливаться ежегодно, и запрещается требовать более высокой платы под страхом тюремного заключения или штрафа. В XVI веке плата парижских наборщиков определяется государством и также является максимальной; плата лионских наборщиков нормируется сенешалом. В других случаях государство не столько имело в виду интересы предпринимателей, сколько старалось предотвратить колебания в заработной плате. Пример последнего рода мы находим в шелковой промышленности г. Тулузы. В статуте XVI века, устанавливавшем плату, указывается на то, что целью этого мероприятия является предупредить понижение заработной платы мастеров при сокращении сбыта бархатных материй и повышение ее при бойком ходе промышленности: в последнем случае рабочие могут столь сильно повысить плату, что скупщики вынуждены будут увеличить цену фабриката; вот это-то повышение цены государство и желает предотвратить. В XVIII веке „цеховые статуты лишь в редких случаях устанавливали плату, — говорит Левассер, — но заработная плата и притом максимальная плата, часто определялась ордоннансами короля или муниципалитетов; подобные меры в то время никому не казались ненормальными“. Как лица, получавшие плату выше установленного уровня, так и те, которые уплачивали или обещали ее, подвергались штрафам, доходившим в последнем случае до

нескольких тысяч ливров. Что такого рода постановления действительно вполне соответствовали тогдашним воззрениям, видно, напр., из того, что интендант Лангедока Баленвилье в 1786 году выражает свое удовольствие по поводу распространения промышленности в селах, так как благодаря соединению промыслов с земледелием заработная плата держится на низком уровне. А Биго де-Сент-Кроа в своем сочинении: „Mémoire sur les corporations“ признает необходимым ограничение заработной платы и цены продуктов: все, что может быть сэкономлено, — говорит он — составляет выигрыш для всякого человека (потребителя), а также для предпринимателя.

Еще любопытнее мысли, высказываемые прусским фабричным директором и членом королевской мануфактурной комиссии Майе, изложенные им в „Mémoire sur les manufactures de Lyon“ в 1786 году. Силу лионской промышленности и основную причину того, что лионские изделия продаются по дешевой цене, он усматривает „в низкой заработной плате, а это последнее обстоятельство вызывается следующими двумя причинами: трудолюбием и умеренностью лионского рабочего“. „Для того, чтобы мануфактуры процветали, — говорит Майе — необходимо, чтобы рабочий всегда имел лишь ровно столько, сколько ему нужно на пропитание и одежду, но никогда не более этого. Слишком хорошее материальное положение усыпляет деятельность, развивает безделье и другие связанные с ним пороки. Чем лучше благосостояние рабочего, тем труднее его заставить работать, и тем большую он требует плату. А раз повысившись, заработная плата продолжает и впоследствии возрастать. Это поток, который уничтожает все находящиеся на его пути преграды. Поэтому для фабрикантов крайне необходимо держать рабочих в таком положении, чтобы они постоянно нуждались в работе. Они никогда не должны забывать того, что низкая заработная плата не только выгодна сама по себе, но и потому, что при низкой

плате рабочий более трудолюбив, более скромн, более покорен (цит. у Godart, „L'ouvrier en soie“). Мы находим здесь много общего с тем, что высказывалось английскими писателями этой эпохи. И тут, и там указывается на то, что заработная плата должна находиться на таком уровне, при котором рабочий имеет возможность удовлетворять лишь самые необходимые потребности, так как иначе власть предпринимателя над ним уменьшается, а вместе с тем дорожают и производимые им товары, следовательно, затрудняется конкуренция на рынке.

Подобных же взглядов придерживались и в Австрии. По повелению установления государством платы для прядильщиков Мария-Терезия писала следующее: „Я вполне одобряю прекрасное намерение торгового совета понизить заработную плату на некоторых мануфактурах для того, чтобы этим путем удешевить товары; хотя в Вене в настоящее время трудно будет провести эту меру, в виду усиливающейся дороговизны средств продовольствия, в особенности после того, как рабочие получали в течение продолжительного времени высокую плату“ (цит. у Beer, „Oest. Volkswirtschaft. unter Maria-Theresia“). Президент торгового совета осматривавший в 1762 году иголочную мануфактуру в Надельбурге, находил, что плохой сбыт ее изделий вызывается их дороговизной, которая, в свою очередь, является последствием „дорогой платы“, ибо рабочие в течение нескольких дней зарабатывают столько, что они в состоянии совсем не работать остальные дни.

Наконец, и в Пруссии „в правящих кругах развилось убеждение, что удешевление производства и расширение рынка сбыта может быть достигнуто преимущественно путем понижения рабочей платы“. В лучшую пору своего существования—говорит Молчановский—цехи имели в виду обеспечить мастерам приличный заработок, не давая плате (или, вернее, цене продукта) упасть ниже определенного уровня. Фридрих II, наоборот, упреждает все меры к тому, чтобы

понизить заработную плату в производствах, предназначенных для иностранного сбыта и, таким образом, завладеть заграничными рынками.

Что касается других стран, то во многих случаях мы не находим никакого прямого вмешательства государства в установление заработной платы. В Базеле, в Эльзасе, в Саксонии оно ограничивается запрещением скупщикам, под страхом наказания, давать более обычной платы и этим путем переманивать к себе более искусных рабочих. Там же, где государство принимало участие в установлении платы, как, например, в Вюртемберге, оно едва ли стояло на стороне рабочих. В 1621 г. скупщикам г. Кальва было запрещено самостоятельно, без участия властей, определять плату кустарей. С этих пор одностороннее определение платы скупщиками заменилось соглашением между обеими сторонами при участии администрации. Местные чиновники руководили совещанием, и установленная таким путем плата утверждалась местной властью. Этот способ практиковался до начала XVIII века, когда администрация перестала участвовать в установлении платы. Последняя являлась результатом соглашения между скупщиками и рабочими, которое происходило два раза в год, при чем цена съестных припасов совершенно не принималась во внимание. Для прядильщиков же конца XVI века определялась статутами максимальная плата, хотя вследствие большого спроса на пряжу платилось обыкновенно несколько больше установленного размера. Сомнительно, однако, чтобы участие администрации в установлении платы могло доставлять существенную выгоду рабочему населению. Надо иметь в виду, что кальвская компания торговли шерстяными изделиями основана была при содействии и поощрении со стороны государства, и последнее всегда держалось того мнения, что процветание компании должно стоять на первом плане, и что оно, во всяком случае, важнее, чем охрана интересов рабочих. Считая компанию „ein konsiderables

Kleinod des Landes“, правительство мало заботилось о ее рабочих, и нарушениям принятых на себя компанией обязательств по отношению к рабочим придавало мало значения. К этому присоединялись еще другие невыгодные для рабочих обстоятельства. Правительство находилось в некоторой зависимости от компании, делая у нее займы на значительные для того времени суммы: в 1731—1732 гг. долг правительства компании равнялся 16.500 гульд., долг герцога Карла в 1762 г. 20.000 гульд. Далее местные власти находились в очень близких, отчасти даже родственных отношениях к членам компании и стояли всецело на стороне последней. Поступавшие к ним жалобы от рабочих были совершенно напрасны, ибо чиновники получали ежегодно „подарки“ от компании в вознаграждение „за свои труды“. Высшая же администрация отчасти была сама заинтересована в прибылях компании, принимая в ней участие своими капиталами, отчасти находилась на жаловании у компании. При этих условиях понятно, что предприниматели являлись полновластными хозяевами, и эксплуатация рабочего населения при содействии властей должна была принять грандиозные размеры (Трельтш).

Мы видели выше, что положение рабочих на рынке труда было крайне неблагоприятно; под влиянием мероприятий государства оно становилось еще более невыгодным, в особенности поскольку устанавливалась максимальная заработная плата. Заработная плата является результатом борьбы между предпринимателями и рабочими на рынке труда. Но такая борьба происходит всегда в известных пределах: максимальная граница заработной платы определяется тем минимумом прибыли, который должен оставаться предпринимателю для того, чтобы он имел интерес вести предприятие; минимальная граница определяется тем минимумом средств, который необходим для существования рабочего и его семьи. Заработная плата всегда находится между этими двумя пределами, если иметь в виду, конечно, про-

должительные периоды, ибо в течение целых десятилетий она может выходить за эти пределы. Вследствие установления максимальной платы государством, одна из границ заработной платы, именно высшая граница искусственно понижалась, тогда как другая, минимальная граница не изменялась. Государство обыкновенно не понижало существующей платы, а превращало в максимальную плату ту, которая господствовала в данное время, и затем уже сохраняло ее в течение многих десятилетий, не давая ей повыситься, между тем как все остальное, все товары в эту эпоху возрастали в цене. Установление максимальной платы приводило, следовательно, к тому, что в то время, как ценность денег в XVI—XVII ст. сильно упала, и все товары значительно вздорожали, заработная плата не изменилась, или, вернее, хотя номинальная плата и несколько возросла (ибо, как мы видели, действительная плата обыкновенно несколько превышала установленную), но далеко не повысилась в том размере, как это должно было бы произойти в виду падения ценности денег; следовательно, реальная плата, выражающая покупательную способность рабочих, значительно понизилась.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Уменьшение заработной платы в XVI—XVIII ст.—Рплата товарами.—Продолжительность рабочего дня.—Стремление к распространению труда женщин и детей.

Действительно, в XVI—XVIII ст. реальная заработная плата сильно упала. По исчислениям Вибе, в XVI и XVII ст. денежная плата в Эльзасе и во Франции возросла на 30—40 проц., между тем как цены товаров повысились в среднем на 100 проц., в Англии денежная плата увеличилась на 100 проц., а уровень цен—на 150 проц. К сожалению, данные, сообщаемые Вибе, относятся преимуще-

ственно к поденщикам и рабочим в строительных промыслах; но, как он указывает, подобные же изменения произошли и в заработной плате промышленных рабочих. Вибе устанавливает бюджет рабочих для различных периодов, принимая во внимание изменение в ценах потребляемых ими продуктов, и на основании этого выводит следующие цифры. Принимая реальную плату 1467—1500 гл. за 100, получаем следующую плату строительных рабочих в Мюнстере: в 1501—1520 гг. 80, в 1521—1550 гг. 87, в 1551—1560 гг. 78; плата поденных рабочих в те же периоды равняется 111, 78 и 92. В Эльзасе средняя заработная плата (взяв 1451—1500 гл. за 100) составляет в 1501—1525 гг. 106, в 1526—1550 гг. 81, в 1551—1575 гг. 55, в 1576—1600 гг. 52, в 1601—1650 гг. 40, в 1651—1700 гг. 45. В Англии она равняется в среднем: в 1501—1520 гг. 88, 1521—1550 гг. 70, в 1551—1570 гг. 57, в 1571—1602 гг. 47, в 1603—1652 гг. 40 и в 1654—гг. 47. „Таким образом,—прибавляет он,—реальная плата начала понижаться уже в начале XVI века, и это уменьшение достигло к середине столетия значительных размеров. Но лишь во второй половине XVI века сокращение покупательной способности рабочих стало опасным. В течение XVII века денежная плата значительно повысилась, но этим лишь предотвращалось дальнейшее падение реальной платы. К концу XVII века последняя составляла не более половины той реальной платы, которую рабочие получали в конце средних веков“.

Роджерс берет за исходную точку реальную плату английских рабочих в 1495 году и сравнивает с ней плату следующих столетий. Оказывается, что то количество хлеба, которое нужно было ремесленнику для прокормления своей семьи в течение года, он приобретал в 1495 году на плату, получаемую им в течение десяти недель, так что весь заработок остальных 42 недель мог затрачиваться на удовлетворение других потребностей. Между тем то же

количество хлеба ремесленник вырабатывал в 1533 году в 14—15 недель, в 1564 году в 20 недель, в 1593 году в 40 недель, в 1610 и в 1653 году в 43 недели, в 1684 году в 48 недель, а в 1725 году всего его заработка не хватало на приобретение одного только необходимого ему количества хлеба. Во второй четверти XVIII века реальная плата значительно повысилась, ибо и денежная плата возросла, и цены на хлеб понизились одновременно, однако, с 60-х годов хлебные цены стали снова повышаться сильнейшим образом и, несмотря на увеличение денежной платы, к концу XVIII века реальная плата настолько понизилась, что рабочие не в состоянии были существовать без поддержки со стороны органов призрения бедных.

Понижение реальной платы, вследствие недостаточного возрастания денежной, происходит и в Бюртемберге. Во второй половине XVII века годовая заработная плата кустарей в шерстяной промышленности соответствует 25 (в 1663 г.) и даже 33 шефел. полбы (в 1674 г.); между тем в первой половине XVIII века она равняется всего 20 (в 1727 г.) и даже 17—19 шеф. (в 1754 г.). В 60-х годах XVIII века реальная плата значительно повышается, доходя до 26 и даже 35 шеф., но уже в 1774 г. падает на 14—20 шеф., т.-е. до уровня 30—50-х годов, а в 90-х годах она составляет всего 10 и даже 6 шеф.

Денежная плата французского (промышленного) рабочего (на современные деньги) составляет по д'Авенелю: в средневековый период—900 фр., в начале XVI века—1230 фр., в 1578—1625 гг.—750 фр., в 1626—1675 гг.—562—580 фр., в 1676—1700 гг.—516 фр.; она несколько повышается в течение второй четверти XVIII века и падает снова в третьей четверти до 576 фр. Вместе с тем, понижается и покупательная способность денег. Принимая современную покупательную силу денег за единицу, д'Авенель получает для средневекового периода (до 1450 г.) 3—4¹/₂, а для второй половины XV века—6, но затем идет непрерывное падение

покупной силы денег: в течение XVI века она составляет по четвертям века 5, 4, 3 и $2\frac{1}{2}$ и в XVII ст.—3, $2\frac{1}{2}$, 2, $2\frac{1}{3}$, немного выше покупательная способность денег в первой половине XVIII века ($2\frac{3}{4}$ и 3), во второй же половине она снова падает до низшего уровня (который занимала в 1651—1700 гг.)— $2\frac{1}{3}$ и 2.

Таким образом, и размеры денежной платы сильно понизились, и покупательная способность ее упала, реальная плата следовательно, сократилась вдвойне. В то время, как вторая половина XV века во Франции—как и в Англии—являлась периодом особенно благоприятным для рабочего населения, в XVI веке, в особенности во второй половине его, в большей части XVII ст. и во второй половине XVIII ст. условия жизни рабочего были весьма печальны. Д'Авенель приводит различные данные относительно денежной поштучной платы (выраженной в современных деньгах), которые особенно интересны, так как в кустарной промышленности заработная плата имела именно поштучный характер. В то время, как денежная плата за пряжу килограмма пеньки, льна или пакли в конце XV и в начале XVI века равнялась 2 фр. 35—4 фр. 20, она сто лет спустя не превышала 1 фр. 25—2 фр. 10; в конце царствования Людовика XIV за пряжу пакли уплачивалось 1 фр. 10, за пряденье льна $1\frac{1}{2}$ фр., и тот же уровень плата сохранила вплоть до конца XVIII века. В производстве тканей из этих материалов плата (за метр простого холста) понижается с 40 сант. во второй половине XV века до 60 сант. в начале XVI века, 40 см. во второй четверти его и 30 в третьей четверти; затем она вновь возрастает на 40 сант. в конце XVI ст. и на 50 в течение XVII века, не достигая все же уровня начала XVI века, а в конце XVIII века снова падает до 30—40 сант. За изготовление холста более высокого качества ткач получал за метр в XV веке 1—1,05 фр., в половине XVI ст. 90 сант в конце этого века 75, а в 1790 г. не более 60. Только прядильщик шерсти оплачивался лучше: в 1449 г. плата

(за килограмм шерсти) составляла 90 сант., в 1492 г. 1 фр. 80 сант., в первой четверти XVI века 1 фр. 20 в 1567 г. 1 фр. 60, в 1675 г. 2 фр. и столько же в XVIII веке. Это—прибавляет д'Авенель—один из редких случаев, где заработная плата возросла в XVII—XVIII ст. Однако, если иметь в виду сильное падение покупательной силы денег, то окажется, что и здесь реальная плата в лучшем случае сохранила свой прежний размер.

Заработная плата еще и потому должна была понизиться в XVI—XVIII ст., что труд составлял источник прибыли не только для скупщика-предпринимателя, но и для его помощников-факторов, которые нередко являлись посредниками между ним и его многочисленными и разбросанными на значительном пространстве рабочими. Эти факторы распределяли материал и заказы между кустарями, а изготовленные последними изделия доставляли предпринимателю. При этом в их пользу перепадала значительная часть продукта, ибо они „немилосердно эксплуатировали кустарей, вычитывая из заранее условленной платы по 10—20, по 40 и даже по 80 проц.“. В Плауене в начале XVII века их прибыль равнялась 6 грошен. с каждых 10 гульденов, кроме особой платы, получаемой от предпринимателя, которая также была значительна. „Эти люди—говорит Шмоллер—всегда пользуются большою властью над населением, эксплуатация рабочих факторами-посредниками явление далеко не редкое; население вынуждено подкупать их подарками, яйцами, курами, чтобы иметь работу, и чтобы получать доброкачественный материал“.

Не следует упускать из виду и того обстоятельства, что условленная плата, как она ни была низка, все-таки превышала обыкновенно действительную плату, ибо плата выдавалась нередко в форме товаров, в которых кустари вовсе не нуждались, и которые они вынуждены были сбывать торговцам, теряя на этом более или менее значительную сумму. „Английский скупщик конца XV веки—говорит

Охенковский,—уплачивающий мастеру товарами и притом, как видно из закона 1464 года, товарами совершенно ненужными последнему, представляется нам мелким торгашем, который извлекает свою прибыль не из выгодных условий рынка, а при помощи операций сомнительного свойства. Еще в недавнее время расплата товарами была сильно распространена, но в рассматриваемый период этот способ расплаты, как и обманы при раздаче материала, имели гораздо большее значение. „Любопытно, что запрещение расплаты товарами повторяется в Англии в 1511 году, но спустя три года, оно теряет свою силу, ибо закон 1511 года был издан лишь на три года, когда же он был возобновлен в 1514 году, об этом запрещении уже не было ни слова. Оно снова появилось лишь двести лет спустя, в 1701 году, так что в период наибольшего развития кустарной промышленности расплата товарами нисколько не возбранялась и только в виде исключения в это время подвергались наказанию скупщики, выдававшие заработную плату товарами, как, напр., в 1637 г. некий Томас Рейчольдс за расплату с рабочими сукном.

В нюрнбергском статуте, относящемся к середине XVI века, говорится, что купцы должны платить мастерам чистой монетой, а не товарами в роде вина, телег, хромых лошадей, испорченных денег или иных предметов, которые засчитываются в плату выше их действительной стоимости. Купцы не в праве также задерживать плату в течение продолжительного времени или вычитать проценты из заработной платы, а обязаны уплачивать ее по четвертям года или, самое позднее, по полугодиям (!), чтобы мастера в состоянии были приобретать все необходимое им для жизни. В ножевом производстве Рула все мастера в один голос жаловались на эксплуатацию скупщиков, которые платят им не деньгами, а сталью и железом и другими материалами, а также съестными припасами, засчитывая их по высоким ценам. Правительство пробовало

было бороться с этими злоупотреблениями, но все меры оказывались безуспешными. Благодаря монопольному положению скупщиков, запрещения оставались мертвой буквой. Точно также в Золингене и в Эрлангене расплата товарами практиковалась в широких размерах.

Кальвская компания в XVII веке заставляла ткачей брать вместо денег сало (для натирания шерсти) и в особенности крашенные материи низких сортов. В течение 31½ лет она таким путем сбывала материй на сумму свыше 30 тысяч гульденов, что составляет 10 проц. уплаченной за это время заработной платы. Ткачи вынуждены были сбывать эти материи с убытком для себя трактирщикам и пекарям, которые, в свою очередь, продавали их другим лицам, и, в конце концов, компания приобретала их вновь с барышом. Расплата этими товарами производилась лишь в течение одного периода, зато расплата шерстью практиковалась вплоть до половины XVIII века, причем тем мастерам, которые отказывались принимать шерсть, делался вычет из установленной платы. Правительство разрешало скупщикам выручать прибыль в размере одного, а впоследствии двух крейцеров с каждого фунта сбываемой таким путем шерсти. В действительности, однако, компания извлекала гораздо большую прибыль: 4—5 крейцеров на фунте шерсти. Расплата с мастерами производилась в XVII веке компанией лишь после того, как товары были проданы на рынке; если же мастера требовали плату до этого срока, то компания делала из нее вычет. В XVIII веке половина заработной платы выдавалась сейчас же, т.-е. при приеме товаров, другая половина—впоследствии.

И в других вопросах взгляды теоретиков и действительность шли рука-об-руку. Экономисты (см. выше) настаивали на необходимости 14-часового рабочего дня, на сокращении промежутков во время работы. Закон Елисаветы 1562 года действительно определял рабочий день в 14—15 час., при чем допускал перерывы в общем не

свыше 2½ час., наименьшую же обязательную продолжительность перерывов закон не определял; следовательно, он устанавливал минимальный рабочий день. В двух других английских законах, изданных в 1721 и 1767 годах для лондонских портных, рабочий день определен в 13—14 часов (с перерывом в один час), за что полагается подневная плата в 1 шилл. 8 пенс. (по закону 1721 г.) и в 2 шилл. 7½ пенс. (по закону 1767 г.). Если подмастерье соглашается дольше работать, то он получает добавочное вознаграждение. И здесь, следовательно, установлен максимум платы и минимальный рабочий день.

Таков был действительно рабочий день английских рабочих в XVIII веке, как видно из одной брошюры, вышедшей в 1747 году (*A General Description of all Trades*). В „этой прекрасной небольшой работе“ (Вебб) приводятся данные о продолжительности рабочего времени в 118 предприятиях Лондона. Из них в 13 работа продолжалась с 6 час. утра до 6 час. вечера, в 3—с 6 час. утра до 7 час. веч., в 61—с 6 час. утра до 8 час. веч., в 39—с 6 час. утра до 9 час. веч. и в 2—с 5 час. утра до 9 час. веч. Таким образом в 100 предприятиях из 118 работали 14—15 час. в сутки; по словам Вебба, большинство работало 75—80 час. в неделю (*The working classes during the longest reign*).

И статут сукностригов г. Мюнстера в начале XVII в. (1607 г.) определяет минимальный рабочий день. Последний устанавливается в 13 часов. Но это относится лишь к тому времени, за которое уплачивается плата по времени и не допускается поштучная плата; ибо далее в статуте говорится: „если бы мастеру понадобилась спешная работа, он может заставить подмастерьев за приличную плату работать и до утреннего колокола, раздающегося в 5 часов утра, равно как и после вечернего звона в 6 часов вечера“.

Во Франции (см. *Levasseur, Boissonade, Godart* и др.)

мы находим в XVI—XVIII ст. тот же рабочий день в 14 и более часов, который господствовал в средние века. Так, типографские рабочие в Париже работали 14 часов в сутки, оловянные 15 часов, переплетчики 16 часов; требование последних о сокращении работы до 14 часов в сутки было оставлено без внимания. В Версале рабочий день цеха железников продолжался с 5 часов утра до 8 часов вечера с перерывом на два часа. В некоторых случаях рабочий день был несколько короче, 12—13 часов, но одновременно с этим мы встречаем рабочий день в 16 часов и более. Парижский цех футлярщиков, цех перчаточников, цех, изготовляющий карты, все они проводят не менее 16 часов за работой (XVI ст.). Ткачи в Пуатье и ножовщики в Шательро работают с 6 часов утра до 9 час. вечера; позже им запрещается работать, однако, не безусловно, ибо „в случаях, не терпящих отлагательства“, они могут продолжать производство и после 9 часов вечера. Такими случаями признаются у парижских портных же только работа для членов королевской фамилии, но и шитье свадебных нарядов, далее окончание начатой работы и переделка уже готового платья—во всех этих случаях можно работать не только ночью, но и в праздничные дни. Ночная работа была обычной и у сапожников. В других цехах даже ученики обязаны были работать позже 10 часов вечера, если являлось опасение, что начатая работа, вследствие остановки, может испортиться. В лионской шелковой промышленности рабочий день равняется 18 часам и более, при чем перерыв не должен продолжаться более ¼ часа каждый раз, а рабочий день типографских наборщиков начинался в 2 часа утра и оканчивался лишь в 8—9 часов вечера.

Еще более, чем к удлинению рабочего дня, и теоретики и практики в XVII—XVIII ст. стремятся к возможно широкому применению в промышленности труда женщин и малолетних. Ролан де-ла-Платьер, друг народа и демократ,

как его называет Жорес, возмущается тем, что в некоторых отраслях лионской промышленности цеховыми регламентами не допускается женский труд (из опасения конкуренции женщин цеховым рабочим). Он находит, что женщины работают лучше и более усидчиво и более пригодны для производства предметов роскоши, нежели мужчины, что они более спокойны, не склонны к волнениям и забастовкам, удовлетворяются меньшим и соглашаются работать за меньшую плату. Известный австрийский камералист XVII века Гернигк приводит кружевное производство Аннеберга как пример достойный подражания: на пространстве 8—10 миль в этой отрасли промышленности находим свыше 10 тысяч женщин и детей, зарабатывающих в неделю по 12—16 грошенов; даже уменьшив плату до 10 грошенов, получается огромная сумма в 350 тысяч гульденов годового заработка. Это производство не составляло, однако, исключения; то, чего желал Гернигк, мы находим повсюду, где существовала кустарная промышленность, производившая для обширного рынка. Во всех этих случаях, как мы видели выше, женщины составляют значительную часть рабочих, изготавливающих продукты для скупщиков, и в их лице скупщик часто приобретал сильное оружие в борьбе с цеховой монополией.

Таким образом, Гернигк считает необходимым участие в промышленности не только женщин, но и детей. Другой не менее крупный камералист этой эпохи, Юсти, находит, что детей следует приучать к труду с самого раннего возраста, что „имеются сотни всевозможных видов труда, для которых дети пригодны уже с 5—6-летнего возраста; в этом случае труд как бы становится второй их природой, и безделье им совершенно неизвестно“. Он указывает на то, что в тех странах, где торговля и промышленность развиваются, как в Англии и Голландии, дети работают с 4—6 лет, тогда как в других государствах, где нет склонности к полезному труду, они занимаются играми и бездельем.

Юсти является здесь выразителем общераспространенного взгляда. Маркс жестоко ошибался, утверждая, что применение детского труда до появления машин составляло явление исключительное *). „Лучшие люди, наиболее ревностные филантропы XVII—XVIII ст.,—говорит Готейн—действуют в этом направлении, всячески содействуют распространению труда малолетних“.—„Какой наивной радостью преисполнялись люди XVIII века, когда им удавалось доставлять детям полезную работу в возможно раннем возрасте, можно усмотреть из следующего: конгресс, заседавший в Раштаде в 1714 году по поводу заключения мира, решил устроить прядильню для бедных детей—она должна была наилучшим образом увековечить деятельность конгресса“ (Геркнер). „Удлинение рабочего дня — говорит Видфельдт в своей „Истории берлинской промышленности“—в XVIII веке всячески поощрялось, применение дешевого женского и детского труда в промышленности считалось явлением отрядным“.

Фридрих Великий покровительствовал распространению труда женщин и малолетних и находил применение его столь важным, что во время своего пребывания в Силезии в 1766 году он заявил тамошним скупщикам, что пришлет им тысячу детей в возрасте от 10 до 12 лет для употребления их в пряже хлста. Он был возмущен, когда скупщики отказались от его предложения. Мария-Терезия (см. Mises, „Gesch. der oesterr. Fabrikgesetzgeb.“—„Zeitschr. für Volkswirtschaft“. 1905) также признавала чрезвычайно важным пользование праздным и дешевым трудом женщин, детей и стариков в области промышленности. Поэтому школа должна быть в то же время и мастерской, где дети обучаются пряденью, вязанью, ткачеству. Многие родители не в состоянии посылать детей в школу, ибо не могут

*) См. также ниже последнюю главу (положение рабочих на мануфактурах).

обойтись без их помощи в хозяйстве; но положение совершенно изменяется, если те же дети приносят из школы заработанные ими промышленным трудом деньги. Пользование детским трудом не должно, однако, начинаться слишком поздно, ибо мальчик или девочка, начинающие работать в 14 лет, не произведут и половины того, что двое других детей равных способностей и силы, но начавшие работать уже с 6 лет.

Действительно, в Австрии старались заменять дорого обходившихся подмастерьев женщинами и детьми, сберегая 50 проц. заработной платы. „Поощряя такого рода стремления—говорит Зальц,—государство в своем юношеском промышленном фанатизме полагало, что оно делает доброе дело“. Маленькие дети обучаются „прокармливающему их промыслу; внушенное им в юности трудолюбие растет с годами и становится занятием сельского населения в свободное время“. Результаты были прекрасные. По поводу предприятия графа Болца, фабричный инспектор с удовлетворением сообщает, что в ситценабивном отделе работает много детей, в возрасте 8—10 лет, которые в других случаях празднично проводят время, благодаря же этому труду, приносят домой 1½—2 фл. в неделю и в эти времена дороговизны в особенности служат подспорьем своим родителям.

Не иначе дело обстояло и во Франции. Так, в Лиможе, напр., и его окрестностях „женщины и дети от 6—7 лет только пряжей и занимаются“, и власти смотрят на этот труд как на единственное средство пропитания (Тарле). В некоторых кантонах Северного департамента выделка полотна—„единственное занятие женщин и детей—в течение 8 месяцев в году в деревнях и впродолжение всего года в городах“. В Конде на учрежденной герцогом Круа в 1764 г. бумагопрядильне — „мануфактуре для бедных“ — имелись дети от 4 до 9 лет.

В Англии в эпоху развития домашней (кустарной) про-

мышленности точно также „наивно думали, что с применением детского труда улучшится материальное положение населения“. Скупщики, добивавшиеся протекционных пошлин на сбываемые ими товары, ссылались на то, что данная отрасль промышленности доставляет заработок женщинам и детям; даже шестилетние дети—говорили они—будут добывать себе пропитание. Действительно, в первой половине XVIII века, когда машин еще не было, в хлопчатобумажной промышленности, в шелковой промышленности, в производстве парусов, в бирмингемском промысле металлических изделий—как указывает Гельд—работали дети 5—7-летнего возраста, как только они становились сколько-нибудь пригодными для этого. Известный изобретатель прядильной машины Джордж Кромптон следующим образом описывает свое детство. „Едва я стал ходить, как меня заставили работать в бумаготкацком производстве. Пряжу моя мать клала в глубокую коричневую лохань, куда вливалась мыльная вода. Затем она загибала мне платье и ставила меня в лохань, чтобы я отбивал ногами пряжу. Воду она каждый раз прибавляла, после чего я вновь приступал к работе. Это продолжалось до тех пор, пока лохань не наполнялась настолько водой, что я уже не в состоянии был стоять в ней. Тогда мать придвигала к ней стул, за спинку которого я держался“.

Хотя, таким образом, эксплуатация детского труда составляла явление общераспространенное в кустарной промышленности, считавшееся вполне естественным в те времена, но англичанин Уаррантон, писавший в 1677 году, находил применение труда малолетних, очевидно, еще недостаточным, указывая в качестве примера, достойного подражания на „промышленные школы“, которые он видел в Германии, где двести девочек под надзором мастерицы, без остановки, при полном молчании пряли шерсть, подвергаясь наказанию за плохую или недостаточно скорую работу. „В этой стране,—прибавляет он,—кто имеет больше

детей, тот и живет лучше, тогда как у нас, чем их больше, тем беднее человек; там дети обогащают отца, здесь они доводят до нищеты". Более оптимистически смотрел на дело писавший 50 лет спустя (в 20-х годах XVIII ст.) Даниэль Дефоз. Он приходит в восхищение от трудолюбия, которым отличается население в Галифаксе: „женщины и дети расчесывают шерсть или прядут; все работают от мала до велика; не видно ни нищих, ни празднующихся; с пятилетнего возраста всякий в состоянии снискивать себе пропитание“.

Любопытно, что подобными восторженными описаниями благосостояния ткачей Дефоз вызвал у писателей XIX века идиллические изображения доброго старого времени, когда еще господствовала кустарная форма производства, чтобы тем ярче оттенить мрачную картину фабричной жизни XIX века с ее эксплуатацией женского и детского труда! При таких условиях слова, приписываемые Вильяму Питту: „берите детей“, обращенные к фабрикантам, жаловавшимся на дороговизну рабочих рук (в 1796 г.), слова, которые ему ставились в вину, не представляют собою ничего особенного, а выражают общий взгляд эпохи. Из кустарной избы и мануфактуры пользование трудом женщин и детей перешло на фабрику, а вовсе не составляло чего-либо нового, свойственного фабрике и машине, как иногда утверждают! Эксплоатация труда женщин и детей является, как видно из приведенных фактов, именно наиболее характерной для периода XVII—XVIII ст. Широкое применение в промышленности труда малолетних (далее мы увидим, что это происходило не только в кустарной промышленности, но и в централизованных мануфактурах) считалось необходимым в те времена не только потому, что дети своим трудом доставляли материальную помощь родителям, заработок которых (см. выше) был весьма низок, но и в целях развития самой промышленности. С одной стороны, работая с малолетства, дети приобретали

навык, и воспитывалось промышленное рабочее население. С другой—промышленность пользовалась трудом, который иначе, как и труд женщин и стариков, оставался бы неиспользован, пропадал бы даром. В-третьих, устранялась праздность в населении—мать всех пороков. Наконец, промышленники этим путем, как и благодаря труду женщин и стариков, приобретали дешевую рабочую силу, а это, в свою очередь, сокращало издержки производства и давало возможность произведениям национальной промышленности конкурировать с иностранными товарами. Конечно, труд с раннего возраста отражался вредно на физическом и умственном развитии детей, лишал их возможности обучаться грамоте, набрать необходимые для работы силы. Но на это в то время обращали мало внимания—столь же мало, как на отсутствие водопроводов и освещения в городах, как на то, что нечистоты сваливались на улицах и площадях, являясь рассадниками эпидемий чумы и тифа (см. Кулишер, „Лекции ист. экономич. быта“.

Наиболее ужасной эксплуатация труда малолетних являлась тогда, когда фабриканты пользовались трудом силов, получаемых ими из домов призрения. Сэр Фредерик Эден, сочинение которого относится к 1797 году, указывает на то, что в Англии, с появлением машин, приво-димых в движение силою воды, обнаружилась потребность в рабочей силе детей в местностях с проточной водой: сюда и посылались тысячи детей в возрасте 7—13 лет из общинных приютов Лондона, Бирмингэма и других городов. С изобретением паровой машины эта посылка детей впрочем значительно сократилась, ибо промышленность уже не сосредоточивалась более в местах, расположенных у рек, а могла распространяться повсеместно. Однако, еще в 1815 году в английском парламенте указывалось на существование подобных злоупотреблений. Один фабрикант приобрел у лондонского прихода известное количество мальчиков, которых уступил другому фабриканту, и последний

сильнейшим образом эксплуатировал их. В другом случае фабрикант из Ланкашира заключил договор с лондонским приходом, на основании которого он обязался брать у него на каждых двадцать человек здоровых детей, одного идиота.

Однако, и это „похищение детей“, как его называет Маркс, приводя эти факты, он совершенно ошибочно считает чем-то новым, появившимся вместе с фабрикой. Все это существовало уже несравненно раньше.

Исходной точкой является акт 1547 г. о бродягах, согласно которому нищий или ребенок нищего, занимающийся бродяжничеством, может быть всяким взят на свое попечение и мировой судья закрепляет за данным лицом право его на такого ребенка, который до 20 (девушка) или до 24 лет (мальчик) является слугой или учеником этого лица. Известный акт Елисаветы об ученичестве 1601 г. лишь повторяет эти постановления, закон 1609 г. ассигнует средства на призрение детей приходами, а закон 1628 г. устанавливает за приходами право не только отдавать призываемых детей в ученичество, но и самим приходам, в целях предоставления занятий призываемым, устраивать для них работы и мастерские. Если первоначально приходы помещали детей лауперов и бродяг, но также детей лиц, „чрезмерно обремененных детьми“ в рабочих домах, то в XVIII ст. они уже находили для себя более выгодным отдавать малолетних „на обучение“ кустарям вдали от приходов, и такой образ действия и для современного общества представлялся вполне естественным и даже весьма желательным способом подготовки детей к самостоятельной трудовой жизни. На промышленников, получающих в лице „учеников“—говорит Г. Г. Швиттау—, не только даровую рабочую силу, но иногда еще и денежную плату „за обучение“ (премию), смотрят как на благодетелей и филантропов“.

Закон же 1697 г. даже обязывал промышленников, по назначению мирских судей, брать к себе детей из прихо-

дов в качестве учеников, под угрозой штрафом в 10 ф. ст. В чулочном производстве в начале XVIII ст. мастера брали учеников в огромном количестве, так что нередко приходилось по 10 и более учеников на одного взрослого рабочего, хотя это и было запрещено законом. Причина этих нарушений заключалась в том, что хозяева получали от приходов премию в размере 5 фунт. ст. за каждого ученика, от которого освобождалась приходская касса. Нередко в мастерской имелся всего один камзол, который надевал каждый раз тот, кому приходилось выйти из мастерской.

Во Франции система отдачи подкинутых и бедных детей в качестве (бесплатных) учеников ремесленникам, практиковалась уже в XVI ст. Так, эдикт 1553 года позволяет мастерам брать себе второго ученика среди детей, призываемых в приюте св. Троицы. Еще хуже приходилось, однако, тем из них, которые за 20 су продавались нищим, гадалкам и фокусникам; последние пользовались ими для выпрашивания подаяния и с этой целью нередко калечили детей. Когда же в XVIII веке парижский *Hôpital des enfants trouvés* был превращен в государственное учреждение, туда стали присылать детей со всех концов Франции—из Оверни, Бретани, Фландрии, Лотарингии, при чем значительная часть этих детей либо погибала в пути, либо умирала чрез несколько дней по приезде в Париж. Неккер устранил эту централизацию и поручил общинам отдавать детей крестьянам, ремесленникам и купцам за известную плату, которая вносилась обыкновенно до тех пор, пока они не достигали 16-летнего возраста. В 1811 году, когда появились уже фабрики, было постановлено отдавать детей также и на фабрики (см. Reitzenstein, „Die Armengesetzgebung Frankreichs. Schmollers Jahrbuch“, 1891). Но еще до возникновения последних установилось—как мы увидим ниже—пользование трудом детей в самих сиротских приютах (как и отправка их оттуда в распоряжение предпринимателей—см. ниже, отд. Б, гл. II), которые и во Фран-

ции, и в Австрии, и в Нидерландах, и в германских странах превращались в мануфактуры с принудительным трудом малолетних. Помимо всех других указанных выше выгод, которые усматривали в таком использовании детского труда устранение праздности, приучение с малолетства к труду, содействие развитию промышленности и удешевлению ее изделий—в этом случае присоединялось еще освобождение государства и местных органов от расходов на содержание призреваемых.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Общее положение рабочих в кустарной промышленности.

Скупщики-предприниматели извлекали большую прибыль из труда кустарей, между тем, как положение последних было весьма тяжелое. „Несправедливое отношение предпринимателей к рабочим—говорит Ломан („Staatl. Regelung der engl. Wollindustrie vom XV bis zum XVIII. Jahrh.“)—было, хотя и не единственной, но несомненно главной причиной того, что нужда и отчаяние вызвали среди рабочих английской шерстяной промышленности решительное противодействие, которое угрожало опасностью не только предпринимателям, но и общественному спокойствию, чем только и можно оправдать те жестокие меры, к которым прибегало государство по отношению к рабочим. Законы, изданные государством, направлены, во-первых, против подлогов и обманов, производимых рабочими по отношению к имуществу скупщиков в виде полученных для обработки материалов и полуфабрикатов; далее, против организаций рабочих, возникших с целью достижения более выгодных условий труда и заработной платы и для осуществления изданных в интересах рабочих, но не применяемых на практике законов; и, наконец, в третьих, против насиль-

ственных действий и преступлений, к которым прибегали рабочие, когда все остальные меры оказывались безуспешными“.

„Рабочие флорентинской промышленности — читаем у Дорена—были лишены всяких законных средств к улучшению своего материального и социального положения. А положение это было в общем очень печальное. Лишь высший слой рабочего населения пользовался некоторым благосостоянием. Огромное большинство жило изо дня в день и в любое время могло очутиться на улице с протянутой рукой. Избыток в рабочих руках, вызываемый постоянным притоком населения из сел в города, а также переселением ткачей из Германии и Нидерландов, приводил к тому, что плата никогда не могла подняться выше необходимого для жизни минимума, кроме тех случаев, конечно, когда крупные социальные катастрофы, в роде Черной смерти, производили переворот во всех условиях жизни“. Единственным способом борьбы при таких условиях—указывает он далее—могло быть лишь грубое насилие, восстание, которое должно было сломить силу капитала. Уже каждый отдельный предприниматель был экономически гораздо сильнее отдельного рабочего; „когда же рабочему приходилось бороться с целой организацией предпринимателей, когда жалобы рабочих рассматривались судом, состоящим из предпринимателей, и малейшая попытка с их стороны, направленная к улучшению своего положения, наказывалась продолжительным тюремным заключением.—тогда борьба становилась слишком неравной, и лишь сила, заключающаяся в массах, физическая сила могла хотя бы временно изменить условия жизни рабочего населения“. Такая временная перемена произошла во Флоренции в 1378 году, после восстания Чинипи, которое, подобно восстанию 1345 г., было вызвано чисто-экономическими причинами: борьбою промышленного пролетариата из-за своих материальных интересов.

Каково было положение генуэзских рабочих в шелковой промышленности, можно усмотреть из того обстоятельства, что в 1447 году 30 ткачей (вероятно, половина всех ткачей) было освобождено, вследствие бедности, от уплаты податей. Между тем, вклад цеха скупщиков (в этой отрасли производства) в банке св. Георгия, независимо от имущества отдельных членов, равнялся в 1460 году 2,253 фунтам, в 1478 г. 3.171 ф., в 1482 г. 4.818 ф. и в 1488 г. 5.718 ф.

Не лучше, чем в Англии и в итальянских городах, было материальное положение рабочих в различных местностях Германии и Франции. „С глубокой завистью и злобой—говорит Нюблинг—смотрело большинство ткачей, как ульмские скупщики обогащались все более и более, как возростала земельная собственность, как увеличивалось количество замков и усадеб, которые они приобретали на доходы от сбыта хлопчатобумажных изделий, доходы, полученные без большого труда, в то время как они, ткачи, проводили всю свою жизнь за станком, несли на себе все тягости производства и сбыта и все-таки в конце года должны были благодарить Бога, если им удавалось прокормить себя и свою семью“. В силезской полотняной промышленности прибыль скупщиков была, повидимому, достаточно велика, ибо многие из них разбогатели на сбыте холста. В эпоху завоевания Силезии Фридрихом Великим в четырех городах: Гиршберге, Шмидеберге, Ландесгуте и Грейфенберге насчитывалось 110 очень состоятельных купцов, торговавших холстом и пряжей. В то же время заработок ткачей и прядильщиков не превышал того минимума, который необходим для того, чтобы не умереть с голоду. В начале XVIII века ткач зарабатывал едва 5 грош. в день, а прядильщик всего несколько пфеннигов, и едва ли их заработок был больше в предыдущие столетия (Zimmerman, „Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien“).

В Вюртемберге во второй половине XVIII века минимальные расходы семьи, состоящей из мужа и жены, равнялись 115—120 гульд. в год, расходы семьи из пяти членов (в том числе трое детей моложе 14 лет) составляли 190—200 гульденов. Между тем, годовой заработок ткача не превышал 75, 60 и даже 50 гульд.; остальные члены семьи зарабатывали максимум 20—25 гульд., так что в общем доход составлял не более 100 гульд. И даже если его увеличить, то и тогда останется значительное расстояние между тем, что заработано, и тем, что нужно было для семьи. „Как же покрывался этот огромный дефицит?—спрашивает Трельтш. Во-первых, посредством дальнейшего сокращения расходов, именно расходов на одежду и пропитание; во-вторых, путем частной и общественной благотворительности; и, наконец, в-третьих, нищенством. Можно себе представить, каково было соотношение между доходами и расходами в годы дороговизны, когда расходы увеличивались, заработок же не возростал!“

Насколько скупщики-предприниматели виновны были в том, что их рабочие голодали, мы поймем только тогда, когда прочтем сообщения современников (хотя и несколько преувеличенные), что уже в начале XVII века многие купцы успели в течение 10—18 лет заработать по 20, 30, 50 и даже по 100 тысяч гульденов. Были такие, которые в несколько лет приобрели капитал в 100 тысяч. Мы точно знаем, что капитал одного из участников кальвской компании почти удвоился в течение 7 лет, хотя едва ли все дивиденды и проценты капитализировались. „Подводя итоги исследованию о капитале и прибыли компании,—читаем у Трельтша—мы прежде всего приходим к тому выводу, что прибыль была значительно больше, чем до сих пор думали. Наш взгляд на отношение скупщиков к кустарям должен измениться под влиянием этих цифр и не к выгоде компании. В цифрах ясно выражается причина тех явлений, которые путешественники XVIII века могли на-

блюдать лишь с внешней стороны в виде описываемого ими богатства и роскоши в г. Кальве. Класс предпринимателей совершенно изменился в течение столетия; он получил совсем новый социальный облик. В начале XVIII века капитал в 5 тысяч гульденов был редкостью, после тридцатилетней войны капитал каждого умиравшего или выходявшего из состава компании участника составлял не менее 22 тысяч гульд., в большинстве случаев даже более 30 тысяч, хотя компания уже не в состоянии была пользоваться всеми сбережениями. Для того, чтобы понимать, насколько блестяще было положение компании, необходимо также иметь в виду, что доходы участников ее не ограничивались прибылью*; к последней присоединялись проценты на вклады, плата за различные операции коммерческого характера и т. п. Доход каждого участника равнялся в среднем 2—2½ тысячам гульд., не считая его дохода от других операций, от земельных участков и т. п. А 2½ тысячи составляли для того времени сумму прямо таки огромную. Учитель гимназии в Штуттгарте получал 390 гульд. в год, вюртембергский пастор—от 260 до 520 гульд., кроме доходов в натуре, важные чиновники—от 1 до 1½ тысяч гульд.; 3 тысячи гульд. считалось министерским жалованьем. „Понятно, почему предприниматели смотрели сверху вниз на все чиновничество“.

Подобную же параллель между положением рабочих и положением предпринимателей мы можем провести по отношению к лионской шелковой промышленности. С одной стороны, нам известно, что среди очень богатых купцов г. Лиона в 1677 году насчитывалось 17 купцов, торгующих шелковыми материями, но лишь 15 суконщиков и 14 торговцев пряностями и бакалейными товарами; среди других корпораций очень богатых членов было еще меньше. В 1789 году скупщики сами заявляют, что их четыреста человек, и что они владеют движимой и недвижимой собственностью в 60 миллионов. С другой стороны, из раз-

личных бюджетов рабочих, составленных в конце XVIII века, видно, что разница между их доходами и расходами была очень значительна. Дефицит составлял 506, 356, 249 ливр. и даже по самому умеренному вычислению 53 ливра, причем расходы в случае болезни, сокращение доходов, вследствие часто повторявшихся периодов безработицы, не приняты во внимание. Эти дефициты, по словам Годара, свидетельствуют о выносливости рабочих, об их умении покоряться своей участи. Благодаря их экономии, простоте образа жизни и нравов, они существовали, в то время как самые умеренные вычисления указывали на то, что они должны были умереть с голоду. Аббат Бертолон, которого нельзя упрекнуть во враждебном отношении к скупщикам, писал в 1787 году, что труд рабочих в шелковой промышленности крайне изнурителен, что они работают по 18 часов в день и не доживают до преклонных лет; они живут в помещениях, лишенных воздуха и наполненных миазмами, едят не для того, чтобы жить, а чтобы не умереть с голоду. „Кто-то сказал,—заключает он,—что таких мануфактур, как в Лионе, нигде невозможно устроить, ибо для этого нужно было бы отыскать людей, которые бы не ели и не спали, как в Лионе“ (цит. у Годара).

Буассонад указывает на то печальное положение, в котором находилось промышленное население в Пуату. В таком промышленном центре, как Сен-Маикс, насчитывалась в 1740 г. сотня скупщиков, которые имели капитал в 30 тысяч и менее; все же остальное население, занятое производством тканей—чесальщики, прядильщики и ткачи всякого возраста находились в состоянии, близком к полной нищете. В Бретани в XVIII тт.—говорит Сэ—вся буржуазия занималась чрезвычайно выгодным промыслом—приобретением у крестьян холста и продажей его оптом в различных местностях. Либо они сами разъезжали по деревням для закупки холста, либо посылали своих факторов. Во всяком случае, ссужая пряжей или деньгами сель-

ское население, купцы держали последнее в полной зависимости. Плата была низка, кустари бедствовали и голодали, среди них свирепствовала тяжелая эпидемия лихорадки. Левассер, в свою очередь, указывает на то, что французские рабочие XVIII века терпеливо переносили свои страдания, целые поколения прозябали и умирали, не имея надежды на лучшее будущее, даже не помышляя о нем; и эти страдания остались бы скрытыми от глаз потомства, если бы историки не подняли завесы и не нарисовали яркой картины жизни народа в прошлые столетия.

Действительность, таким образом, вполне соответствовала желаниям государства и представителей науки *). Современные немецкие историки-экономисты выставляют полицейское государство XVII—XVIII ст. в виде довольно беспристрастного судьи, имеющего в виду нужды и выгоды промышленности, как они их понимали, и не обнаруживающего особого пристрастия ни к предпринимателям, ни к рабочим, между тем как приводимые ими же весьма многочисленные фактические данные свидетельствуют о том, что государство отождествляло интересы промышленности с интересами предпринимателей **). Едва ли не наиболее

*) На такой же точке зрения стояли и представители религии. Кальвин утверждал, что „народ“, т. е. рабочие и ремесленники, только до тех пор, пока они остаются в бедности, послушны Богу. А пуритане учили, что религиозность рабочего заключается не во внешнем исповедании веры, а в добросовестном выполнении своих обязанностей. „Интересы Бога и интересы предпринимателя—прибавляет к этому Макс Вебер—здесь весьма близко соприкасаются... Религиозный аскетизм доставлял предпринимателю трезвых, добросовестных и очень трудолюбивых рабочих, рассматривавших свой труд, как угодное Богу дело... Капитализм же в первую эпоху своего развития нуждался в рабочих, которые давали бы себя эксплуатировать не за страх, а за совесть“.

***) Сторонники государственного вмешательства в хозяйственную жизнь, в целях защиты более слабых от более сильных, не могут допустить, что государство (да еще прусское государство!) в прежние

ярким представителем этого направления является Шмоллер, утверждающий в своей статье, помещенной в „Jahrbuch für Gesetzgebung“ etc. Т. XI, что цель статута, изданных в области кустарной промышленности XVII—XVIII ст., состояла не только в регламентации техники производства и организации сбыта, но и в устранении социальных несправедливостей. Шмоллер называет эти статуты чем-то средним между старым цеховым правом и современным фабричным законодательством. Нам нет надобности доказывать, насколько неверно это воззрение. Многочисленные факты, приведенные нами выше из различных местностей и отраслей промышленности, начиная от постановлений, запрещающих кустарям работать на собственный счет и сбывать свои изделия помимо корпорации скупщиков, и кончая непосредственным установлением максимальной платы—сами говорят за себя. Регламенты кустарной промышленности XVI—XVIII ст. составляют полную противоположность фабричному законодательству XIX века. Фабричные законы изданы в интересах рабочего населения, кустарные регламенты направлены против кустарей. Разница между кустарными регламентами и цеховыми уставами в этом отношении, конечно, есть. Цеховые уставы преследуют выгоды мастеров, являющихся самостоятельными ремесленниками и наравне со своими подмастерьями занимающимися производством товаров, тогда как регламенты XVII—XVIII ст. охраняют интересы купцов („буржуазии“, „капиталистов“), ничего общего с производством и с классом рабочих не имеющих.

Но иначе это и быть не могло. В средневековых городах власть находилась в руках цеховых мастеров, в последующие столетия носителями ее являлись купцы-пред-

столетия поступало как-раз наоборот, тем более, что это государство они себе всегда представляют в виде современного прусского государства, а не прусского государства того времени.

приниматели, вышедшие, как мы видели выше, главным образом, из среды тех же цеховых ремесленников. Одно является лишь необходимым продолжением, дальнейшим развитием другого. Маркс вполне правильно характеризует „историческое возникновение капиталистического производства“ в XV—XVIII ст. „При своем появлении на сцену—говорит он—буржуазия нуждается в государственной власти и, действительно, пользуется ею для „регулирования“ заработной платы, т.-е. для того, чтобы втиснуть ее в пределы, соответствующие желаниям наживы, для удлинения рабочего дня и, наконец, для того, чтобы удержать самого рабочего в нормальной степени зависимости. Это существенный момент так назыв. первоначального накопления*)).

Однако, Маркс выставляет это содействие государства предпринимателю в борьбе его с рабочим как нечто совершенно новое, впервые появившееся в XV—XVI ст. с возникновением „капитала“. Он упускает из виду то обстоятельство, что и в предыдущий период город стоял всегда на стороне цеховых мастеров, а не подмастерьев-рабочих, находившихся в полной зависимости от своих хозяев. Как мы видели выше (см. гл. I), таможенный протекционизм XVI—XVIII ст. не есть что-либо новое, противоположное предшествующему периоду, а лишь продолжение протекционной политики средних веков, с той только разницей, что покровительство оказывается не местным городским промыслам, а всей промышленности государ-

*) „Установление нормального рабочего дня,—говорит Маркс в другом месте—есть результат многовековой борьбы между капиталистом и рабочим. Но в истории этой борьбы обнаруживаются два противоположных течения. Стоит сравнить, напр., английское фабричное законодательство настоящего времени с английскими рабочими статутами, начиная с XIV ст. вплоть до половины XVIII. В то время, как современное фабричное законодательство принудительно сокращает рабочий день, эти статуты стремятся к принудительному удлинению его“.

ства. Точно также покровительство, оказываемое государством XVI—XVIII ст. торговым компаниям и ассоциациям скупщиков, заменяет собою лишь покровительство средневекового города местным купеческим гильдиям и цеховым ремесленникам. Цеховые мастера, а не их подмастерья, являются выразителями городского ремесла, купцы („мануфактуристы“), а не их рабочие, рассматриваются как носители идеи национальной торговли в эпоху меркантилизма.

Б. Централизованные мануфактуры в XVII—XVIII ст.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятие мануфактуры прежде и теперь.—Централизованные мануфактуры, устроенные иностранцами.

Рядом с кустарной формой производства мы встречаем в XVII—XVIII ст. и мануфактурную: более или менее значительное количество рабочих соединяется в определенном здании под надзором предпринимателя. Таково современное понятие мануфактуры, установившееся, по крайней мере, со времени Маркса. Но совершенно иное значение имело слово „мануфактура“ в XVII—XVIII ст. Писатели того времени подразумевали под мануфактурой не известную форму предприятия, известный способ производства, а промышленность вообще, независимо от той или другой формы производства: „суконная мануфактура“ означала суконную промышленность, при чем она могла иметь и ремесленный, и кустарный характер.

В таком смысле употребляет это слово и Бехер в 1668 г., советуя развивать шелковые, шерстяные и полотняные мануфактуры в стране, и Шредер, ставя в 1686 г. вопрос, о каких мануфактурах должен особенно заботиться государь, и Гернигк, находя, что купцы ничего не смыслят в мануфактурах, при чем мануфактуристов он отождествляет со скупщиками. Лаффема указывает на недостатки в про-

изводстве французских мануфактур, а генеральные штаты 1614 г. настаивают на необходимости введения во Франции иностранных мануфактур—и здесь мануфактура обозначает не что иное, как промышленность. Такой же смысл имеет и в Англии слово *manufacture*, обозначая всякого рода промышленность, начиная от ремесленной и вплоть до фабричной—еще Юр называет свою книгу о фабричном производстве „философией мануфактур“.

Между мануфактурой и фабрикой не проводится различия: Мозер и Бергиус прямо указывают на то, что оба выражения синонимы. Фабрикантом называется всякий промышленник—не только скупщик-предприниматель, но и самостоятельный ремесленник, и кустарь, работающий на скупщика. По терминологии Юсти, фабрики или мануфактуры бывают трех родов: первая категория составляет как то, что мы называем кустарной промышленностью, так и то, что понимается под централизованной мануфактурой; вторая категория—то же, но при коллективной форме предприятия (компания), в третью категорию мануфактур или фабрик выделено ремесло. Такое понимание мануфактуры и фабрики являлось в то время господствующим. Лионская шелковая промышленность, которая производилась исключительно кустарным способом, была известна по всей Европе под названием „*la grande fabrique*“. „*Quamdiu regnabit luxus, tamdiu fabrica subsistet*—подписано под одним из рисунков, относящихся к лионской шелковой промышленности. Под словом *la fabrique*—говорит проф. Е. В. Тарле—во французских документах XVIII века понимается „целое производство, при этом иногда производство данного продукта, а иногда производство разных продуктов, приуроченное к данной местности“: *la fabrique de coton*—бумажно-прядельное производство, *la fabrique de Rouen*—совокупность предприятий Руана, *la fabrique de savon á Marseille*—все марсельские мыловарни. Процветание „фабрики“ требует, чтобы ремесленники сбывали свои изделия исключительно

компании купцов, последние же принимали у них товары по справедливой цене и не притесняли их—читаем в статутах, относящихся к саксонской хлопчатобумажной промышленности, где кустари производили товары на скупщиков.

Если же делается различие между мануфактурой и фабрикой, то опять-таки не в смысле разных форм производства, а лишь в качестве различных отраслей промышленности. Фабриками называются те промыслы, где работа происходит при помощи огня и молота, т. е. металлургическая промышленность, тогда как мануфактурой обозначается производство шерстяных, льняных, хлопчатобумажных, шелковых изделий, т. е. текстильная промышленность*). Такое различие проводит в некоторых случаях Юсти. Зонненфельс же (1771 г.) указывает на то, что „пуритане“ (англичане?) говорят „о мануфактурах в тех случаях, когда молот и огонь не применяются в производстве, напр., суконная мануфактура, ситцевая мануфактура; когда же необходимы эти приспособления, то они употребляют слово „фабрика“: стальная фабрика, латунная фабрика. Однако—прибавляет он—язык почти совсем уничтожил это различие; понятие фабрики получило более широкий смысл, мы говорим ежедневно о суконной фабрике, ситцевой фабрике“. Лишь в виде исключения Лампрехт в 1797 г. (и еще раньше, в XVII ст., автор „Entdeckte Goldgrube in der Ascise“) определяет в качестве характерной черты фабрики здание (обширное здание, мастерскую), в котором соединены рабочие. Такой смысл „фабрика“ должна была постепенно получить, так как металлургическая промышленность, которая обозначалась этим термином, производилась, вследствие технических условий (применение „огня и мо-

*) В этом смысле у нас и до сих пор употребляются слова: мануфактурная промышленность, мануфактурные товары, мануфактурный магазин, обозначая обработку волокнистых веществ, изделия этой промышленности, лавку, где они продаются.

лота“), раньше, чем какая-либо иная, в централизованных мастерских.

Между тем, в действительности фабрик в том смысле, как мы их понимаем в настоящее время, до начала XIX века (в Англии до 80-х годов XVIII века) вовсе не существовало. Для фабрики недостаточно одной централизации производства в общей мастерской и под руководством предпринимателя; это составляет особенность мануфактуры. Нужно не что большее: пользование машинами и двигателями, применение рациональных химических процессов производства. Мануфактура всего этого не знает; способ производства ручной, ни машины, ни сложные аппараты не употребляются. В этом отношении нельзя провести различия между мануфактурной и кустарной промышленностью. Разница заключается лишь в том, что рабочие не разбросаны по домам и не работают каждый у себя по своему разумению, а соединены вместе в одном и том же здании, под надзором одних и тех же лиц, которые руководят не только коммерческой, но и технической стороной дела. А результатом этих двух моментов является уже однообразная техника производства, возможность более или менее широкого разделения труда между рабочими. Между кустарной мастерской и мануфактурой с внешней стороны много сходства. И здесь, и там нередко 6—10 человек рабочих, не более, производят совместно, под надзором одного лица, с той только разницей, что в первом случае они называются подмастерьями, во втором—рабочими. Но, всматриваясь глубже, мы находим и более существенные различия. Кустарная мастерская производит обыкновенно лишь некоторые процессы производства, лишь отдельные части продукта, почему здесь разделение труда крайне ограничено, тогда как мануфактура, по крайней мере, в ее развитом виде, соединяет в себе целый ряд отдельных операций, совмещая в себе в качестве отделений несколько кустарных мастерских различной специальности. Но еще

важнее другая черта мануфактуры. Во главе ее стоит не мастер, производящий на скупщика и вполне зависящий от него, а самостоятельный предприниматель-капиталист, тот самый скупщик, который теперь превратился в промышленного предпринимателя, приняв на себя заведывание процессом производства.

Первые мануфактуры и возникли таким образом, что в страну переселялся предприниматель с известным количеством рабочих, они селились вместе в особом отведенном им здании, которое являлось вначале и жилым помещением, и соединенными усилиями приступали к производству товаров. Совместным жильством мастеров различных специальностей и обуславливалось, главным образом, возникновение мануфактуры, а не кустарной формы производства. Мы рассмотрели выше целый ряд новых категорий рабочего населения, вновь появившихся в производстве промышленных изделий в XVI—XVIII ст. и тем нарушивших монополию цехов: это были сельские жители, женщины и дети, привилегированные городские ремесленники и кустари и, наконец, иностранные мастера. Все эти элементы являлись конкурентами цеховым мастерам и естественно возбуждали ненависть и вражду со стороны последних, которые смотрели на них как на лиц, нарушающих их исконные права и привилегии, не делая различия между мастерами, получившими привилегию, и придворными ремесленниками с одной стороны, и теми, которые не приобрели никакого права на занятие промыслом,—с другой. И те, и другие получали позорную кличку: „Pfuscher, Störer, Böhnhase, Chambrelan“ и т. п. Нападения цеховых мастеров на привилегированных ремесленников, сопровождавшиеся насилиями и уничтожением инструментов и производимых товаров, составляют в XVI—XVIII ст. явление далеко не редкое. В таких случаях единственным исходом являлось предоставление мастерам, не входившим в состав цеха, определенного здания, где они имели бы

возможность укрыться от взоров цеха и спокойно заниматься своим промыслом. Для того, чтобы их вполне защитить от насилий, здание носило королевский или герцогский герб и называлось королевской или княжеской мануфактурой, т. е. промышленным заведением, по терминологии того времени, независимо от формы предприятия. Однако, постепенно оно обращалось действительно в мануфактуру в том смысле, как мы понимаем это слово в настоящее время. Разрозненные мастера, благодаря совместному жильству, приходили в соприкосновение друг с другом. Продукт, который ранее переходил от кустаря, совершавшего первые процессы производства, к скупщику или посреднику-фактору, а затем уже передавался другому кустарю для продолжения производства, теперь шел непосредственно из рук в руки, от одного мастера к следующему. В других случаях, когда производство не составляло одного непрерывного процесса, а продукт составлялся из различных частей, изготовленных мастерами различных специальностей, теперь при совместном жильстве их все эти части собирались тут же мастером, дававшим продукту окончательную отделку. Не менее важны, наконец, и те мануфактуры, которые возникли благодаря тому, что мастера одной и той же специальности селились вместе и распределяли между собою различные функции при производстве товара.

Как бы то ни было, но вражда со стороны цеховых мастеров являлась, повидимому, главной причиной возникновения первых мануфактур. XVI—XVII ст. период широкого переселения промышленных элементов населения. Итальянцы переселяются в Швейцарию, Францию и Австрию, голландцы—во Францию и Англию, гугеноты—в Пруссию, прирейнские страны, Швейцарию, Австрию, Нидерланды. Правительства тех стран, где они появляются, не только не ставят им никаких препятствий, но, наоборот, сами вызывают новых переселенцев, оказывают им

засякие льготы, стараются дать им возможность свободно заниматься своими промыслами. Да это и понятно. Ведь все эти купцы и мастера приносили с собою новую, более усовершенствованную технику производства, более утонченный вкус; они вызывали новые потребности в стране и создавали средства для их удовлетворения; их изделия были изящнее, прочнее туземных. Все это должно было дать сильный толчок промышленности, усилить денежное обращение в стране, как говорили в те времена, при том условии, конечно, если новым переселенцам давалась возможность проявить свои способности, свое искусство во всей его полноте. Между тем, со стороны цеховых мастеров они, кроме неприязни, ничего встретить не могли. Если вражда последних по отношению к привилегированным мастерам вообще была очень велика, то можно себе представить, как они относились к иностранцам, которые ведь вообще не допускались в цехи, не могли заниматься промыслами. Правда, в некоторых случаях иностранцы вводили совершенно новые отрасли промышленности, напр., производство шелковых тканей, табаку, обоев, зеркал, мыла, но они были исключениями. Обыкновенно иностранные купцы и мастера либо производили известные уже раньше изделия, но только лучшего качества, как, напр., в области производства шляп, дубления кож, в хлопчатобумажной и полотняной промышленности, либо хотя и выделяли новые продукты, но из материалов, уже ранее известных, как, напр., в области шерстяной промышленности, так что приходили и здесь в столкновение с привилегиями цехов. Во Франции и до переселения венецианцев производились более грубые сорта кружев, а в Пруссии эмигранты выделяли из шерсти чулки, ковры, перчатки, платье; саржа, коломянка, креп, камлот и целый ряд других тканей составляли лишь новые сорта изделий, изготовлявшиеся из той же шерсти, из того же льна. Ясно, что для того, чтобы привилегии, полученные иностранцами, не оставались мертвой буквой,

чтобы они действительно имели возможность развивать промышленность страны, правительство должно было защитить их от насильственных действий цеховых мастеров, дать им помещения, где они могли бы поселиться и работать. И, действительно, во всех странах иностранные промышленники вместе с денежными суммами получают и здания для устройства мастерских, в которых они, вместе с тем, и живут. Обыкновенно на этих зданиях красуется государственный герб, т.-е. здание привилегированное, пользуется иммунитетом.

Возникновение первых мануфактур во Франции подтверждает выставленное нами предположение. В начале XVII века была сооружена луврская галерея, которая должна была служить убежищем для лиц, не входивших в состав цехов. „Мы велели устроить здание таким образом,—говорится в королевском указе 1607 года—чтобы в нем могли удобно поселиться лучшие ремесленники и мастера, и могли бы заниматься как живописью, ваяньем, выделкой золотых и серебряных изделий, производством часов, шлифованием драгоценных камней, так и различными другими искусствами, работая как для нашего двора, так и для наших подданных“. Из указа следующего года мы узнаем, что в Лувре жили также мастера, производившие холодное оружие, столярные изделия, духи, трубы для фонтанов, физические инструменты, ковры и восточные изделия и т. п. Тем самым, что они жили в Лувре, все они освобождались от надзора цехов, находились под покровительством короля. Никто не мог им препятствовать работать на публику и брать к себе учеников и, несмотря на все протесты цехов, они преспокойно производили и сбывали свои товары. Цеховые мастера вынуждены были ограничиться заявлением, что ни один порядочный мастер не станет работать в Лувре, на что никто, конечно, не обращал внимания *).

*) Неприязненное отношение к иностранцам—говорит д'Авенель—

Из собрания отдельных, независимо друг от друга работающих мастеров, луврская галерея постепенно превратилась в обширную, основанную на разделении (расчленении) труда мануфактуру, производившую всевозможные предметы роскоши. Полстолетия спустя после основания Лувра, количество мастеров, живших в нем, значительно возросло, и, вместе с тем, наиболее талантливые и умелые выделились из среды прочих и стали во главе производства, доставляя остальным модели для работы, направляя и руководя их деятельностью. Образовались мастерские ковровые, оружейные, ювелирные, мебельные. Одной из мастерских заведывал Андре-Шарль Буль, эбенист, резчик по металлу и позолотчик. В его мастерской стояло восемнадцать станков для производства изделий из черного дерева, два столярных станка; там же работали пильщики, бронзовщики и мастера, собиравшие отдельные части и дававшие им окончательную отделку. Вместе с Булем за ходом работ надзирали его четыре сына. Таким образом, одна его мастерская представляла собою целую мануфактуру, которая изготовляла всевозможную мебель из дерева и бронзы, как, напр., корпуса для часов, столы, бюро из мозаики, с медными инкрустациями на черепахе, из цветного дерева, книжные шкафы с зеркальными стеклами, люстры, преспапье, комоды с бронзовыми украшениями и т. п. (Левассер).

Подобным же образом возникла и другая не менее известная мануфактура, также производившая предметы рос-

было обычным в прежние века, и стремление к недопущению иностранных рабочих не возникло в наше время. Однако, существенным паллиативом в этом отношении являлась луврская галерея, где могли заниматься промыслами лица любой национальности. Публика, гулявшая по этой галлее, длиною в 700 футов, встречала много итальянцев и фламандцев на пороге их мастерских. На вывесках были изображены имена голландских гранильщиков и фабрикантов турецких ковров.

коши—мануфактура Гобеленов. Ковровое производство существовало во Франции и до XVII века, но лишь в зачаточном состоянии, и большая часть изделий привозилась из Нидерландов. Лишь Генрих IV решил перенести фламандское ковровое производство на французскую почву, и с этой целью в 1599 году запретил ввоз ковров, изготовленных за границей, и одновременно с этим дал двум фламандцам привилегию выделки ковровых изделий, вышитых золотом и серебром, а рабочих их, также фламандцев, освободил от всяких податей. Появление конкурентов в лице иностранных предпринимателей и рабочих вызвало сильное возбуждение среди парижских мастеров, занимавшихся ковровым промыслом, которые стали протестовать против допущения иностранцев. Однако, протест не имел успеха. Фламандцы были приняты под покровительство короля и получили от него по 100 тысяч фр., при чем обязались производить работу на 80 станках, из коих 60 должно было находиться в Париже. Они жили первоначально в различных частях города, но затем им было предоставлено здание, принадлежавшее фамилии Гобеленов. Их мастерские и положили основание королевской гобеленовой мануфактуре. Во второй половине XVII века Гобелены представляли собою большую мануфактуру, во главе которой стоял художник Лебрен, и при которой состояло несколько живописцев, скульпторов, граверов и т. д. Как и в Лувре, здесь производились всевозможные предметы роскоши, комнатного убранства, ковры, люстры, вазы, изделия из золота, серебра и драгоценных камней, из красного дерева, черепахи и мозаики. Мануфактура насчитывала 250 рабочих, которые распределялись на несколько отделений, причем как лица, руководившие производством, так и рабочие были почти исключительно иностранцы, фламандцы, голландцы и итальянцы.

Гобеленовая мануфактура находилась в предместье Сен-Марсель, а до перехода туда фламандские выходцы жили

в предместье Сент-Антуан. В Сент-Антуан была устроена и первая зеркальная мануфактура, в предместье Сен-Жермен—ковровые мануфактуры. Вообще в предместьях Парижа возник в течение XVII века целый ряд мануфактур кожевенных, слесарных, перчаточных. Они соединяли в себе производство нескольких сортов изделий, которые по цеховым статутам принадлежали различным цехам и имели нередко свыше 15 человек рабочих, что в те времена и в этих отраслях производства составляло значительное количество. Предместья (Lieux privilégiés) с давних пор пользовались особыми привилегиями (остатки феодального строя) и не подчинялись надзору городских цехов; в силу этого они являлись убежищем для всех тех, кто скрывался от цеховых властей и желал свободно заниматься промыслом. Соединение мастеров разных специальностей в этих кварталах создало здесь ряд мануфактур, основанных на более или менее значительном разделении труда. Одной из первых мануфактур была и Савоннери. Дюпон и Лурде поселились в 1627 году в странноприимном доме, учрежденном в 1615 году Марией Медичи, и образовали мануфактуру для производства ковров и восточных изделий из золота, серебра, шелка и шерсти.

Первая австрийская мануфактура— „Manufacturhaus auf dem Tabor“ (в Вене) была основана в 1676 году согласно проекту Бехера. Она состояла из нескольких отделений—лаборатории для производства алхимических опытов, мастерской для выделки майолики, аптеки, мастерской для производства шелковых изделий на трех ленточных станках и другой для изготовления шерстяных тканей, заведения для выделки венецианского стекла и для плавки золота и серебра. В таком виде мануфактура—относился к ней весьма враждебно—просуществовала, впрочем, недолго, и неизвестно даже, были ли вообще открыты и пущены в ход все ее отделения. В 1683 г. здание сгорело, и решено было построить новое. Бехера заменил Шредер. Шредер

усматривал главную цель мануфактуры в том, чтобы она смягчала злоупотребления, связанные с цеховым строем. Мануфактура должна была явиться убежищем для всех ремесленников, ни входивших в состав цехов, кто бы эти ремесленники не были. Он находил, что для этого мануфактура вовсе не нуждается в особой привилегии. Достаточно того, чтобы мастерам, работающим там, предоставлялось право брать к себе учеников и обучать их без препятственно; выучившись ремеслу, они, независимо от числа лет учения, приобретают звание мастера и освобождаются от обязанности странствования. Но для того, чтобы поселившиеся в мануфактуре мастера могли беспрепятственно работать, мануфактура должна носить название „das hoffbefreite Haus“, подобно тому, как привилегированные мастера называются „hoffbefreit“ и подлежать юрисдикции гофмаршала, ибо в противном случае город и цехи будут ставить ей всякие препятствия, и некому будет защитить ее. Таким образом, Шредер, собственно говоря, никакой мануфактуры и не имел в виду, а просто, подобно Генриху IV во Франции, желал создать убежище для мастеров, преследуемых цехами. Однако, здание, повидимому, не было выстроено вновь, и мануфактура прекратила свое существование *). (См. Макс Адлер и Гатшек).

Есть основания предполагать, что подобным же образом возникли мануфактуры и в других странах, что и там желали создать лишь мануфактуры в том смысле, как это слово употреблялось в XVII—XVIII ст., т.-е. промышленные заведения вообще, новые отрасли производства, и лишь в силу необходимости, вследствие препятствий, создаваемых цеховым строем, мастерам, в особенности иностран-

*) И впоследствии цехи весьма враждебно относились к мануфактурам. В патенте 1713 г. на устройство зеркальной фабрики запрещается обижать рабочих ее, или высылать их, к какой бы они ни принадлежали национальности. Город Линц не позволяет даже жителям сдавать квартиры рабочим тамошней мануфактуры.

цам, приходилось предоставлять особые здания, принадлежащие правительству и находящиеся под его защитой, где и образовывались постепенно централизованные мануфактуры. В Нидерландах до конца XVII века мануфактурные предприятия появлялись лишь в виде исключения, поскольку же они возникали, они относились—что особенно любопытно—к новым отраслям производства, возникли в области зеркальной и шелковой промышленности, и притом устраивались исключительно иностранцами—испанцами, итальянцами, англичанами, которые стояли совершенно вне цехов, пользуясь особыми привилегиями производства. Господствующей же являлась кустарная промышленность, имевшая цеховую организацию.

Но после отмены Нантского эдикта в 1685 году и еще за несколько лет до этого в Нидерланды стали переселяться тысячи французских эмигрантов. Все это были купцы, ремесленники, рабочие, приносившие с собою коммерческие способности, утонченный вкус и значительные капиталы. Между тем, места для них в цеховой организации не было. Для того, чтобы быть принятым в цех, нужно было приобрести право гражданства, произвести пробную работу и уплатить вступительный взнос. Кроме того, и вступив в цех, мастер не могъ иметь свыше определенного количества помощников и инструментов, так что для его деятельности ставились тесные рамки. Между тем, города желали воспользоваться всем тем, что могли дать иностранцы в смысле развития промышленности, введения новых отраслей производства. Нужно было, следовательно освободить их от всяких ограничений. И это было сделано. Появились мануфактуры, где они могли совершенно свободно заниматься производством шелковых, полушелковых и бархатных изделий, шляп и кожаного товара, не обращая внимания ни на какие постановления цехов. Мануфактура защищала их от всяких притязаний со стороны цехов.

И в Пруссии иностранцы, выходцы из Франции, Пфальца, Лотарингии, переселявшиеся с конца XVII века купцы и мастера, сталкивались с цеховым режимом, который мешал им заниматься промыслами. Однако, как мы видели выше, привилегии на занятие ремеслом лицам, не принадлежащим к цеху, выдавались в это время в большом количестве, и выходцы наделялись званием мастера, как бы уже в силу одного своего появления в стране. По отношению же к новым отраслям производства, которые вводились впервые в стране, было признано, что они суть промыслы не цеховые, хотя совершенно новых производств, которые совсем не конкурировали бы с цеховыми промыслами, почти не было. Поэтому вражда местных жителей к иностранцам была велика; да и не удивительно, раз дело доходило до того, что в силу привилегий последних прямо ограничивались права прусских мастеров. Иностранцам предпринимателям оказывалось всевозможное содействие они освобождались от податей, получали ссуды, им представлялись здания для устройства мануфактур. Многие из них не заводили, однако, никаких мануфактур, а пользовались лишь своим привилегированным положением и скупали товары у кустарей или, набив карман казенными субсидиями, бросали потом начатое дело. В других случаях, впрочем, иностранные предприниматели добросовестно устраивали мануфактуры в казенных зданиях, и в этих случаях мануфактурная форма производства имела для них большое значение. Цеховые статуты не играли для них никакой роли, ибо у себя на мануфактуре они были полновластными господами. Они обладали правом *iurisdictiois domesticae* над своими рабочими, правом лишать их работы по своему усмотрению, будут ли то цеховые или нецеховые рабочие, короче говоря, могли делать все, что им угодно было, не обращая внимания на цеховые власти и постановления.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Мануфактуры с несвободным трудом.

Еще ярче выражено случайное, вызванное совместным местожительством производителей, возникновение второй категории централизованных мануфактур, тех, которые устраивались в домах призрения, работных домах, тюрьмах и т. п. заведениях. В XVII—XVIII ст. в этих заведениях повсеместно учреждались мастерские. Сироты и подкидыши часто также работали в этих мастерских, при чем воспитательные дома были нередко соединены с исправительными заведениями и домами для умалишенных. Так, известный сиротский приют в Пфорцгейме, в котором дети занимались пряденьем, был соединен с домом для умалишенных и исправительной тюрьмой. Это было заведение для слепых, глухонемых, безумных, воспитательный приют и смиренный дом одновременно. В Регенсбурге часть сиротского приюта была отдана под исправительную тюрьму, сидельцы последней занимались: мужчины—пилением бразильского дерева, женщины—пряденьем. В Брауншвейге и во Франкфурте-на-Майне работный дом, исправительное заведение, сиротский приют были соединены вместе. Такое же соединенное заведение для преступников и умалишенных существовало в Лейпциге: *et improbis coercendis et quos deseruit sanae mentis usura custodiendis*—гласила характерная надпись над воротами.

Во всех этих заведениях были устроены мастерские. В исправительном доме в Брейзахе сидельцы занимались пряденьем пеньки и льна, в Магдебурге они трепали, чесали и пряли шерсть, в Берлине сидельцы работного дома (нищие, бродяги, женщины, лечившиеся в *Charité*, нищие дети) должны были прядь шерсть; в 1775 году их насчитывалось 192 мужчин, 300 женщин, 42 мальчика и 71 де-

вочка. Амстердамский мужской исправительный приют даже прямо назывался „*Rasphuis*“, женский—„*Spinhuis*“ (*netoria domus*): в первом производилось пиление красильного дерева, во втором—пряденье. В Любеке и Гамбурге специальные тюрьмы для воров-рецидивистов и проституток также назывались прядильными домами. И в том, и в другом городе существовал, кроме того, соединенный работный дом, где производились преимущественно текстильные изделия. Мальчики и женщины в данцигском заведении обязаны были прядь, наматывать и чесать бомбазин.

Подобным же образом и в Австрии в XVIII веке были повсюду в работных домах устроены мастерские для изготовления текстильных изделий. В Силезии, Каринтии, Моравии были учреждены прядильни. Кроме того, арестанты, бродяги, нищенствующие дети обучались пряденью, ткачеству, вышиванию, и все они обязаны были работать. Указом 1766 г. велено прекращать безделье живущих в особенности в предместьях молодых и праздных женщин и привлекать их к честному труду. И арестантов заставляли заниматься выделкой шерстяной пряжи. Во многих местностях Австрии и до сих пор тюрьмы именуются „прядильнями“,—указание на то, в чем заключалась деятельность тюремных сидельцев в прежние времена.

При Кольбере, как и ранее, в начале XVII века, сидельцы исправительных домов и дети в сиротских приютах во Франции занимались вязаньем чулок и пряденьем. Всех работоспособных нищих сажали в дома призрения и заставляли работать; в нескольких работных домах они занимались полировкой зеркал, изготовляемых на королевской мануфактуре. В XVIII веке мы находим целый ряд домов призрения, в которых устроены различные мануфактуры: в одних—чулочновязальные (Париж, Седан, Мец, Валансьен, Марсель) в других—суконные (Париж, Бове, Лион, Дижон), в Ле-Пюи—для производства одеял, которые экспортировались в Америку. В Валансьене дети в

сиротском приюте выделывали кружева, в люневильском сиротском доме они занимались ткачеством. Близ Сент-Аманда была устроена прядильня для борьбы против нищенства путем доставления нищим честного заработка. В Лилле, в виду недостатка в бумажной пряже, пряденье хлопка для надобностей скупщиков было введено в сиротском приюте и в тюрьме. Цеховые мастера во многих местах сильно возмущались этой конкуренцией и пробовали протестовать, но безуспешно.

„Работоспособным нищим—гласит английский закон 1601 года—должна быть доставлена работа, и, следовательно, необходимо приобрести для домов призрения запасы льна, пеньки, шерсти, ниток, железа и других материалов“. Актом 1624 г. учреждаются работные дома (знаменитые *working houses*). В Лондоне первый был открыт в 1670 г., затем в 1697 г. в Бристоле, в 1707 г. в Плимуте. Туда помещали и призреваемых малолетних для приучения их к труду.

В этих мерах выражается принцип борьбы с ленью, с бездельем. „Труд, и еще раз труд—стало лозунгом времени“ (Леви). „Если бы он был даже столь же бесплоден, как, напр., постройка пирамиды в *Salisbury Plain*—говорит Петти,—то все же следовало бы развивать его, чтобы снова приучить ленивых людей к труду“. И каждый раз снова звучит созданное в Англии пуританизмом религиозное понятие труда, хотя бы лишь в отрицательной форме, предупреждая усиление лени людской какими-либо мерами. „Ибо поощрение безделья—заявляет Франклин—противоречит божественному порядку и природе“.

Как мы видели, английские теоретики XVII—XVIII ст. высказываются в пользу низкой заработной платы и высоких цен на хлеб, в виду того, что это удерживает рабочих от безделья и пьянства, заставляет их трудиться все шесть дней в неделю, а последнее, в свою очередь, поднимает их моральное состояние и в то же время увеличивает коли-

чество прилагаемого в промышленности труда. Таким образом религиозные идеалы кальвинистов, всячески прославляющих труд как богоугодное дело, и экономические требования увеличения богатства в стране и расширения экспорта вполне совпадали. Жалобы на существование массы опустившихся, грязных и избегающих труда, но трудоспособных людей раздаются в Англии в XVII ст. весьма часто, указания на бич для населения в виде полуголодных, не имеющих занятия бродяг встречаются здесь постоянно, как впрочем и повсюду на континенте. Безработица рассматривается не как результат экономических условий, а как следствие „бсгопротивной лени“. „Люди, не желающие работать,—читаем у Дефоз—составляют большинство наших бедняков, а не те, которые не могут работать“. „И все работные дома Англии—прибавляет он—не могут помочь этому“. А в одном памфлете 1678 г. о „бедных“ говорится, что большинство из них вообще не желает работать, если они не могут заработать в 2 дня столько, чтобы жить на это всю неделю. Отсюда вытекала необходимость борьбы с многочисленными бедняками, которые сами повинны в своей бедности—„своим ленивым, беспорядочным и лукавым образом жизни“. Работные дома являлись таким средством устранения лени, бродяжничества, бедности. Они должны были силою вызвать у этих людей охоту к труду, исправить их; сидельцы работных домов должны были почувствовать неприятность, позорность, несвободу своего состояния и стремиться к изменению его. Но в то же время им давалась возможность применить свой труд, они включались или возвращались вновь в ряды рабочего класса, они содействовали увеличению производимого в стране труда, расширению промышленности.

Целью устройства смиренных и работных домов являлось преимущественно заставить бродяг заниматься полезным трудом. В Амстердаме при учреждении исправи-

тельного дома для женщин руководствовались следующими соображениями. В 1596 году городской совет, по предложению лиц, заведывавших призрением бедных, и шеффенов, обсуждал вопрос относительно подходящего места для прядильни, где молодые девушки и другие лица, приучающиеся к нищенству и безделию, занимались бы прядением шерсти и могли бы зарабатывать себе пропитание. Так как несколько скупщиков шерстяных изделий предложили выгодные условия (очевидно для закупки производимой исправительным домом пряжи), то совет признал учреждение такого заведения „очень добрым и христианским делом“ и предложил бургомистру осуществить этот проект. В следующем году и было устроено заведение в стенах прежнего женского монастыря. В 1686 г. Великий Курфюрст издал эдикт относительно устройства „исправительных, прядильных и мануфактурных заведений“, куда должны помещаться, если нужно, силой все безработные и их дети. Как видно из введения к эдикту, он имел в виду этим путем, с одной стороны, содействовать развитию суконной промышленности, а с другой— приучить ленивых к труду. В Баварии в 1762 г. учреждено казенное шерстяное предприятие с целью борьбы с нищенством и бродяжничеством— нищие и бродяги обязаны прядь шерсть в прядильных домах, где они должны быть помещаемы. Пряжа сдается новому предприятию, которое ее, в свою очередь, раздает ткачам для дальнейшей обработки. В целях устранения нищенства было устроено и другое предприятие бумажных и шелковых тканей, всячески поощряемое казной. Население английских рабочих домов также состояло из всевозможных бродячих элементов, как-то: рабочих, не находивших работы или отказывавшихся исполнять ее по установленной мировым судьей плате, нищенствующих студентов, лиц, не имевших ни земли, ни денег, ни дозволенного занятия, нищенствующих моряков, рассказывавших о том, что их судно потерпело крушение, но не имевших со-

ответствующего удостоверения, далее шулеров, фокусников, гадалщиков, вожаков медведей и т. п.

Сидельцы рабочих и исправительных домов состояли, таким образом, преимущественно из лиц, не находивших себе работы в области ремесла или кустарной промышленности, или не желавших приложить свой труд в этих областях производства. На мануфактуры, устроенные иностранцами, они не желали идти; стоило большого труда заставить население (в особенности сельское) посещать вновь учрежденные предприятия; в работе на мануфактурах оно усматривало занятие низменного свойства, по сравнению с цеховыми промыслами см. ниже). Но то же самое население, которое отказывалось от работы (или не находило ее), не трудно было принудить к этому, хватая безработных как бродяг и сажая их в устроенные для этого дома-мануфактуры. В 1721 г. было решено устроить поблизости от Граца суконную мануфактуру (она называется „фабрикой“). В составленном местной коммерческой палатой проекте указывалось на то, что сотни людей голодают и проводят время в безделье, становясь в тягость населению. С этой целью необходимо учредить „суконную фабрику, которая, вместе с тем, должна быть рабочим домом“. Нищих, способных к работе, — говорится в этом проекте— имеется великое множество, в качестве директора найден человек, хорошо знакомый с производством сукна и обладающий известным капиталом, который в состоянии найти и необходимых мастеров и подмастерьев. Для начала следует производить не более 1000 штук солдатского сукна в год, ибо неизвестно, как организуется сбыт, и с этой целью понадобится около 150—200 рабочих. Нужно, следовательно, „переловить и арестовать“ такое количество нищих, бродящих по улицам г. Граца. Этим путем не только будут добыты рабочие силы для мануфактуры, но и очищен город от нищих, ибо от страха все остальные разбегутся из города, и жители обязаны будут

мануфактуре благодарностью или, точнее, обязаны будут за это доставить необходимый для ведения мануфактуры капитал, внося в пользу мануфактуры то, что они раньше тратили в качестве подаяния нищим. Бехер находит полезным не только ловить нищенствующих для устройства мануфактур и для освобождения страны от нищих, но даже привлекать нищих из других стран, в целях развития промышленности. Очевидно, на первом плане у него стоят не меры общественного призрения, а учреждение мануфактур, и с этой целью он признает нужным ловить нищих и сажать их в работные дома-мануфактуры. Такие же работные дома были устроены австрийским правительством в Праге, Триесте, Пильзене, Линце, Идрии, Эберсдорфе, Гезанге и т. д. „Устройство фабрик в государстве—говорится в одном австрийском постановлении 1763 г.—кроме других польз дает возможность праздному населению заниматься трудом и иметь заработок, а тех, кто этим не желает воспользоваться, принудить к тому силою, запирая таких бездельников в работные дома“.

Как указывает Макс Адлер („Oesterr. Gewerbepolitik“),— рабочий персонал мануфактур состоял преимущественно из несвободных элементов, которые потеряли гражданскую правоспособность или не успели еще приобрести ее; рабочими являлись преступники, бродяги, нищие и сироты *). Адлер в данном случае отождествляет работные и исправительные дома с промышленными предприятиями и поступает вполне правильно. По отношению к рассматриваемой эпохе XVII—XVIII ст. необходимо совершенно отрешиться от современной точки зрения на принудительную работу в тюрьмах и признать исправительные заведения особой и притом важной категорией мануфактур, рядом с двумя дру-

*) Лампрехт также обращает внимание на то, что рабочие немецких (централизованных) мануфактур состояли первоначально из бродячего населения.

гими группами их—мануфактурами, устроенными иностранцами и работавшими преимущественно при помощи иностранных рабочих, и немногочисленными мануфактурами, возникшими органически, главным образом, из кустарных предприятий.

В Эрфурте, где также приют для бездомных бедняков и их детей был соединен с исправительным заведением для преступников и для профессиональных нищих, мы находим—по словам Horn'a („Erfurts Stadtverfassung“)—„фабрику шерстяных чулок и шапок“. „Заведующий этим заведением был в сущности фабрикантом. Правда, инструменты приобретались на казенный счет, но он доставлял на свой счет материал и пищу для принудительно посаженных в заведение лиц; бедным же, добровольно туда севшим, он обязан был, кроме того, уплачивать еженедельно 1 грош.; в пользу заведывающего поступала вся вырученная от продажи произведенных изделий сумма. На приобретение постельного белья, на топливо и освещение он получал ежегодно 1.000 талеров из городской кассы по призрению бедных“.

В г. Тур интендант (губернатор) дю-Клюзель в 70-х г.г. XVIII ст. входит в соглашение с местным капиталистом по поводу устройства последним мануфактуры по изготовлению шерстяных одеял, чтобы дать заработок беднякам и в частности сидельцам смирительного дома. Владелец мануфактуры обязался кормить, одевать и в случае надобности, лечить своих рабочих, а для „поощрения“ отчислять в их пользу одну восьмую дохода. В свою очередь, он получал субсидию пропорционально числу занятых на мануфактуре нищих, пользовался правом налагать на свои произведения штемпель „manufacture des pauvres“, и изделия ее должны были приобретаться для нужд смирительных домов (Ардашев).

Первые мануфактуры—говорит Гееринг („Basels Handel und Industrie“) — были учреждены в сиротских и испра-

вительных домах. Так это было и в Базеле. Еще в 1581 г. Стефано Пеллизари проектировал устройство мануфактуры, на которой могли бы найти себе пропитание преимущественно бедные дети, но вследствие противодействия со стороны цехов, которые усматривали в этом нарушение своих прав, он не добился разрешения. 80 лет спустя, его проект был осуществлен самим городом, который не обратил внимания на цеховые привилегии. В 1665—1669 гг. городской совет учредил „исправительный и сиротский дом“, сидельцы которого занимались текстильным производством. Сначала была устроена позументная мастерская, а затем мастерская для изготовления „разного простого, серого, черного и белого сукна по дешевой цене, под руководством чесальщика и ткача шерстяных материй Иоганна Шнейдера“. Цехи были бессильны устранить такую конкуренцию. В 1713 г. они заявили протест против устроенной в сиротском приюте мануфактуры („фабрики“), но получили следующий ответ: „когда государство предпринимает что-либо ad rias causas, то цехи могли бы держать язык за зубами“.

Таким образом, учреждение мануфактур, пользовавшихся принудительным трудом, вызывалось не только трудностью заставить население добровольно идти на мануфактуры, но и необходимостью выдерживать сильную борьбу с цехами, в случае учреждения мануфактур частными лицами и при помощи свободных рабочих. И то, и другое затруднение устранялось, когда та же мануфактура носила фирму „рабочего дома“. В этом случае она, наоборот, могла еще пользоваться исключительными привилегиями. В Бремене борьба ткацкого цеха с работным домом, где производились текстильные изделия, была столь же бесплодна, как и в Базеле. В Амстердамском исправительном заведении для мужчин производился плюш, атлас и шерстяные изделия. Кроме того, сидельцы занимались распиливанием всевозможных сортов красильного дерева, как-то: бразильского,

кампешевого, сандалевого, белого и красного и т. п. дерева, привозимого из тропических стран и употребляемого как для крашения, так и в медикаменты. При этом уже в 1599 году распиливание красильного дерева было объявлено городом монополией исправительного дома, а в 1602 году, в виду того, что некий Петр Янтц устроил по близости от города ветряную мельницу для пиленья дерева, эта привилегия была распространена на всю Голландию и Западную Фрисландию. Для того, чтобы привилегия не нарушалась, было постановлено в 1660 году, что никто не в праве заказывать распиловку дерева в других местностях или привозить оттуда распиленное дерево. Исправительный дом получал заказ от купцов, которые доставляли ему материал; здесь он обрабатывался, распиливался, разрезывался или размалывался за определенную поштучную плату. Во главе всей мануфактуры стояли два ткача, заведывавшие мастерскими по обработке шерсти и шелка, и один мастер, руководивший пиленьем дерева.

И в других исправительных, работных и сиротских домах находим обыкновенно правильно организованные предприятия, разделяющиеся на несколько мастерских, во главе с мастерами-специалистами в данной отрасли производства, с известным разделением труда. Так, напр., в Гамбурге (и в Любеке), где, как и в других местах, сидельцы заведения состояли преимущественно из нищих и бродяг, была устроена и прядильная и ткацкая мастерские, и там же происходило и расчесыванье шерсти; кроме того, здесь изготовлялись фитили для артиллерийских орудий, а с 1689 г. и холст для парусов. Курфюрст Бранденбургский Иохим II велел даже выписать из Гамбурга и из Голландии мастеров, которые руководили бы производством, устраиваемым им (в 1608 г.) в исправительном доме для работоспособных взрослых и детей, занимающихся нищенством. Кольбер—говорит Де-Силлель,—желал, чтобы дома призрения для нищих были настоящими мануфактурами и

пользовались всеми привилегиями, предоставленными последним. Он не ограничивался дарованием всем открываемым заведениям права устраивать мануфактуры, но в некоторых случаях и сам указывал, какой характер они должны иметь. Так, в Труа Кольбер велел учредить в доме призрения такую же чулковязальную мануфактуру, какие устраивались иноземными предпринимателями под названием королевских мануфактур.

Характеру промышленного предприятия вполне соответствовало и то, что мануфактуры с принудительным трудом отдавались на откуп предпринимателям, и что лица, находившиеся там, получали за свой труд известную плату. В Бадене в XVIII ст. все исправительные и работные дома были арендованы предпринимателями. В Пфюрцгейме предприниматель платил сидельцам исправительного и сиротского дома, который он взял в аренду, около 10 гульд. ежегодной платы. Устроенное в 1687 г. в г. Шпандау исправительное заведение было сдано на откуп двум торговцам шелковыми изделиями, Мюллеру и Копишу, но производство шелка оказалось невыгодным, почему в 1693 г. заведение было передано суконщику Крахту. Последний не ограничивался прядением, но устроил также и ткацкое отделение и изготовленные сидельцами шерстяные изделия сбывал по выгодной цене. Берлинский дом призрения для слабых здоровьем нищих, в котором производилось прядение, находился в заведывании нескольких купцов и доставлял им хороший доход. В предприятии Эфраима по изготовлению шелковых кружев и блонд (в 70-х г.г. XVIII ст.) работали девушки из потсдамского сиротского дома; для обучения их были выписаны кружевницы из Франции. Потсдамский сиротский дом вообще играл важную роль в прусской промышленности, доставляя предпринимателям нужных им рабочих.

Давид Гирш, учредивший в 1731 г. предприятие по выделке бархата в Потсдаме, жалуется на то, что у него

нет необходимых для производства рабочих рук: с выписанными им иностранными рабочими из Копенгагена, Голландии, Гамбурга „он имеет много неприятностей“. Поэтому он просит сделать распоряжение о том, чтобы ему выдавались дети из сиротского дома в Потсдаме. Фридрих Великий положил на этом ходатайстве резолюцию „отлично“ (Acta Borussica. Preussische Seidenindustrie im XVIII Jahrh.). Указом 1748 г. и предпринимателю дамастовых и шелковых изделий Рису велено „предоставить из потсдамского сиротского приюта мальчиков для обучения и девочек для кручения шелка. Таким образом сироты не только работали в самом приюте для предпринимателей (напр., берлинский промышленник Юэль давал заказы тому же потсдамскому сиротскому дому по выделке шелковых вышивок), но и посылались на мануфактуры, как впоследствии (см. выше, гл. X) в Англии на фабрики.

Указывая на то, что в голландских исправительных домах сидельцы (преимущественно бродяги) еженедельно получали большую часть выработанной ими платы, которая изменялась в зависимости от характера труда, меньшая же часть выдавалась при выходе, Гиппель находит, что мы в данном случае уже в XVII веке встречаем весьма ясное понимание того значения, которое имеет плата за труд в качестве стимула к труду и как мера, дающая людям возможность начать честную жизнь по выходе из тюрьмы. Но, объясняя подобным образом причину получения заработной платы несвободными рабочими этих мануфактур, Гиппель становится на точку зрения современного тюрьмоведа и совершенно забывает о том, что люди XVII и XVIII века, устраивавшие эти заведения, не имели никакого понятия о современных пенитенциарных теориях (ибо теория вознаграждения тюремных арестантов возникла в самое последнее время) и совершенно не могли преследовать тех целей, которые ему самому кажутся столь правильными. Он упускает из виду, что в те времена смот-

рели на этих лиц не как на преступников, какими они в большинстве случаев вовсе и не были, а лишь как на бродяг и нищих, которых необходимо заставить работать, что в этих заведениях устраивались целые, правильно организованные мануфактуры (в отличие от тех работ, которые ныне исполняются в тюрьмах), для которых, как мы видели выше, нередко специально избиралось бродячее и нищенствующее население и выписывались иностранные мастера-специалисты *). Иначе он понял бы, что заработная плата, получаемая этими несвободными рабочими, вызывалась вовсе не пенитенциарными соображениями, а тем обстоятельством, что в них видели рабочих мануфактур, которые за свой, хотя и подневольный труд, получают такое же вознаграждение, как и все прочие. Правда, эта плата в большинстве случаев была крайне мизерна, но это являлось уже результатом эксплуататорских намерений предпринимателей, арендовавших то или другое заведение, или лиц, поставленных во главе его, которые, конечно, старались извлечь возможно большую прибыль из рабочих, находившихся всецело в их власти, и имели полную возможность сокращать при всяком удобном случае и без того незначительную плату **). Так, в исправительном, прядильном или рабочем доме в Нюрнберге, где находились бродяги, нищие, проститутки, дети-сироты, все эти лица занимались пряденьем, а также шлифованьем стекол, при чем всех, даже беременных женщин, стариков, больных и умалишенных беспощадно заставляли шлифовать

*) При этом не следует упускать из виду, что—как мы увидим дальше—и рабочие на свободных мануфактурах вовсе не имели полной свободы, а, наоборот, находились в состоянии весьма близком к крепостному.

**) Впрочем, мы находим иногда и мануфактуры со свободным трудом, где рабочим не полагается никакой денежной платы. Плату получают только управляющий и старшие мастера, выписанные из-за границы.

стекла, весь же доход поступал в пользу заведующего заведением, который усматривал в этом вознаграждение за ту жалкую пищу, которую он давал им *). Но и в этом случае свое нежелание платить рабочим известное вознаграждение

*) Любопытно, что в данном случае цех, выделявший очки, не только не жаловался на конкуренцию исправительного дома, а наоборот, желал (в 1754 г.), чтобы и преступники, находившиеся в другом специальном заведении („Loch“), а также нищие из домопризнания были переселены в „Zucht-und Spinnhaus“ и занимались бы также шлифовкой стекол, иначе конкуренция Фюрта побьет производство очков Нюрнберга. Это объясняется, повидимому, тем, что нюрнбергский цех, производивший очки, занимался изготовлением оправ для очков и составлением последних и нуждался в шлифованных стеклах, почему и заботился о распространении этой отрасли производства в рабочих и исправительных домах.

Однородные факты находим в России и Польше. Указ Петра Великого 1719 г. гласит: „Господа Сонат! Били челом нам Московские полотняного дела компанейщики Андрей Турка с товарищи, чтоб для умножения полотняной фабрики тонких полотен отсылать к ним для пряжи льну баб и девок таких, которые будут в Москве из Приказов, также из других губерний по делам за вины свои наказаны, а пропитание им давать они станут от себя, но токмо-б для той работы отвести им на Москве из опальных двор с каменными палатами. И по получении сего пошлите указы как в Московскую, так и в другие губернии, дабы виновных баб и девок отсылали к ним в работу для пряжи льну, и писали-б именно: сколько которой лет в той работе быть, или по смерти, усматривая по их винам. И для той работы велите им дать на прядильный двор на Москве из отписных с каменными палатами, а именно Аврамов двор Попухина, и другой из загородных опальных же дворов, где они сами прищут. И для караула к тем бабам, чтобы они не бегали, дайте им в компанию из отставных солдат, сколько человек заблагорассудите, и чтоб они пропитание давали от себя-ж“.

Во второй пол. XVIII ст. у нас отдавались на „фабрики“ (т. е. на мануфактуры) беглые, свободные гулящие люди, и „непомнящие родства“, а также незаконорожденные, „ззорные дети“, как они именовались и дети из Воспитательного дома, заштатные церковники и солдатские дети. На „фабрики“ отсылались женщины, виновные в различных преступлениях, публичные женщины, нищие—бедные и

граждение он основывал не на том, что речь идет о преступных элементах, которым не полагается платы за работу, являющуюся для них наказанием, а ссылаясь на то, что их труд недостаточно производителен, чтобы рядом с натуральной платой, выдаваемой им в виде пропитания (и одежды), им можно было давать еще и денежное вознаграждение).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мануфактуры, возникшие из более ранних форм производства.

К этим двум категориям мануфактур присоединяется еще третья: мануфактуры, возникшие генетически из более ранних форм производства. По Марксу, мануфактуры возникают двояким путем. В одних случаях рабочие, принадлежащие к различным самостоятельным ремеслам, со-

малолетние, которые ходят по улицам и просят милостыню», просящие милостыню солдаты, «подлые и неимущие люди» из купечества и разночинцев мужского пола; в 1753 г. было предписано «шатающихся по миру мужского пола разночинцев, кои в службы не годны, а работать еще могут, отдавать на фабрики в работу, также баб и девок и малых ребят и из богаделен определенных на жалованье отнюдь по миру ходить не пускать» (См. Семевский, «Крестьяне в царствование имп. Екатерины II»).

В Польше акционерная компания шерстяных мануфактур, возникшая в 1766 г., пользовалась трудом детей, помещенных в сиротском приюте, и сидельцев исправительного дома. Для суконной мануфактуры в Кракове, учрежденной в 1788 г., рабочие набирались из нищих, калек и бродяг; их ловили в городе и его предместьях и действительно доставляли в госпиталь св. Духа. Современник, экономист Дембовский, находит похвальным, что мануфактура пользовалась трудом нищих, т.-е. людей, непригодных для сельского хозяйства и таким образом, «не наносила последнему ущерба. Такая же мануфактура существовала в Варшаве; туда набирались бродяги в целях очищения Варшавы от нищих. (См. Вобьей, «Очерки по истории польской фабричной промышленности». Т. I, 1909).

единяются под одной кровлей, под командой одного и того же капиталиста. Карета ранее являлась продуктом труда целого ряда мастеров: каретников, седельников, портных, слесарей, портупейщиков, токарей, позументчиков, стекольщиков, маляров, лакировщиков, позолотчиков и т. п.; мануфактура, изготовляющая кареты, соединяет всех этих ремесленников в одном здании и согласует работу каждого из них с работой, производимой всеми другими. Каждый из этих рабочих перестает уже заниматься своим ремеслом во всем его целом, а ограничивается теми немногими операциями из области своего ремесла, в которых нуждается мануфактура, и которые уже становятся его исключительной специальностью. По мнению Маркса, и целый ряд других мануфактур, суконных, шелковых и т. п., возник из подобной комбинации самостоятельных ремесленников.

Рядом с мануфактурами, образующимися путем такой комбинации различных промыслов, возникают — говорит он — мануфактуры и иным путем — посредством комбинации мастеров, принадлежащих к одной и той же отрасли производства. Ремесленники, изготовляющие один и тот же продукт, напр., бумагу, булавки, типографский шрифт, объединяются в одной и той же мастерской, где каждый ремесленник при содействии одного — двух подмастерьев изготовляет весь предмет от начала до конца, производя все необходимые для этого операции, одну за другой. Постепенно, однако, и самый характер труда изменяется: устанавливается разделение труда. Вместо того, чтобы различные операции производились одним и тем же ремесленником, одна за другой, они отделяются друг от друга и выполняются одновременно, каждая из них производится определенным рабочим. Таким образом, индивидуальный продукт самостоятельного ремесленника превращается в социальный продукт целого ряда рабочих, из коих каждый выполняет только одну определенную операцию (см. гл. I).

Теория возникновения мануфактур, установленная Марксом, является и до сих пор, при полном почти отсутствии социальных исследований, посвященных характеристике этой формы производства и ее отличительных особенностей—едва ли не единственной, выясняющей вопрос о том, как образовалась форма производства, именуемая централизованной мануфактурой. Однако, Маркс недостаточно разграничивает ремесло и кустарную промышленность, и во многих случаях говорит о самостоятельных ремесленниках, превращаемых в мануфактурных рабочих, там, где в действительности речь может идти лишь о зависимых кустарях. Цитируя по поводу лионской шелковой промышленности Бланки, который различал лишь ремесло и мануфактуру, но не имел понятия о существовании третьей формы производства—кустарной промышленности, Маркс верит ему на слово, что мастера, не будучи соединены в одном здании и под начальством одного фабриканта, были, следовательно, независимыми ремесленниками, тогда как мы в настоящее время прекрасно знаем, что в XVII и XVIII ст. и даже ранее, они все уже были кустарями, работающими на скупщика (см. выше). Точно также неправильно указание Маркса на то, что суконная мануфактура и целый ряд прочих мануфактур возникли подобным же образом, как каретная—путем комбинации различных самостоятельных ремесленников. Как мы видели выше, в текстильной промышленности вообще и в шерстяной в частности, далее в производстве металлических изделий (между прочим и булавок (см. выше, А, гл. I, о которых упоминает Маркс), в кожевенном промысле и др., предмет, изготавливаемый ранее целиком одним и тем же цеховым мастером, уже с конца средних веков был разбит на части, из коих каждая стала специальностью определенной группы кустарей, объединяемых одним и тем же скупщиком-предпринимателем.

Конечно, мануфактуры второй категории, основанные на простой кооперации и соединяющие мастеров того же

промысла, могли образоваться непосредственно из ремесла. В этих случаях, как указывает Маркс, разделение (расчленение) труда между рабочими вовсе не входит первоначально в план предпринимателя, оно создается впоследствии обстоятельствами чисто-внешнего характера, напр., необходимостью произвести в течение известного времени более значительное количество продуктов. Так возникли действительно те мануфактуры, которые мы отнесли к первой (нашей) группе—мануфактуры в новых отраслях производства, созданных иностранцами: пример мануфактуры, производящей изделия из бумажной массы, или типографии в данном случае правилен. Целый ряд мануфактур являлся первоначально, как мы видели выше, лишь соединением мастеров, из коих каждый работал самостоятельно (с подмастерьями),—соединением, вызванным необходимостью жить вместе в особом привилегированном месте и помещении *). В иных случаях, как, напр., в набивном или типографском производстве к этому присоединялась и необходимостью пользоваться одними и теми же инструментами. Но для прочих, в особенности уже ранее существовавших отраслей производства, это объяснение не применимо. Если продукт изготовлялся целым рядом независимых ремесленников, то что могло побудить капиталиста объединить этих мастеров и образовать мануфактуру? Иное дело, если этот капиталист был уже ранее скупщиком и направлял продукты от одного мастера к другому; тогда становится понятным, что желание сберечь на расходах, связанных с раздачей материала и передачей продукта, в частности на плате посредникам-факторам, а также избежать кражи материала кустарями и, наконец, усилить надзор над производством, могло побудить скупщика объединить разрозненных рабочих под одной крышей и взять все производство в свое непосредственное управление. Таким

*) См. выше, гл. I.

образом, предполагал образование мануфактур из самостоятельного ремесла, а не из кустарной промышленности, мы не в состоянии объяснить возникновение всех тех мануфактур, которые не появились вновь в новых отраслях производства, а образовались генетически из более ранних форм производства в существовавших издавна и наиболее важных отраслях промышленности.

Разделение труда в этих отраслях промышленности было весьма значительно и раньше; при переходе к мануфактуре сделаны лишь дальнейшие, хотя и весьма значительные успехи в том же направлении. Между разделением производства, которое существовало уже раньше, и расчленением труда на мануфактуре (терминология Бюхера, *Produktionsteilung u. Arbeitszerlegung*) по существу нет значительной разницы: в первом случае объектом разделения труда является целый процесс производства (напр., изготовление сукна, которое разделяется между прядильщиком, ткачем, красильщиком и т. д.), во втором—лишь часть его (напр., окраска сукна распределяется на несколько отделов), так что, за разделением известного процесса производства на несколько частей следует дальнейшее расчленение каждой части. Бюхер указывает на то обстоятельство, что в первом случае меняется владелец продукта, тогда как при расчленении труда на мануфактуре продукт, переходя из рук в руки, все-таки остается собственностью того же лица, именно того, кому принадлежит мануфактура. Однако, он признает, что и в первом случае „во главе всего процесса стоит капиталист (скупщик), который направляет продукт от одного мастера к другому для дальнейшей обработки“. Этот капиталист является обыкновенно фактическим владельцем продукта, а нередко и юридическим: он передает каждый раз мастеру лишь принадлежащий ему материал для исполнения того или другого процесса производства. Остается лишь одно различие: при разделении производства на самостоятельные процессы

образуются новые хозяйства, новые предприятия, новые промыслы, между тем, как в дальнейшей стадии—при появлении мануфактуры и расчленении данного процесса на отдельные части внутри мануфактуры появляются лишь рабочие новых специальностей. Но существенного значения это различие иметь не может, по крайней мере, поскольку речь идет о переменах, происходящих в социальном положении рабочих. Факт тот, что разделение процесса производства вызывает превращение самостоятельных ремесленников в зависимых кустарей, между тем как переход последних на мануфактуру не влечет за собою значительной перемены в отношении их зависимости от предпринимателя.

Как же возникли мануфактуры из более ранних форм промышленности?

Некоторое указание на то, как возникли мануфактуры этой третьей категории, дают нам предприятия со свободным рабочим населением смешанного типа: одни процессы производства происходят в заведении предпринимателя, имеют централизованный характер, другие попрежнему производятся на дому у кустарей. Так, напр., австрийские мануфактуры по изготовлению бумажных и шерстяных тканей в Швехате и в Линце производили только окончательную отделку материй (*аппретуру*) в собственных помещениях Восточной компании, тогда как вся остальная работа раздавалась на дом кустарям. На суконной „фабрике“ Иоанна Фриса в Фридау (Австрия), по отчету 1763 г., имелось, кроме директора и трех служащих, 56 „фабрикантов“, т. е. рабочих на самой мануфактуре, тогда как в Фридау и восьми других местностях на нее работало 2266 человек. В Лилле в XVIII ст. существовали три ситценабивные мануфактуры, но в них происходил только набойный процесс, все же предшествующие операции, не только изготовление пряжи, но и ткачество, совершались сельскими кустарями, доставлявшими ткани в город на ману-

фактуры. Мы видим из этого, как постепенно и лишь отдельные процессы производства из кустарной формы превращались в мануфактурную. Любопытно, что такое соединение различных форм производства мы находим даже в производстве стекла. Так, изготовление зеркал по самому характеру своему требовало соединения более или менее значительного числа рабочих в одном и том же помещении для совместной работы. Тем не менее, эта форма производства выдерживалась не вполне. Например, в учрежденном в начале XVIII ст. в Нижней Австрии предприятии по изготовлению зеркал (в Нейгаузе) 15 проц. рабочих были заняты на дому. Во всех тех случаях, где не требовалось совместной работы нескольких, она отдавалась на дом; поэтому, напр., политура зеркал принимала форму кустарного производства. Да и самая мануфактура не имела в этом случае характера чего-либо цельного. Отдельные мастерские ее были разбросаны на значительном пространстве, так что управляющему приходилось держать лошадей для надзора за работами на мануфактуре.

Трельтш дает ясное представление о том, как возникли мануфактуры в вюртембергской текстильной промышленности. „Те моменты, в которых современная экономическая наука усматривает причины возникновения мануфактур *) (т.-е. крупных централизованных предприятий),— говорит он:—именно стремление к введению технических улучшений, установление внимательного и постоянного надзора за производством и борьба с растратой и утайкой ценных материалов—все это побудило и кальвскую компанию, старавшуюся производить товары лучшего качества и более ценные, переходить, начиная с половины XVIII века, постепенно к новому способу производства. Зачатки относятся приблизительно к 1765 году. Однако,

*) У Трельтша повсюду „фабрика“ (как в источниках?) вместо „мануфактура“.

первоначально компания вовсе не имела в виду концентрацию ткацкого и прядильного производства, а выбирала из среды прядильщиц и ткачей известное количество лиц, кто-то из которых получали на дом лучшие сорта шерсти и пряжи и обрабатывали их под надзором членов компании и на основании известных установленных правил. Лишь несколько лет спустя компания поняла, что этой меры (а равно другой, принятой в том же направлении: был назначен специальный техник, заведывавший пряденьем и не входивший в состав компании) недостаточно: улучшение процесса производства оказывалось выгодным лишь при изготовлении тканей высших сортов в более значительном количестве и в случае концентрации производства этих товаров. Был нанят швейцарец по имени Чуди, который устроил сушильную мельницу, приводимую в движение лошадиной силой. Далее, компания приобрела в Страсбурге прессовальную машину с цилиндрическим валиком за 1210 гульд. Одновременно особое здание, где находилась первоначально сахаро-рафинадная мануфактура (завод), было отведено для чистки и чесания шерсти. Наконец, и тканье узорчатых материй компания стала производить на станках, установленных в ее собственных помещениях. Подготовительные операции производились на мануфактуре: в 1787 г. компания имела 35 чесальщиков и 6 сортировщиков; далее, шерсть отдавалась попрежнему для выделки пряжи на дом и затем, в виде пряжи, вновь возвращалась на мануфактуру для сортирования, сушенья, беленья, валянья, а также крашенья. Основа изготовлялась в отдельной мастерской, так что тканье (утка) являлось единственной операцией, производимой ткачем, все остальные работы не касались его. Ткацких станков было, впрочем, на мануфактуре немного: в 1774 г. 4, в 1787 г. 9, в 1790 г. и в следующие годы (компания существовала до 1797 г.) не более 6—8. Однако, на каждом из этих станков производилось вдвое большее количество фабриката, чем при ра-

боте на дому, так как на мануфактуре ткач имел постоянно работу и не должен был производить подготовительных операций с пряжей, отнимавших у него прежде много времени.

Так наз. ситцевая „фабрика“ в Зульце на Неккаре являлась также первоначально торговым предприятием, сбывавшим хлопчатобумажные материи частью в сыром, частью в обработанном виде. Однако, в виду неудачных конъюнктур, компания стала постепенно сокращать прядильное и ткацкое производства и обращать свое внимание на конечные стадии производства, на аппретурный и красильный промыслы. По мере того, как совершалась эта перемена в производстве, происходила концентрация рабочих в собственных помещениях компании, и устанавливалось разделение (расчленение) труда на мануфактуре. В 1760 г. на зульцкую компанию работало на дому 112 ткачей и 556 прядильщиц, но всего 26 рабочих на мануфактуре, в 1764 г. первых насчитывалось 225 ткачей и 1292 прядильщиц, вторых—130; наконец, в 1777 году на мануфактуре, принадлежавшей компании, насчитывалось 162 человека. Среди последних было 34 малолетних, 32 подростка от 13—17 лет и 96 взрослых рабочих, среди рабочих преобладали женщины (20 девочек, 16 подростков, 53 женщины старше 17 лет, итого 89*). Разделение труда на мануфактуре было значительно развито: рабочие разделялись на целый ряд групп, из коих каждая производила лишь немногие определенные операции, как-то: набойку, накладывание красок на пресс, окраску тканей, белење, лошење, отливание моделей, гравированье и т. п. При этом и здесь, как и у кальвской компании, мануфактурные рабочие были в материальном отношении поставлены несравненно лучше, чем кустари, работавшие для тех же компаний. „Нет сомнения,—заключает Трельшт,—что в

Зульце мы имеем благотворные результаты концентрированного и хорошо управляемого предприятия, которое на каждое место ставило наиболее подходящие силы, стараясь их вполне использовать и оплачивая их, вместе с тем, надлежащим образом“.

Рассмотренные нами предприятия являлись едва ли не единственными во всей текстильной промышленности Вюртемберга мануфактурами, возникшими генетически из более ранних форм производства. Общераспространенной формой производства в XVII—XVIII ст. была вообще кустарная промышленность. Если же попадались мануфактуры, то они либо были устроены в исправительных заведениях и сиротских приютах, либо учреждались иностранцами во вновь вводимых последними отраслях индустрии. Это положение вполне подтверждается теми данными, которые приводит Готейн относительно Бадена. Подробно излагая развитие различных отраслей промышленности в отдельных местностях Шварцвальда и прилежащих к нему областях в XVII—XVIII ст., он повсюду констатирует существование кустарного производства, факторов и рабочих, производящих на дому, несмотря на громкие названия „фабрик“ и „мануфактур“. Исключениями являются лишь два-три предприятия, как, напр., ситценабивные мануфактуры в Леррахе (Баден) и Ландсгуте (Бавария), учрежденные в обоих случаях швейцарцами, и мануфактура (с 60 рабочими), изготовлявшая железные изделия, инструменты, сружие, занесенная из Англии и устроенная по образцу английских. Кроме того, мануфактуры возникли в сиротских приютах и исправительных заведениях Пфюрцгейма, Брейзаха, Гюффингена. Как мы видели выше, все они были сданы на откуп частным предпринимателям, при чем в одном только Пфюрцгейме, да и то лишь в связи со смиренным и сиротским домом, возникла ткацкая мануфактура, где обрабатывалась произведенная в исправительном заведении пряжа.

*) О труде женщин и детей на мануфактурах см. ниже, гл. V.

Такие смешанные предприятия мы находим и в других странах. Одни процессы производства имеют место на мануфактурах, ибо бродяг нужно было переловить и запереть в определенное заведение. Напротив, дальнейшая обработка раздается на дом местным жителям. Так, учрежденная в 1689 г. в Баварии торговая компания, получившая исключительное право привоза иностранного сукна, обязана была, вместе с тем, принимать для сбыта произведенный местными суконщиками товар и доставлять последним необходимую пряжу. Для изготовления последней она должна была устроить мануфактуру, в которой пряжа выделывалась бы переданными компании правительством нищими и бродягами. Подобный же характер имели и две другие суконные „фабрики“, устроенные в Баварии около Мюнхена и около Ландсгута для снабжения войска сукном. И в этих случаях для бродяг устроены были прядильные дома, сукно же из этой пряжи изготовлялось кустарным способом и доставлялось на „фабрику“.

Для богемской мануфактуры графа Вальдштейна, которой около 3 тыс. крепостных доставляли пряжу в виде барщины, работало 400 ткачей в окрестностях, но только 30 ткачей в самой мануфактуре; в зданиях последней производилась окраска и набойка тканей. И на другой богемской мануфактуре работали „фабриканты“ на 40 набивных станках, и сверх того несколько тысяч „людей“ было занято прядением и ткачеством. „Фабрикантами“ обозначались работавшие в здании мануфактуры, „людьми“—рабочие на дому (Зальц). Во всех этих случаях в помещенные мануфактуры перешел таким образом только один процесс производства материй—конечный процесс; при этом это был новый процесс—набивное производство появилось лишь в XVII ст.—и требовавший в виду характера производства—на одних и тех же станках—соединения рабочих в общих помещениях. Как относились к учреждению централизованных мануфактур в Австрии еще в половине XVIII

ст., можно усмотреть из доклада одной из богемских торговых палат 1738 г., где говорится, что „каждый цех суконщиков и шляпников, чулочников и льноткачей состоит из фабрикантов, дом и мастерскую каждого из них следует называть фабричным домом. Очевидно, излишним является устройство обширных зданий для фабрик, сопряженное с большими расходами. Города и иные подходящие места в королевстве Богемии и должны представлять собою фабричные здания“.

Свободные рабочие крайне неохотно шли на мануфактуры: не только в Пфюрцгейме ни один из местных жителей не вступил на вновь учрежденную мануфактуру, но и в других местностях и странах—Австрии, Франции, предпринимателям стоило огромного труда получить хотя бы небольшое количество рабочих для мануфактур, даже и тех, которые—это были редкие случаи—были учреждены вне всякой связи с исправительными заведениями; мануфактурный рабочий стоял, по народному воззрению, на низшей ступени социальной лестницы, несравненно ниже не только цехового подмастерья, но и деревенского кустаря: „большие фабрики“, т.-е. централизованные мануфактуры, называли „могилой нравственности, приводящей к полной гибели последней и ко всем печальным последствиям, связанным с этим“. Это являлось, несомненно, последствием того, что большая часть мануфактур учреждалась в исправительных домах и т. п. заведениях или, во всяком случае, находилась в тесной связи с ними.

Сколько-нибудь точных данных о количестве мануфактур, существовавших в XVIII ст. в различных странах мы, к сожалению, не имеем. Исключение в этом отношении составляет Бельгия, благодаря анкете о состоянии мануфактур, произведенной там в 1764 г. Результаты этой анкеты разработаны Жюленом в мемуарах Брюссельской академии. Жюлен сообщает подробные и точные данные о каждом предприятии. Из его исследования видно, что и в

Бельгии текстильная промышленность в XVIII ст. имела преимущественно кустарную форму производства. Пряжа производилась почти исключительно на дому, и точно также огромное большинство ткачей работало на дому по заказу скупщика. Лишь в виде исключения встречаются в этой отрасли промышленности централизованные мануфактуры. В половине XVIII века насчитывалось не более 10—12 мануфактур, обрабатывавших волокнистые вещества, при чем и эти мануфактуры одновременно с производством в мастерских раздавали работу на дом кустарям. Так, шерстяная мануфактура в Мехельне имела 175 рабочих, но, кроме того, 259 работало для нея на дому; на камлотовой мануфактуре в Турне работало 62 человека, пряжа же для нее производилась сельскими кустарями-женщинами, в количестве 800. Для ткацкой мануфактуры в Брюгге с 80 рабочими и для полотняной мануфактуры в Турне с 277 рабочими пряжу изготовляли кустари—в первом случае 66, во втором около 535 человек, а мануфактура одеял в Мехельне, имея 80 рабочих, раздавала работу на дом вдвое большему числу кустарей. Такое соединение мануфактур с кустарной промышленностью можно рассматривать как переходную форму к централизации производства в мануфактурах. Значительное количество централизованных мануфактур мы находим лишь в железодельной и стекольной индустрии, при чем, однако, эти мануфактуры весьма невелики, по крайней мере, если судить по числу рабочих: численность рабочих обыкновенно не превышает 15—30, лишь в виде исключения она достигает 40—45. Из крупных мануфактур встречаются, помимо приведенных ткацких, фарфоровая мануфактура с 200 рабочих, табачная со 151 рабочим и лесопильня со 102 рабочими.

Условия не изменились и к концу XVIII века: в Бельгии господствовала по-прежнему деревенская кустарная промышленность, в городах же имелось небольшое количе-

ство централизованных мануфактур, среди них всего несколько крупных. В Брюсселе обращала на себя внимание каретная мануфактура, „быть-может, единственная этого рода в Европе. Владелец ее Симон—списывает путешественник—нанимает обыкновенно от 100 до 120 рабочих, которые работают бок-о-бок в обширных помещениях, хорошо освещенных большими окнами... Все, что входит в состав кареты, железо, кожа, дерево, лак, позолота и краска, соединено в этой единой в своем роде мастерской. Продолжительность работ, время начала и конца их указаны в больших вывешенных в предприятии объявлениях... Для человека, совершающего большие путешествия, я не нахожу ничего, что могло бы сравниться с почтовой каретой, которую я здесь видел, и где имеется стол, кровать со всеми принадлежностями. Все государи Европы заказывают у него парадные кареты“.

Еще больше по своим размерам была ковровая мануфактура в Турне, но из 4.500 ее рабочих всего 900 находилось в помещении мануфактуры, все же остальные получали работу на дом.

Для Франции вопрос о степени распространения централизованных мануфактур (этой категории) в XVIII ст. обстоятельно, на основании архивного материала, выяснил проф. Е. В. Тарле. Несмотря на постоянное упоминание многочисленных „фабрикантов“ в источниках, оказалось весьма немного мануфактур, да и те большую часть работы раздавали кустарям; под „fabricant“ понимались не только владельцы мануфактур, но и рабочие последних, и скупщики, и ремесленники, и кустари, в том числе деревенские. Французские авторы редко обращают внимание на это обстоятельство, не вникая в терминологию того времени. Иногда они делают прямые ошибки; напр., Пикар, ссылаясь на наказ крестьян одного из приходов Мэна 1789 г., говорит об одном заведении, где 500 человек рабочих занималось обработкой железа, следовательно, о крупной ма-

нуфактуре. Но при ближайшем анализе наказа оказывается, что они не только распределялись между двумя заведениями (так что на каждое приходилось меньшее число), но и не работали в них, ибо о них говорится, что они снимают землю в аренду, держат лошадей для сельского хозяйства, и крестьяне стараются избавиться от этих опасных соседей по полю, производящих поправу на чужой земле.

Власти „вообще не особенно благоволили к типу заведения, сосредоточивающего рабочих в своих стенах. Орлеанский муниципалитет с удивлением и сдержанным порицанием относится к проекту этого рода“, ибо это мешало бы работницам заниматься хозяйством. „Крупные мануфактуры, которые не только дают заработок нескольким сотням рабочих—говорит проф. Тарле,—но где рабочие работают в самом здании заведения, являлись редкими исключениями“. Такова была основанная в конце XVII ст. голландцем Ван-Робе в Аббевилле (Пикардии) суконная мануфактура, работавшая для армии, в четырех зданиях которой работало (в середине XVIII ст.) 1000—1200 прядильщиц, и кроме того в нескольких нанимаемых ею помещениях другие рабочие, при чем все они и жили в этих зданиях. Савари, давая эти сведения, прибавляет, что ни одного подобного предприятия во Франции не существует. Встречаются, правда (в виде исключения), и другие текстильные предприятия с тысячами рабочих, но преобладают среди последних кустари. Напр., обширная мануфактура в Бофоре, снабжающая парусным холстом королевский флот, насчитывает всего 40 человек, работающих в здании мануфактуры, но 2.100 разбросанных вне ее, и не только в городе, но и по деревням всей округи. Вся округа работала и на весьма известную мануфактуру полотен Оберкампа—он давал заработок 1800 рабочим, из которых лишь часть работала в здании мануфактуры. В хлопчатобумажном предприятии близ Орлеана числилось 2.100 ра-

бочих—предприятие несомненно крупное, но все эти рабочие были разбросаны по деревням, и не только Орлеанской области, но даже других соседних провинций. Чуть ли не крупнейший парижский предприниматель в производстве газовых материй, именуемый „fabricant de Paris“, Сантэрр, дает работу 500 рабочим. Но где они работают? В деревнях, лежащих близ Сен-Кентэна, далеко от Парижа, где Сантэрр торгует. Еще крупнее такой промышленник, как Гудар—владелец бумагопрядильных и суконных мануфактур в Лангедоке. Но работающие на него 6.000 чел. сосредоточены не в трех его заведениях, даже не в трех городах—они рассеяны по всему Лангедоку. В шелковой промышленности находим, правда, известную концентрацию рабочих, но ее „нужно понимать только так, что рабочие жили в Лионе, в Туре, в Ниме—в городе, где жил их хозяин и заказчик, а не в окрестных деревнях.

Нужно читать документы того времени—говорит Е. В. Тарле,—чтобы „вынести глубочайшее убеждение о полной непривычке хозяев к такому порядку вещей, когда рабочие работают в здании промышленного заведения. И фабриканты шелка в этом отношении не отличались от других“. Характерно, что последние, говоря об „опыте, научившем их, что почти неосуществимо собирать в одном месте большое число рабочих“, ссылаются на то, что в этом случае нужно поместить вместе с ними и жену, и 3—4 детей, и домашних животных, а для этого помещения не хватит. А так как собирать рабочих в здании мануфактуры только для работы, но не для житья невозможно, то приходится давать им заказы на дом. Исключение составляла шелковая мануфактура Вокансона в Лангедоке, сосредоточивавшая 120 станков под одной кровлей, что особенно подчеркивает инспектор мануфактур, выражая свое удовольствие по поводу такого объединения рабочих в одном здании. Даже зеркальные мануфактуры и во Франции нуждались в кустарях, в жителях окрестных деревень, которые испол-

няли подготовительные работы по заказу мануфактуры или заранее заготавливали необходимые ей части, как это было, напр., с зеркальной мануфактурой в Бургони, на которую работало (в ее помещении и на дому) 600 мужчин, женщин и детей.

И в Англии, где, впрочем, вообще мануфактур было весьма мало, меньше чем на континенте, мы находим весьма немного мануфактур третьей категории. В Норвиче, Фроме, Таунтоне, Девайзе, Стоутбридже и других центрах текстильной индустрии—говорит Гобсон („Эволюция капитализма“)—Дефоз нашел ткацкую промышленность весьма сконцентрированной и богатых предпринимателей, владеющих значительным числом станков. Часть этой работы они раздавали ткачам, работавшим у себя на дому, а другая часть уже исполнялась в больших казармах, составлявших собственность предпринимателя. Эти крупные организованные предприятия, полу-фабричные (мануфактурные), полу-домашние, встречались в центрах текстильной индустрии западной Англии, вплоть до конца XVIII столетия. Предприниматель (master clothier)—цитирует Гобсон—закупает шерсть у импортера, если шерсть заграничная, или прямо в овчарнях, если она домашняя, затем, при обработке шерсти, он обращается к различного рода рабочим, так как каждый процесс выполняется особым классом последних; одни рабочие производят у себя на дому, другие у хозяина, но ни один из них не выходит из пределов своей специальности. Каждый класс рабочих приобретает большую ловкость при постоянном исполнении какой-либо одной операции, результатом которой является, несомненно, общепризнанное совершенство сукна, изготовляемого в западной Англии.

И в хлопчатобумажной промышленности Ланкашира купец (скупщик) снабжал ткачей пряжей и основой, а в некоторых местностях из этой формы производства постепенно образовались небольшие мануфактуры, где наемные

рабочие работали на хозяйских станках, и это совершалось еще в первой половине XVIII в. Несколько позже, но задолго еще до приложения пара, Артур Юнг находит мануфактуру в Дарлингтоне, где работают свыше 50 станков, мануфактуру в Бойтоне с 150 рабочими и шелковую мануфактуру в Шеффилде со 152 рабочими... Усовершенствованные пути сообщения—заключает Гобсон—начали расширять рынок, увеличение предприятий делало выгодным введение разделения труда и вызвало потребность в более строгом надзоре, чем это возможно было, когда рабочие были рассеяны в своих избах по деревням.

Как указывает Манту, и во второй половине XVIII века в текстильной промышленности Англии лишь в виде исключения возникают централизованные мануфактуры. Появляются отдельные суконщики, которые соединяют несколько станков в своих домах, не три—четыре, как это делали мастера-кустари, а десять или двенадцать. Но и в этих случаях они продолжают одновременно раздавать работу и вне дома: у одного суконщика 11 ткачей работают в его помещении, 10 у себя на дому, на другого работает 27 станков, из коих всего 13 в помещении суконщика. В значительном количестве централизованные мастерские стали возникать лишь тогда, когда начали вводиться машины, но тогда это уже были не мануфактуры, а фабрики.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выгоды централизованных мануфактур. — Разделение труда на мануфактурах.

По сравнению с домашней или кустарной промышленностью, централизованная мануфактура, как форма предприятия, представляла существенные выгоды для предпринимателя. Устранялись прежде всего две невыгодные стороны домашней промышленности: необходимость пользоваться услугами факторов-посредников при раздаче материала кустарям и при получении его обратно в обработанном виде и утайка материала и другие обманные операции, совершаемые ткачами. В 1750 г.—рассказывает Готейн—сборщик таможенных пошлин в верхнем Брейсгау Килиан стал скупщиком хлопчатобумажной пряжи и тканей в различных местностях Шварцвальда. Во многих местах прядильный промысел совершенно не прививался, и все усилия его оказывались тщетными, ибо все дело портили факторы: они расплачивались с кустарями не деньгами, полученными у Килиана, а кружевами, лентами и другими товарами, засчитывая их по повышенной цене. Вследствие этого, население отказывалось работать. В других местах прядильщики работали по заказу Килиана, несмотря на то, что его факторы прямо грабили их, но и для Килиана это было убыточно. Его конкуренты старались привлечь факторов на свою сторону, и последние во многих случаях служили двум предпринимателям одновременно: полученную шерсть они обменивали на худшую и обманывали их обоих. Первоначально 100 гульденов в год, получаемых фактором, считались вполне достаточной платой, но впоследствии установился обычай уплачивать фак-

тору, кроме того, по 3 крейцера за каждый фунт хлопка, который он раздавал кустарям. Однако, и этим они не удовлетворялись: Килиан вынужден был выдавать им значительные беспроцентные ссуды, чтобы удержать их в своей власти.

За эксплуатацию населения предпринимателем и посредниками население платило такой же монетой—обманами. В краже хлопка и утайке полученного материала рабочие вскоре могли соперничать с факторами. После исповеди предприниматели нередко получали тайком значительное количество хлопка, похищенного у них. Это являлось хоть некоторым противовесом против утайки материала. В фальсификации же пряжи прядильщицы—как бы на основании молчаливого соглашения—не усматривали ничего дурного, и эту фальсификацию они производили с редким искусством. Они незаметно заменяли две трети тонкой пряжи толстой пряжей, смачивали пряжу над кипящей водой и сверху вновь осушали ее. Им удавалось вложить около двух-трех лотов песку на каждый фунт пряжи, и Килиан жаловался на то, что у него на складе лежат товары, ценностью в 30 тысяч гульд., так как он не в состоянии доставлять покупателям товар надлежащего качества, без подделок. И ткачество—говорил он—неудовлетворительно, несмотря на массу потраченных денег, ибо ткачи употребляют такие же приемы, как прядильщицы. Действительно, еще семь лет спустя, констанцские купцы, в ответ на правительственную рекомендацию товаров Килиана, указывали на то, что они не находят сбыта ни на ярмарках, ни даже в разносной торговле.

Подобные же явления мы можем встретить повсеместно в кустарной промышленности. В Ахене существовал особый сорт материй, произведенных из краденой шерсти: под предлогом, что они скупают розданную ими же шерсть, различные скупщики открыто торговали этими товарами, доставляемыми им кустарями. В Крефельде утайка полу-

ченного шелка не только не считалась чем-либо дурным, но, наоборот, в этом видели особый подвиг. Хотя в 1735 г., было издано постановление, согласно которому рабочие, признанные виновными в краже, наказывались заключением в крепости, при чем родители отвечали за детей, а лица, скупавшие материал, признавались скупщиками краденого, тем не менее хищения и впоследствии принимали обширные размеры; когда они открывались, то обнаруживались целые шайки, занимавшиеся этим промыслом.

В Англии—говорит Кэннингем—постоянные жалобы скупщиков на утайку материала рабочими обратили на себя внимание общества. Это явление считалось большим бедствием, неразрывно связанным с производством промышленных изделий на дому. Так как предприниматели и факторы совершенно не имели возможности наблюдать за кустарями, то в 1727 году мировым судьям Уильтшира, Глочестершира и Сомерсетшира было предоставлено право назначать особых инспекторов, которые наблюдали бы за производством в области шерстяной промышленности, где это зло было особенно распространено; в 1765 году эта мера была применена и в Йоркшире. Одновременно с этим наказания за утайку материала усиливались: начиная с 1701 г., за это полагались каторжные работы (hard labour). Из закона 1726 года можно усмотреть, что эти хищения породили особый промысел „endgaderer'ов“. Последние скупали у кустарей обрезки пряжи и тканей, приобретая и незаконно утаенные рабочими „остатки“, почему закон и воспретил вовсе этот промысел. Единственной мерой, действительно достигающей цели, являлось установление надзора над рабочими, и было решено даже пожертвовать господствовавшим в Англии уже много веков правом всякого хозяина не допускать посторонних лиц в свое жилище ради того, чтобы дать предпринимателям возможность надзора за производством вообще и за теми рабочими в особенности, которых они подозревали в утайке материала.

С этой целью скупщикам предоставлялось посещать жилища рабочих, при чем рабочий, оказывавший противодействие, подвергался штрафу в размере 20 ф. стерл.

Из этих данных видно, что англичане уже тогда понимали, что переход от раздачи работы на дом к производству в централизованных заведениях, где установлен постоянный надзор за рабочими, является единственным способом прекращения злоупотреблений со стороны рабочих. Но этим достигалась и другая, не менее важная цель: надзор за процессом производства дает возможность введения улучшенных приемов обработки материала. Конечно, для этого необходимы были надсмотрщики, которые следили бы за работой и стояли бы во главе мастерских. Но несколько надсмотрщиков заменяли собою целый штат факторов-посредников, который упразднился при переходе от кустарного способа производства к мануфактуре. А на небольших мануфактурах, какие по преимуществу только и возникали, даже и этого не требовалось: весь надзор и все руководство сосредоточивались в руках предпринимателя. Наиболее существенная выгода заключалась, однако, в разделении (расчленении) труда, в том, что предприниматель, покупая рабочую силу и уплачивая за нее попрежнему соответственно той ценности, которую создавал каждый рабочий в отдельности, пользовался тем, что производил этот рабочий в качестве составной части целого механизма. Он присваивал себе плоды той ловкости и того умения, которое приобретал рабочий при расчленении процесса производства на мануфактуре, плоды той увеличенной интенсивности труда, которая являлась результатом кооперации рабочих.

Недаром Адам Смит, отличавшийся столь редкой наблюдательностью, поставил во главе своего сочинения вопрос о разделении труда, усматривая в последнем единственный фактор, увеличивающий производительность труда. Оно имело в XVIII веке огромное общественное значение.

Сочинение Адама Смита предшествует эпохе великих изобретений, оно появилось до наступления эры машинного производства—этого никогда не следует упускать из виду *). По его словам, со времени Эдуарда IV в текстильной промышленности появились всего три крупных усовершенствования: замена веретена самопрялкой (spinning wheel), применение аппаратов, облегчающих надлежащую подготовку основы и утка (winding), и введение сукновалок (fulling mill) для уплотнения сукна вместо того, чтобы мять сукно в воде. В этом перечне—прибавляет Тойнби—Смит забыл, однако, упомянуть об автоматически движущемся челне, изобретенном в 1738 году Кэем; но на следующей странице он же указывает, цитируя Бэна, на то, что в Ланкашире—центре текстильной индустрии—самодельствующий челнок был введен в употребление лишь в 1760 г.; следовательно, в эпоху Смита это изобретение еще никакого значения иметь не могло, а Смит останавливается лишь на тех усовершенствованиях, которые действительно играли в его время роль в производстве, увеличивая производительность труда. Он упоминает и о том мальчике **) (Гемфрей Поттер), который в 1713 г. соединил веревками движущиеся части паровой машины, так что клапан открывался и закрывался автоматически без его помощи. Однако, это была еще водоподъемная машина Ньюкомена, которая и в горном деле (не говоря уже об индустрии) никакого переворота не произвела ***)—па-

*) Эйзенгарт („Geschichte der Nationalökonomik“, Iena, 1901, стр. 41 - 42); Мориц Мейер („Die neuere Nationalökonomie in ihren Hauptrichtungen“, 4 е изд., Минден, 1885, стр. 9) и др. ошибочно относят Адама Смита к эпохе промышленного переворота и введения машин в Англии.

**) Манту находит этот рассказ легендарным, происходящим от игры слов: boy (мальчик) и боу (указатель уровня воды в паровой машине).

***) См. I. M. Кулишер, „Эволюция прибыли с капитала“. Т. II, стр. 14 и сл.

ровой машины Уатта Смит еще не знал,—и поэтому он не придавал этому изобретению значения. Имея это в виду, мы поймем, почему Смит так мало обращал внимания на машины, приписывая в то же время столь важную роль разделению труда, как фактору, увеличивающему производительность труда.

Он указывает на существование разнообразных форм разделения труда *), но с особенной любовью останавливается на одном виде его—на разделении (расчленении—Arbeitszerlegung, по терминологии Бюхера) труда на мануфактуре. В виде примера он берет булавочную мануфактуру: все булавочное производство разделяется приблизительно на 18 операций, которые на некоторых мануфактурах исполняются таким же числом рабочих, на других же один и тот же рабочий выполняет две или три операции. Смит видел сам небольшую мануфактуру, где было всего десять рабочих, так что разделение труда не могло быть проведено вполне,—мануфактуру плохо оборудованную,—и, тем не менее, при усердной работе изготовлялось более 48 тыс. булавок в день, так что на долю каждого рабочего приходилось 4 800 штук. Между тем, если бы каждый работал отдельно от прочих и производил все необходимые операции, то ни один из них не приготовил бы и двадцати, а многие, быть-может, не сделали бы ни одной булавки в течение целого дня. Это огромное возрастание производительности труда вызывается, по мнению Смита, тремя моментами: увеличением ловкости рабочего, вследствие постоянного упражнения в одной и той же операции; далее, сбережением во времени, которое теряется при переходе от одной работы к другой—„частая перемена занятий делает человека ленивым и неспособным к на-

*) У него мы находим, кроме Arbeitszerlegung, также Produktions-teilung, Berufsspaltung и Berufsbildung, по терминологии Бюхера, но Бюхер последней не замечает. Arbeitsverschiebung у него не могло быть за отсутствием развитой индустрии, применяющей машины.

пряженному и серьезному труду даже при производстве наиболее спешных работ“; наконец, возможностью применения более усовершенствованных инструментов, соответствующих тем специальным операциям, на которые расчленяется работа.

Булавочную мануфактуру Ад. Смит приводит в виде примера по той причине, что „едва ли в какой-либо другой отрасли производства разделение труда и качество необходимых инструментов может быть доведено до той степени совершенства, как в промыслах обработки благородных металлов; в производстве же сукна разделение труда находится в настоящее время я том же положении, в каком оно было сто лет тому назад, и употребляемые в этом промысле инструменты почти не изменились“. „Принцип разделения труда—говорит Эмануэль Герман—стал применяться (в XVIII веке) в мастерских по выделке стеклянных и металлических изделий. Адам Смит, таким образом, не случайно выбрал булавочную мануфактуру в качестве примера расчлененного, свойственного мануфактуре способа производства“. Эта мануфактура относится к области производства изделий из металла, как и иголочные мануфактуры, мануфактуры, производящие часы (о часовом промысле Смит также упоминает), оружие и т. п., где повсюду было введено подобное же разделение труда. В Шеффилде и Бирмингэме действительно насчитывалось в половине XVIII века несколько централизованных мануфактур, изготовлявших металлические изделия. Так, Джозеф Гальтон владел в 1765 г. шестью мастерскими (в Шеффилде), где изготовлялись всевозможные железные и медные товары. Матью Болтон—впоследствии компаньон Уатта—имел также в 60-х годах XVIII века в Бирмингэме мануфактуру, производившую самые разнообразные предметы из железа, меди, серебра, черепахи, в том числе бронзовые орнаменты, цепочки для часов и т. п. В Бирмингэме находилась и мануфактура Джона Тайлора, спе-

циальностью которой являлось изготовление застежек для башмаков и полированных металлических табакерок *), „Принцип разделения труда,—продолжает Герман—есть несомненно принцип экономический; однако, расчлененный труд изменяет свой характер. Работа производится при помощи специальных инструментов, вспомогательных приборов, моделей, образцовых мер (в XVIII веке?) и других приспособлений для точного воспроизведения одних и тех же производительных процессов; вследствие этого она составляет переходную ступень к работе на машинах, которые появились в совершенно иных отраслях промышленности: они возникли в горном деле, и развитие их относится к сфере текстильной индустрии“.

Результатом введения разделения труда явилось, по Ад. Смиту, „значительное понижение цен на изделия слесарного и ножевого промысла, а равно на различные мелкие металлические вещи, известные под именем бирмингэмских и шеффилдских изделий“, а также на часовые механизмы. „В суконном производстве разделение труда и стоящее в связи с ним употребление более усовершенствованных инструментов хотя и не сделало значительных успехов за сто лет, однако, и в том и в другом отношении могли произойти различные улучшения, последствием которых было некоторое понижение цен сукна. Но если сравним цену сукна в настоящее время с той ценой, которая существовала в более отдаленную эпоху, напр., в

*) Что касается разделения труда в стекольном производстве (упоминаемом также Германом), то в эту эпоху оно и здесь несомненно достигло значительных размеров. По крайней мере, в Бельгии в половине XVIII века находим среди мануфактур по производству бутылок и мануфактур, выделяющих оконные стекла, рядом с предприятиями, где имеется всего четыре-пять различных категорий рабочих, и такие, где число специальностей доходит до пятнадцати, как, напр., на бутылочной мануфактуре в Брюгге или на хрустальной мануфактуре в Намюре.

конце XV века, когда разделение труда было весьма не-совершенно, а употребляемые инструменты были более низкого качества, то разница в цене окажется более ощутительной и более несомненной*.

Вызывая значительное возрастание производительности работы, разделение труда имеет последствием всеобщее благосостояние, в котором принимают участие все классы населения вплоть до самых низших. „У каждого рабочего—говорит Смит—получается излишек за покрытием его необходимых потребностей, который он может употребить по своему усмотрению; а так как прочие рабочие находятся в таком же положении, то рабочий имеет возможность обменять значительную часть изготовленных им предметов на предметы, произведенные другими лицами“... Выгода от этого для рабочего несомненно велика: „имущество крестьянина состоит из весьма простых и обыкновенных предметов, если сравнить его с роскошью обстановки какого-либо богача; тем не менее, между домашней утварью европейского государя и утварью трудолюбивого и бережливого крестьянина расстояние будет, быть-может, меньше, чем между обстановкой крестьянина и обстановкой какого-нибудь африканского царька, царствующего над десятью тысячами нагих дикарей и произвольно распоряжающегося их жизнью и свободой“. Таков результат разделения труда.

Адам Смит признает, таким образом, что и при современных ему социальных условиях, когда далеко не весь продукт поступает в пользу рабочего, последний извлекает значительные материальные выгоды из применения принципа разделения труда в производстве. Однако, в более ранние эпохи, предшествовавшие обращению земель в частную собственность и накоплению капиталов, весь продукт принадлежал рабочему, и последнему не приходилось делиться ни с землевладельцем, ни с промышленным предпринимателем, так что „если бы это состояние сохранилось, то заработная плата с каждым возрастанием произ-

водительности труда, вызываемым разделением труда, увеличилось бы соответствующим образом. Но это состояние прекратилось задолго до того, как совершились важнейшие успехи в смысле увеличения производительности труда“, т. е. задолго до возникновения мануфактур и введения расчленения труда в мануфактурных заведениях, почему Смит и признает бесполезным долее останавливаться на вопросе о влиянии возрастания производительности труда на заработную плату при условии получения рабочим всего продукта его труда. Когда же земля обратилась в частную собственность и накоплены капиталы, то из продукта труда земледельца вычитается рента в пользу землевладельца и прибыль, присваиваемая фермером. „Подобные же вычеты в пользу капитала производятся из продукта почти всякого иного труда. Во всех ремеслах и промыслах большая часть рабочих нуждается в хозяине, который доставлял бы рабочему материал и средства существования, необходимые ему до окончания работы. Хозяин удерживает часть продукта или часть той ценности, которую рабочий присоединяет к обрабатываемому им материалу, и эта часть составляет прибыль с капитала“. Таким образом, плодами разделения труда, выражающимися в увеличении производительности его, по крайней мере частью пользуется капиталист, снабжающий рабочего материалом и средствами существования во время производства.

Из этого ясно, в чем Адам Смит усматривает источник прибыли: разделение труда, вызывая возрастание производительности, при самостоятельности рабочего имело бы последствием соответствующее возрастание заработной платы или дохода рабочего—теперь же этот плюс вполне или отчасти поступает в пользу капиталиста. „В текстильной индустрии XVIII века—говорит Беатриса Вебб (Поттер)—капиталист доставлял производителю сырой материал, получал от него готовый продукт и сбывал последний на отдаленных рынках. В других отраслях промыш-

ленности он соединял рабочих в одной мастерской, снабжал их инструментами и поручал каждому рабочему или ученику определенную часть работы для того, чтобы каждый из них мог приобрести наибольшую скорость и ловкость в работе. В виду того, что капиталист платил рабочему ту же плату, какую последний получал раньше, работая отдельно, но в то же время пользовался всем тем, что производили все эти рабочие в совокупности (в качестве организованного целого), вполне ясно, что он извлекал чистую прибыль в виде того избытка, который производили рабочие при существовании разделения труда, благодаря употреблению более совершенных инструментов и благодаря приобретаемой ими скорости и ловкости в производстве*. Едва ли можно сомневаться в том, что разделение труда или точнее расчленение процесса производства на мануфактуре, являлось по Адаму Смиту тем источником, из которого получалась прибыль с капитала.

Существовали, однако, уже в то время и иные взгляды на характер промышленной прибыли. Таковы, напр., взгляды Чарльза Голля (Hall), относящиеся, впрочем, уже к 1805 г. („The Effects of Civilisation“). „Все предметы (предметы потребления, средства производства, права на доходы с государственных займов и т. д.) являются богатством для тех, кто ими обладает, так как они предоставляют этим лицам право на народный труд, на получение вещей, произведенных трудом народа. Но в то же время они обозначают возрастание бедности в народе, так как увеличиваются требования на продукты народного труда. Для удовлетворения этих требований народ вынужден сокращать то время, которое он затрачивает на изготовление предметов нужных ему самому, так что количество предметов последнего рода уменьшается и бедные в большинстве государств становятся с каждым днем все беднее и беднее. Вследствие этого, увеличение богатства и могущества одних составляет вместе с тем причину возрастания

бедности и зависимости других... Вместе с ростом богатства или возможности получать все большее и большее количество труда бедных, способность богатых потребить его постоянно увеличивается. Это происходит не только потому, что они предъявляют требование на большее количество предметов роскоши, чем раньше, но и потому, что они требуют предметов лучшего качества—и так до бесконечности. Поэтому-то количество труда, которое богатые могут требовать от бедных, не знает границ, а следовательно, нет границ и для нужды бедных. Но, может-быть, богатые с своей стороны приносят пользу бедным? „Нет,—отвечает Голль: бедный производит своим трудом почти все, что богатый ест, пьет, жилище, в котором он живет, словом все, чем он обладает или пользуется; без человеческого труда земля в состоянии была бы создать весьма мало. Правда, богатый дает бедному деньги и этим доставляет ему возможность приобретать хлеб, однако и деньги, и хлеб, купленный на них, уже ранее произведены руками бедного. Богатый ничего не производит ни для потребления бедных, ни для себя... и, несмотря на это, богатый потребляет не только не менее бедного, но нередко в десять, сто, тысячу и даже десять тысяч раз больше, в зависимости от размеров его богатства“.

Здесь повсюду противопоставляется не капитал труду, и не собственник пролетарию, а богатый бедному. Первый имеет возможность жить расточительно, второй не в состоянии удовлетворять своих потребностей, так как вынужден работать на других. В одном месте Голль впрочем говорит о рабочих, при чем указывает на то, что на богатых следует смотреть как на покупателей труда, на бедных же—как на продавцов труда, и обращает внимание на различие интересов тех и других. „Предприниматели или хозяева—говорит он—стараясь сократить ту часть продукта, которая остается бедному. Рабочие же стремятся к увеличению ее, но в большинстве случаев безуспешно,

так как силы сторон далеко не равны. Наблюдение показывает, что мануфактурные рабочие при столкновениях с хозяевами оказываются по общему правилу более слабыми. Если они прекращают работу, то недолго в состоянии выдержать, так как средств у них весьма мало, и они, подобно гарнизону, имеющему мало припасов, вынуждены вскоре сдать. Нет надобности добавлять к этому, что подобные действия, единственно возможные для них в борьбе за уменьшение бедствий, нередко прекращаются вооруженной силой. И лишь в немногих государствах существуют законы, запрещающие работодателям соединяться ради понижения заработной платы. При этом к богатым Голль относит не только владельцев мануфактур, но и скупщиков, торговцев и т. п. Он указывает на то, что, вследствие этого, не одно лишь лицо, а целый ряд лиц извлекают выгоду из каждого предмета, изготовленного рабочим; напр., от изготовления кареты имеет выгоду хозяин-каретник, хозяин-красильщик, поставщик красок, далее кожевник, хозяин-стекольщик, торговец сукном, продавец леса, владелец слесарной мастерской и др.; хотя никто из них не прилагал своих рук в производстве кареты, тем не менее, почти вся цена состоит из прибыли, извлекаемой ими.

Таким образом, присматриваясь ближе, мы видим, что под названием богатого он в действительности имеет в виду предпринимателя, не работающего совершенно и получающего прибыль от бедного, под которым понимается рабочий. Голль, правда, еще не решается применять термины „капитал“ и „труд“, а сохраняет старую терминологию, но по существу заходит уже гораздо дальше своих предшественников. Он старается вычислить, какую часть продукта „собственного труда“ пользуется рабочий или поденщик: так как, на основании различных вычислений, ценность продуктов, изготовляемых в сельском хозяйстве (Англии), составляет 112 милл. ф. ст., ценность экспортируемых фабрикатов 50 милл., а фабрикатов, потребляе-

мых внутри страны, 150 милл., то весь продукт труда равняется 312 милл. в год, заработная плата же в среднем составляет 25 ф. ст. в год, так что при 1.600,000 семьях получится 40 милл. ф. ст. Таким образом, бедные пользуются из 312 милл. всего 40 милл., т. е. восьмой частью или продуктом $\frac{1}{8}$ затраченного времени. В этом уже выражена в зачатках теория Маркса об эксплуатации труда капиталом (6 часов из 12).

Однако, из предлагаемых Голлем средств к устранению этих зол видно, какая глубокая пропасть отделяет его от научного социализма. Причину всех бедствий он все-таки усматривает в неравном распределении богатства и с этой целью предлагает либо устранить самое неравенство путем отмены права старшего в роде на наследование земельной собственности, либо уничтожить печальные последствия богатства посредством запрещения отраслей производства, изготовляющих предметы роскоши, или обложения последних столь высокими налогами, чтобы производство их сократилось. Второе средство следует предпочесть первому, так как положение в этом случае изменится лишь постепенно, и капиталы, вложенные в эти отрасли производства, смогут перейти в другие, а в то же время можно рассчитывать на верные результаты, ибо—здесь видно, что Голль стоит еще на почве учений XVIII века—„главное последствие неравного распределения богатств выражается в том, что бедные лишены возможности производить необходимые для жизни предметы, а вынуждены затрачивать свой труд на изготовление предметов роскоши“.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Положение рабочих на централизованных мануфактурах.—Прикрепление рабочих к мануфактуре.—Продолжительность рабочего дня.—Эксплоатация труда женщин и малолетних.

Каково же было положение рабочих на мануфактурах? Описаний их жизни на мануфактурах мы почти совершенно не находим. Исключение в этом отношении составляет книга Frémy о королевской зеркальной мануфактуре во Франции, где имеется много данных о положении рабочих на этой мануфактуре в XVII и XVIII ст. Из сообщаемых им сведений мы можем усмотреть следующее. Рабочие, нанятые на мануфактуру, обязаны были работать 14 часов в день с перерывом в два часа; первоначально производство по праздникам приостанавливалось, но впоследствии компания, которой принадлежала мануфактура, добилась права продолжать его и в праздничные дни, если производство не было закончено. Рабочие заключали договор найма первоначально на два года, впоследствии же, с начала XVIII ст., на четыре года. Владельцы предприятия в праве были рассчитать рабочих и в это время, без уплаты какого-либо дополнительного вознаграждения; они обязаны были лишь выдать рабочему свидетельство, без которого ни одно предприятие по производству стекла во Франции не могло нанять рабочего, служившего на королевской зеркальной мануфактуре. Рабочие же до истечения срока договора не могли уходить с мануфактуры. Покидая ее, они не только лишались возможности найти себе работу в другом месте, ибо не имели свидетельства от мануфактуры, но и подвергались преследованию: владельцы

мануфактуры имели право через своих агентов ловить таких рабочих и возвращать их обратно. Случаи оставления мануфактуры происходили неоднократно, ибо другие предприниматели старались привлечь к себе рабочих, научившихся выделывать зеркальные стекла, что составляло в то время особенное искусство. Однако, не только таких рабочих возвращали обратно, но и виновные в смазывании их предприниматели подлежали штрафу в 3000 фр. и тюремному заключению.

Будучи, таким образом, в течение нескольких лет прикреплены к мануфактуре, рабочие обязаны были в течение всего этого времени и проживать на ней, при чем подвергались и во время работы и вне ее чрезвычайно строгой дисциплине. Они не могли держать ни собак, ни коров, ни домашней птицы, не могли иметь слуг или пользоваться услугами посторонних мануфактуре лиц. В пределах мануфактуры не могло продаваться ни вино, ни пиво, ни сидр, и строго запрещалось пьянство. По окончании работы они могли выходить за пределы мануфактуры, но не далее одной мили. Охота была запрещена рабочим, исключение было установлено для охоты на волков, но и для этого требовалось специальное письменное разрешение управляющего. За всякое нарушение этих правил рабочие подвергались высоким штрафам, достигавшим месячного заработка, или же вовсе увольнялись до срока. При этом рабочие отвечали не только за собственные проступки, но и за всякое нарушение установленных правил членами их семейств. Наконец, на ночь ворота мануфактуры запирались зимою в 8 ч. вечера, летом в 10 часов; рабочие, возвращавшиеся домой позже этого часа, вынуждены были ночевать в другом месте, за что полагался штраф; еще больший штраф был установлен, однако, за перелезание через забор.

„Свободные“ рабочие здесь находились, следовательно, в состоянии, близком к крепостному. И зеркальная ману-

фактура не составляла исключительного явления в этом отношении. На известной французской мануфактуре Van Robais, которая изготовляла шерстяные ткани и представляла собою весьма крупное предприятие, также все рабочие, даже те, которые в данное время не имели работы, были прикреплены к мануфактуре. Широкой властью над рабочими пользовались, как мы видели выше, и прусские промышленники *). Право юрисдикции в отношении рабочих было предоставлено и владельцу фарфоровой мануфактуры в Фолькштедте (Тюрингия); лишь к концу XVIII ст. оно было значительно ограничено. У нас Петр Великий сотнями и тысячами приписывал рабочих к мануфактурам, создавая так назыв. посессионные фабрики: рабочие были прикреплены к мануфактуре, составляли нераздельное целое с ней. В таком же положении находились рабочие на шотландских рудниках и соляных копях: до 1775 года они были прикреплены к предприятию и продавались вместе с ним. Они носили даже внешний признак — цепь с именем хозяина.

В России в XVIII веке мы можем найти и еще большую степень зависимости — вотчинные мануфактуры, на которых работа производилась при помощи крепостных. И в Царстве Польском в эту эпоху мы имеем такие крепостные предприятия, при чем крепостные частью были обязаны доставлять в качестве барщины изготовленную для мануфактуры пряжу, частью же обрабатывали материал и производили суконные, шелковые, кружевные изделия в принадлежащих помещику зданиях, как это происходило, напр., во владениях литовского подскарбега Тизенгауза **). Этот вид мануфактуры можно было бы выделить в особую категорию, ибо на вотчинной мануфактуре

*) См. выше, стр. 123.

***) См. Вобль, „История польской фабричной промышленности“, 1909.

труд не только принудительный, как в мануфактурах, устроенных в ткрымах, рабочих домах и т. д. — к ним они стоят наиболее близко, — но и даровой. Однако, мы все же не решаемся это сделать и касаемся лишь вкратце вотчинных мануфактур по той причине, что они не составляют общераспространенного явления. В то время, как рассмотренные три группы мануфактур существовали решительно везде, мануфактуры с крепостным трудом характерны лишь для восточной части Европы — России, Польши, а также Австрии. В последней помещики устраивали мануфактуры на своих землях и заставляли работать на них своих крепостных, или же раздавали часть работы крепостным на дом. Но трудно сказать, имелось ли даже там много таких мануфактур; относительно существования вотчинных мануфактур в Пруссии совсем не встречается сведений. Между тем, только в этих обоих государствах аграрный строй допускал такого рода мануфактуры. Ибо, как мы подробно выяснили в другом месте, в период XVI—XVIII ст. не только в Англии, но и во Франции и в западной и южной части Германии не существовало ни личной зависимости крестьян, ни барщинного труда; личная несвобода и барщина сохранились только в восточной Германии, т. е. в Пруссии, Австрии, Мекленбурге, Шлезвиг-Гольштинии.

Как мы видели выше, кустарная промышленность в широких размерах пользовалась трудом женщин и детей с самого раннего возраста. Мы упоминали выше и о применении повсюду детского труда и сиротских приютах, где учреждались мануфактуры. Известный камералист Зонненфельс находит, что „сироты с раннего детства должны научиться всячески избегать безделия“, почему сиротские приюты следует соединять с мануфактурами. Тогда сироты не только приучатся к труду, но и с ранних лет будут

покрывать своим трудом часть расходов на их воспитание. Но не менее обычным труд и женщин и детей являлся на мануфактурах со свободным трудом.

Так, в 1686 г. некий Абрам Валери учредил суконную мануфактуру в Галле, на которой уже в следующем году работало 300 женщин и 50 мужчин. На шелковой мануфактуре в Шеффилде, о которой упоминает Артур Юнг, находилось 152 рабочих, в том числе и женщины и дети. В производстве венецианских кружев, введенном во Франции Кольбером, работало много женщин на мануфактурах, хотя часть их впоследствии покинула мастерские и возвратилась обратно в деревню, перейдя снова к кустарному способу производства. В чулочном промысле, в производстве саржи работали десятилетние дети. На известной мануфактуре Ван Робе из 1500 рабочих насчитывалось всего 317 отцов семейств, все остальное рабочее население состояло из жен их и детей, которые занимались преимущественно чесаньем и прядением шерсти. В частности женщин насчитывалось 900—1000, а именно: 700—800 прядильщиц, 90 чистильщиц, 40 гладильщиц, 50 мотальщиц и т. д. При этом характерно, что, напр., в Нидерландах женщины работали в XVIII веке даже в тех отраслях производства, в которых труд был тяжел и вреден для здоровья, как, напр., в солеварном промысле, где нанимались почти исключительно женщины, в производстве из бумажной массы, при обжигании кирпичей. Все это было еще задолго до появления фабрик и машин, при существовании одного лишь ручного способа производства.

Много данных имеется об условиях труда детей на австрийских мануфактурах. Иголочная и проволоочная мануфактура, устроенная Христианом Цугом в 1750 г. около Вены, получила пособие от казны „за то, что она доставляет пропитание бедным детям“. Иоганн-Баптист Фальцоргер, основавший приблизительно в то же время мануфактуру для выделки крепа, также обращался к австрий-

скому правительству с просьбой о выдаче ему премии в размере 25 гульденов за каждого мальчика и каждую девочку, работающую на его мануфактуре. Просьба была удовлетворена, но прибавлен следующий характерный приказ: „проверять от времени до времени, нанимает ли он действительно лиц мужского и женского пола, в особенности женщин, и обучает ли их промыслу надлежащим образом“. Таким образом, обучение промыслу соединялось с работой на предпринимателя; учебные мастерские были в то же время и мануфактурами. При каждой почти мануфактуре, кроме помещений для взрослых рабочих, имелись и особые помещения для детей, работавших на мануфактуре, под названием „Kinderhaus“. Дети, таким образом, были оторваны от родителей и находились в полной власти предпринимателя, который мог эксплуатировать их по своему усмотрению.

Так как родители во многих случаях не желали отпустить своих детей на мануфактуры, то правительство велело местным властям брать детей и доставлять их владельцам мануфактур. Но „любящие свободу дети“ всячески старались уйти с мануфактуры; поэтому велено магистратам оказывать владельцам мануфактур содействие в задержании таких детей и отправлении обратно на мануфактуру. Стремление детей уйти с мануфактуры мы вполне поймем, если примем во внимание их положение. Из правительственного распоряжения 1786 года, когда в Австрии о машинах еще и помину не было, мы можем усмотреть, что дети работали на мануфактурах от 5—6 часов утра до 7 часов вечера, т.-е. 13—14 часов в день, иногда даже 16 часов. Принимались дети даже моложе 9 лет. Спали мальчики и девочки в одних и тех же помещениях, что вызывало половую распущенность. В одной кровати спало 4—5 детей вместе. За проступки они подвергались тяжелым телесным наказаниям. Правда, уже тогда указывалось на необходимость изменения этих условий, на то, что без

особой необходимости не следует допускать к работе на мануфактурах детей моложе 9 лет; но ведь предприниматели могли всегда сослаться на существование такой необходимости.

Далее Иосиф II требовал, чтобы для каждого ребенка имелась особая кровать, мальчики и девочки были бы отделены, чтобы раз в неделю детей мыли и чесали и раз в месяц меняли им постельное белье. Но этот приказ его не выполнялся. Больше практическое значение имелось постановление, чтобы детям дана была возможность посещать школу, почему работа должна прекращаться раньше. После пяти часов вечера они должны заниматься в школе. Однако, и это требование принесло мало пользы, ибо после 12-часового рабочего дня дети засыпали во время урока. Многим же предпринимателям удалось сохранить и еще более продолжительный рабочий день, взамен чего они обязались нанять учителя для обучения детей по воскресеньям. Дальше этих мер эпоха мануфактур не пошла: она не считала возможным лишать родителей доставляемого детьми заработка, детей—приобретаемого таким путем с малолетства навыка к труду, а предпринимателей—дешевого детского труда.

Заключение.

В Англии уже с конца XVII и начала XVIII века исчезает монополизация отдельных отраслей промышленности. В течение XVI и большей части XVII века отдельным лицам или ассоциациям удавалось добыть у правительства за уплату известной суммы исключительную привилегию на производство того или иного промысла, как, напр., добычи олова, соли, каменного угля в определенной местности, производства и сбыта в Англии стекла, мыла, крашеного сукна, булавок и т. д. Вместе с тем, воспрещался привоз соответствующих изделий и продуктов из-за границы. По существу своему эти монополии несколько не отличались от тех, которые мы находим на континенте в ту же эпоху; монополизация скупщиками производства сукна, металлических изделий и т. д. в той или другой местности основана ведь на том же принципе. Различие между Англией и континентом состоит лишь в том, что в Англии эти монополии исчезают уже с конца XVII ст., тогда как во Франции, Германии, Австрии они существовали до конца XVIII и начала XIX ст., в горном деле даже до половины минувшего века.

Борьба против монополий начинается в Англии уже с начала XVII века: монополиста] приравнивали к библейскому мытарю, называли его кровопийцей; парламент в 1641 году исключил из своей среды четырех „монополистов“... Литература XVII века наполнена указаниями на

то, что монополизация различных отраслей промышленности ведет к тому, что владелец привилегии устанавливает цену по своему усмотрению, что цена, следовательно, повышается; но и по качеству товар хуже, чем при иных условиях, ибо ему ведь нет надобности считаться с другими производителями.

Действительно, предоставление исключительных привилегий на производство отдельных видов промышленных изделий не привело к тем результатам, которых правительство, по его словам, ожидало: обогатились лишь правительство и любимцы короля, которые получали привилегии. Система привилегий не вызвала развития соответствующих отраслей промышленности, не поощряла притока к ним новых капиталов; владельцы же привилегий не в состоянии были выполнять принятых на себя обязанностей, доставлять определенное количество продукта и т. д.

Но с начала XVIII века этой „воспитательной“ системы уже более не осуществляло: производителям была предоставлена возможность изготовлять всевозможные товары и „сбывать их в любое время и по любым ценам“. Поэтому Адам Смит уже ничего не упоминает об этого рода стеснениях промышленного развития; он восстает против других видов ограничений, настаивая на полной свободе конкуренции, но исключительных привилегий отдельных лиц или ассоциаций промышленников в его время уже не было, о них англичане уже успели забыть. Напротив, в Германии Юсти еще в 1760 г. писал: „Когда имеется только один предприниматель в данной отрасли мануфактур и фабрик (это означает: в данной отрасли промышленности), то нет той конкуренции, того соревнования в том же деле, которое вызывает производство товаров хорошего качества и низкие цены. Вследствие отсутствия этого не только страдает страна, но и невозможен вывоз за границу“.

В Германии в это время лишь мечтали об организации

крупной промышленности на началах свободной конкуренции: случилось это лишь пол-века спустя—в XIX веке.

В другой сфере, в области цеховых привилегий, и в Англии перемена совершалась гораздо медленнее. Во время пребывания Адама Смита в Глазго произошел следующий случай. Уатт работал там над своей моделью паровой машины. Узнавши об его деятельности, корпорация механиков, к составу которой он не принадлежал, запретила ему продолжать работу и только в качестве университетского механика, в пределах университета, на который надзор корпорации не распространялся, он мог продолжать работу и дать миру свое великое изобретение.

Однако, это событие все же не дает представления о действительном положении дела; во второй половине XVIII века такой образ действия городских корпораций составлял уже явление довольно редкое. В то время, как в начале XVIII века лорд Мольсворт еще сильно жаловался на вред, приносимый ими, Тукер в 80-х годах XVIII века указывает на то, что „привилегии цехов и торговых корпораций в городах в настоящее время уже обладают лишь незначительной силой, не дающей им возможности приносить много вреда, как это было раньше“.

К концу XVIII века в Англии привилегии корпораций, право на получение вступительного взноса, на осмотр произведений данной отрасли промышленности даже в городах осуществлялись весьма мало. Но и ограничение числа подмастерьев, обязательность семилетнего срока ученичества, как и установление размера заработной платы, постепенно выходили из употребления и к этому времени уже почти не имели реального значения. В новых же отраслях промышленности, где не существовало старинных, сохранивших еще силу с прежних времен, регламентов, мы не находим вовсе стеснений этого рода. Здесь совершенно отсутствовала какая бы то ни было регламентация производства; господствовала уже в половине XVIII ст.

полная свобода конкуренции. В таком положении находилась вновь возникшая отрасль производства—хлопчатобумажная промышленность, которая впоследствии стала важнейшей отраслью английской индустрии, но в половине XIX века еще имела весьма мало значения. В этой отрасли промышленности не было никакой регламентации производства или сбыта, каждый предприниматель мог по своему усмотрению производить изделия тем или иным способом, при помощи тех или других инструментов, сбывать их в любой местности по цене, назначенной по собственному усмотрению. Вместе с тем, не существовало ни таможенных пошлин на хлопчатобумажные ткани, ни установленного максимума заработной платы *).

В хлопчатобумажной индустрии, таким образом, резче, чем где-либо, обнаруживались признаки новой эры, наступление периода свободной конкуренции. Здесь предприниматель был всецело предоставлен самому себе; он не мог опираться ни на исключительные привилегии производства в борьбе с другими производителями, ни на установленную максимальную плату в борьбе с рабочими. Он вынужден был уже сам заботиться о расширении сбыта своих изделий и о сокращении издержек производства путем усовершенствования техники. В этой отрасли промышленности впервые и появились машины, здесь возникла фабрика; уже в последние десятилетия XIX ст. в Англии насчитывалось свыше 150 хлопчатобумажных фабрик, тогда как ни на континенте Европы, ни в других отраслях английской индустрии их еще почти не было.

Впрочем, и на континенте Европы регламентация производства, цеховые привилегии и т. д. постепенно теряют свое значение. Если привилегированные ассоциации скупщиков еще продолжают существовать, если владельцы мануфактур еще сохраняют за собою исключительные права

производства, то технические регламенты, ограничения в области количества и качества производства и здесь постепенно, на практике, по крайней мере, уходят в вечность. Во Франции, напр., эти регламенты уже с начала XVIII ст. выполнялись весьма плохо, во многих случаях оставались на бумаге.

А новые отрасли производства находятся и здесь в некоторых случаях в таком же положении, как и английская хлопчатобумажная промышленность. Примером этого может служить швейцарская хлопчатобумажная индустрия. В Швейцарии вообще и в кантоне Санкт-Галлене в особенности наиболее развитой отраслью текстильной промышленности являлось производство льняных изделий. Это производство подвергалось строгой регламентации: пряжа, производимая жителями окрестных сел, сбывалась исключительно в определенном месте, в Санкт-Галлене—на рынке около церкви св. Лаврентия; покупать и обрабатывать ее могли только члены ткацкого цеха, далее готовый продукт поступал в продажу лишь после осмотра его властями, и, наконец, ткач обязан был продать полотно купцу и также на специально устроенном для этого рынке. Между тем, уже около 1720 г. в Санкт-Галлене появился некий Петр Бюн, который занимался торговлей хлопчатобумажными изделиями, при чем он по своему усмотрению раздавал хлопок для выделки пряжи, закупал готовую пряжу в других местах, нанимал мастеров для обработки последней и, наконец, сбывал произведенные, таким образом, изделия в разные страны, в Австрию, Италию, Францию.

Таким образом, хлопчатобумажное производство и в Швейцарии с самого начала освободилось от всяких цеховых преград и от правительственного контроля. Как выделка хлопчатобумажных изделий, так и сбыт пряжи и тканей был совершенно свободен; производились бумажные изделия нецеховыми мастерами, пряжа и фабрикат сбыва-

*) См. Шульце-Геверниц. «Крупное производство».

лись вне установленных рынков и не подвергались осмотру. Конечно, все это произошло не сразу, не без борьбы с цехами, отстаивавшими свои привилегии, и с городским советом, который первоначально совершенно не в состоянии был уяснить себе происходившую на его глазах перемену. Но факт тот, что в 60-х годах XVIII века новая отрасль промышленности торжествовала уже победу. Предприниматели этой отрасли промышленности придерживались совершенно нового для того времени принципа, высказанного впервые представителями санкт-галленского купечества в заявлении, поданном ими городскому совету в 1785 году. „Всеобщий и бесспорный принцип торговли— читаем в этой бумаге—следующий: чем менее торговля в данной местности стеснена различными законами и ограничениями, чем больше туда стекается товаров, чем сильнее наплыв покупателей и продавцов, тем более процветает и самая торговля“ (Wartmann, „Industrie und Handel des Kantons St.-Gallen“, 1875).

Таким образом, во вновь возникшей хлопчатобумажной промышленности Швейцарии столь же резко проведен принцип свободной конкуренции, как и в английской хлопчатобумажной индустрии—дух свободной конкуренции успел проникнуть и на континент Европы. В 1800 году и в Швейцарии появилась первая прядильная машина. И здесь за свободной конкуренцией следовала новая техника производства с той только разницей, что машины были изобретены в Англии; Швейцария же прибегла к помощи англичан, стала применять на своих фабриках английские изобретения.

Каково же было влияние свободной конкуренции и фабричной промышленности, т.-е. переворота в хозяйственной жизни, происшедшего в конце XVIII ст. в Англии и в начале XIX века на континенте Европы, на положение рабочего населения?

Эксплуатация женского труда и труда малолетних,

чрезвычайно продолжительный рабочий день, антисанитарные условия труда,—все это из кустарной мастерской и мануфактуры перешло и на фабрику. То, что происходило раньше, продолжалось и в новой фабричной промышленности, при чем здесь присоединились еще многочисленные несчастные случаи как с взрослыми рабочими, так и с переутомленными детьми, от тесно расставленных машин в плохо освещенном здании.

Заработная плата сильно понизилась. В конце XVIII ст. произошло резкое возрастание цен на хлеб; денежная же плата хотя и повышалась, но не столь быстро, как хлебные цены, следуя за последними лишь медленно. Это являлось последствием того, что население в эту эпоху сильно увеличивалось, несравненно быстрее, чем в прежние десятилетия; и напротив, спрос на рабочие руки не возрастал, а даже уменьшался. Машины вытесняли рабочего, производство же расширялось весьма медленно, ибо фабриканты старались удержать цены товаров на прежнем уровне, следовательно, препятствовали расширению потребления. Таким образом, недостаточное понижение цен, мешая росту потребления, тем самым сохраняло спрос на рабочие руки на прежнем уровне и не могло служить противовесом уменьшению спроса на рабочих, происшедшему под влиянием замены ручного труда машинным. Отсюда недостаточное повышение денежной платы или, иначе—при сильном росте цен на хлеб—падение реальной заработной платы.

Правда, другой момент—установление личной свободы и свободной конкуренции—должен был действовать на заработную плату в противоположном направлении. С отменной крепостной зависимости должны были исчезнуть не только вотчинные фабрики, но и всякое прикрепление рабочих к определенному предприятию. С уничтожением монополий привилегированных компаний должна была прекратиться зависимость рабочих от определенных предпри-

нимателей. Установившаяся в Англии с конца XVIII века, во Франции со времени революции свобода рабочего договора, свобода передвижения и избрания занятий давала рабочему возможность наниматься к любому предпринимателю, в любой местности, на любых условиях. Но первоначально результаты этой перемены были весьма незначительны. Отмена максимальной заработной платы имела бы значение в эпоху возрастания платы—тогда устранение этого препятствия было бы весьма существенно. В начале XIX века, когда плата стояла на низшем уровне, даже временно понизилась ниже того, что рабочему необходимо было для поддержания жизни, так что государство вынуждено было выдавать рабочим пособия,—при этих условиях отмена дозволенного максимума была безразлична.

Немного дала рабочим первоначально и свобода передвижения и избрания занятий; значение ее могло возрасти лишь со времени появления и развития железнодорожного движения, но и тогда для осуществления этой свободы нужны были средства; иначе рабочий поневоле вынужден был наниматься в определенной местности, уезжать из нее не мог, да и не знал, где имеется спрос. По сравнению с предпринимателем, положение его при заключении договора было неблагоприятное, хотя юридически оба находились теперь в равных условиях. При формально свободном рабочем договоре предприниматель не мог заставить рабочего согласиться на предлагаемые ему невыгодные условия; но голод вынуждал его к этому. Объединение рабочих в союзы, устройство забастовок еще долго запрещалось, рассматривалось как бунт, как неповиновение властям; еще долго сохранялся прежний взгляд на предпринимателя как на начальство, приказаний которого рабочий обязан исполнять, как в былые времена.

Лишь с половины XIX ст., с дальнейшим ростом фабричной промышленности, условия эти изменились. Заработная плата стала возрастать. С одной стороны, это вы-

звалось [увеличением спроса на промышленные изделия, под влиянием сильного падения цен на них; увеличение спроса на товары обозначало расширение промышленности, усиление спроса на рабочие руки. А, с другой стороны, появились коалиции рабочих—временные, устраивавшие забастовки, и постоянные в форме рабочих союзов. Рабочие прибегли к самопомощи. И то и другое заставило предпринимателя повысить заработную плату.

Одновременно с этим изменились и условия труда. С начала XIX ст., а еще более с 30-х годов появляется фабричное законодательство, запрещающее труд малолетних, ограничивающее продолжительность труда подростков и женщин. „Kinderhäuser“ в Австрии были уничтожены, пользование трудом сирот в Англии не допускалось более,—все это совершилось не без борьбы как с предпринимателями, так и с родителями, терявшими заработок детей. Эти меры осуществились не сразу, но, во всяком случае, уже в первой половине XIX ст. точка зрения, под влиянием новых идей, была совершенно иная, чем прежде. Недостаточно было, очевидно, одного устранения прежних ограничений и препятствий; нужно было на расчищенном месте построить новое здание, создать новую организацию хозяйственной жизни.

Адама Смита и его последователей упрекали в непонимании этого, в отстаивании условий производства, выгодных для одних лишь предпринимателей. Действительно, Адам Смит высказывался против всякого вмешательства в экономическую жизнь, он не упоминал о необходимости фабричного законодательства и иных мер в защиту труда. Он их не знал. Все те мероприятия, которые ему были известны, клонились всегда—он сам указывает на это—ко вреду рабочего населения, к выгоде одних лишь хозяев-капиталистов. И поэтому он боялся всякого вмешательства. Что последнее может иметь и иной характер, едва ли могло придти ему в голову,—ему, вынужденному, как

мы видели выше, доказывать современникам, что в повышении заработной платы нет ничего дурного, что и рабочий имеет право на существование. Великая заслуга Адама Смита и его последователей состоит в том, что они добились устранения всего законодательства „старого режима“, отмены кустарных регламентов, и тем самым расчистили почву для создания новых институтов, для регламентации рабочего договора в совершенно новом направлении.

Литература.

Общих сочинений, дающих характеристику всей хозяйственной жизни или хотя бы промышленности и рабочего класса в XVI—XVIII ст., нет ни на русском, ни на иностранных языках. Обзор имеется в моем курсе истории экономического быта (И. М. Кулишер, «Лекции по истории экономического быта Западной Европы». Изд. 5-е, СПб., 1918). Там же указана библиография по каждому отделу. По отдельным странам существуют следующие сочинения: для Франции—Levasseur, «Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France depuis la conquête de Jules Cesar jusqu'à la Révolution», 2-е éd., 1900—1901; второй том содержит эпоху XVI—XVIII ст. D'avenel, «Histoire économique de la propriété, des denrées, des salaires et de tous les prix en général de 1200 jusqu'à 1800». Т. III—IV. Для Англии—Cunningham, «Growth of English Industry and Commerce in Moderne Times», а также Эшли, «Экономическая история Англии с XI до XVI ст.». Перев. с англ., 1897; доходит до начала XVII ст. Для Германии общий обзор в истории Lamprecht'a, «Deutsche Geschichte», отдельные главы в VI—IX томах. О кустарной промышленности, в том числе и этой эпохи, Корсак, «О формах промышленности вообще и о значении домашнего производства в Западной Европе и России», 1861.

Из специальных монографий, которыми мы пользовались, назовем важнейшие (не упоминаем старых авторов XVII—XVIII ст.). Германия. Баден.—Gothein, «Wirtschaftsgeschichte des Schwarzwaldes», 1891. Вюртемберг—Troeltsch, «Die Calwer Zeughandlungskompanie und ihre Arbeiter», 1897. Прирейнские области (промышленность Золингена, Ахена и т. д.)—Thun, «Die Industrie am Niederrhein und ihre Arbeiter», 1880. Herkner, «Die oberelsässische Baumwollindustrie und ihre Arbeiter», 1887. Бавария—Schanz, «Kolonisation und Industrie in Franken», 1880. Schmelzle, «Der Staatshaushalt Bayerns im XVIII. Jahrhundert», 1900. Пруссия—Schmoller, «Wirtschaftspolitik Friedrichs des Grossen» («Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft», т. XI и сл.). Zimmermann, «Blüte und Verfall des Leinengewerbes in Schlesien». Fechner, «Die Fabrikgründungen in Schlesien nach dem siebenjährigen Kriege» («Zeitschr. für ges. Statswissensch.», 1901). Matschoss, «Friedrich der Grosse als Befürderer des Gewerbefleißes», 1912. Молчановский, «Цеховая система в Пруссии в XVIII ст.», 1887. Саксония—Vein, «Die Industrie des sächsischen Voigtlandes», 1886. Кустарная промышленность в Германии вообще—Stieda, «Litteratur, heutige Zustände und Entstehung der Hausindustrie», 1889. Schmoller, «Die Hausindustrie und ihre älteren Ordnungen und Reglements» («Jahrbuch für Gesetzgebung etc.», 1887); «Das Recht und die Verbände der Hausindustrie» (там же, 1891).

Австрия. Pribram, «Geschichte der oesterreichischen Gewerbepolitik», 1908. Max Adler, «Die Anfänge der merkantilistischen Gewerbepolitik in Oesterreich», 1903. Beer, «Studien zur Geschichte der

oesterreichischen Volkswirtschaft unter Maria-Theresia», I. 1897. H a t s c h e k, «Das Manufakturhaus auf dem Tabor in Wien», 1887. M i s e s, «Zur Geschichte der oesterreichischen Fabrilgesetzgebung» («Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung», 1905). R i z z i, «Das oesterreichische Gewerbe im Zeitalter des Merkantilismus» (там же, 1903). F r a n z M a y e r, «Die Anfänge des Handels und der Industrie in Oesterreich», 1882. H a l l w i c h, «Die Anfänge der Grossindustrie in Oesterreich», 1898. S a l z, «Geschichte der böhmischen Industrie in der Neuzeit», 1913.

Франция. M a r t i n, «La grande industrie sous Louis XIV», 1893. M a r t i n, «La grande industrie en France sous le règne de Louis XV», 1900. D e s C i l l e u l s, «Histoire et régime de la grande industrie en France au XVII et XVIII siècles», 1898. M o s n i e r, «Origines et développement de la grande Industrie en France du XV siècle à la Révolution», 1898. C l é m e n t, «Histoire de la vie et de l'administration de Colbert», 1846. G o d a r t, «L'ouvrier en soie. Histoire du tisseur lyonnais», 1899. P a r i s e t, «Histoire de la fabrique Lyonnaise», 1901. H a u s e r, «Les ouvriers du temps passé», 1899. Его же статья в «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1906, 1907, 1908. Е. В. Т а р л е, «Рабочие национальных мануфактур в эпоху революции», 1908. Его же, «Рабочий класс во Франции эпоху революции», 1909—1911. Его же. «Континентальная блокада», 1913. Ш у л ь б и н, «Были ли капиталист. строй во франц. промышленности XVIII века» («Русск. Богатство», 1917, кн. 7—9).

Нидерланды. J u l i n, «Les grandes fabriques en Belgique vers le milieu du XVIII siècle», «Mémoires couronnés de l'academie royale de Belgique». Т. LXIII. P r i n g s s h e i m, «Die wirtschaftliche Entwicklung der Vereinigten Niederlande im XVII und XVIII Jahrh». P i r e n n e, «Geschichte Belgiens», В. III, IV. L e w i n s k y, «L'évolution industrielle de la Belgique», 1911.

Швейцария. G e e r i n g, «Basels Handel und Industrie bis zum Ende des XVII. Jahrh». 1886. W a r t m a n n, «Industrie und Handel im Kanton St-Gallen», 1867.

Англия. C l a p h a m, «Woollen and Worsted Industries», 1907. U n w i n, «Industrial Organisation in the sixteenth and seventeenth centuries», 1904. Его же. «The Gilds and Companies of London», 1908. B a i n e s, «History of the Cotton Manufacture in Great-Britain», 1835. E l l i s o n, «Handbook of Cotton Trade», 1854. J a m e s, «History of the Worsted Manufacture in England», 1857. S c r i v e n o r, «History of the Iron Trade», 1854. R o g e r s, «Six Centuries of Work and Wages», 1884 (есть русск. пер.: «История труда и заработной платы в Англии»). H e l d, «Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands», 1881 (есть русск. пер.: «Развитие русской промышленности в Англии»). M a n o u c h, «La révolution industrielle au XVIII siècle», 1906. L o h m a n n, «Die staatliche Regelung der englischen Wollindustrie vom XV. bis zum XVIII. Jahrhundert», 1900. D e c h e s n e, «L'évolution économique et sociale de l'industrie de la laine en Angleterre», 1900. S c h u l z e - G ä y e r n i t z, «Der Grossbetrieb» (есть русск. пер.: «Крупное производство»). S t e f f e n, «Geschichte der englischen Lohnarbeiter». В. II. Г о б с о н, «Эволюция капитализма».

Шелковая промышленность. A j a n o, «Die venetianische Seidenindustrie und ihre Organisation bis zum Ausgange des Mittelalters», 1893. S i e v e k i n g, «Die Genueser Seidenindustrie im XV, und XVI.

Jahrh. («Jahrbuch für Gesetzgebung» etc. 1897). K o c h, «Geschichte des Seidengewerbes in Köln», 1907. H i n t z e, «Die preussische Seidenindustrie des XVIII. Jahrh». 1902. В. I—III (Acta Borussica). Еро-же «Die preuss. Seidenindustrie des XVIII. Jahrh.» («Schmoller's Jahrbuch», 1893). S c h m o l l e r, «Die preussische Seidenindustrie und ihre Begründung durch Friedrich den Grossen» («Umriss und Untersuchungen», 1898). G o d a r t, «L'ouvrier en soie», 1899. P a r i s e t, «Histoire de la Fabrique Lyonnaise», 1901. K a r s c h u l i n, «Zur Geschichte der oesterreichischen Seidenindustrie», 1890. B u j a s s i, «Die Geschichte der Seidenindustrie in Oesterreich». Deutch. «Die Entwicklung der Seidenindustrie in Oes. terreich 1660—1840», 1908. B ü r c k l i - M e y e r, «Geschichte der Zürcherischen Seidenindustrie vom Schlusse des XIII. Jahrh. bis in die neue Zeit», 1884. T h ü r k a u f, «Verlag und Heimarbeit in der Basler Seidenbandindustrie», 1909.

Стекольная промышленность. F r é m y, «Histoire de la manufacture royale des glaces en France au XVII et au XVIII siècles», 1909. H e c h t, «Die Spiegelfabrik zu Neuhaus in Niederoesterreich, 1701—1844», 1909. S c h e b e k, «Böhmeus Glasindustrie und Glashandel», 1878. H o r n, «Die Geschichte der Glasindustrie und ihrer Arbeiter», 1908. L o b m e y e r, «Geschichte der Glasindustrie». V o p e l i u s, «Entwicklungsgeschichte der Glasindustrie Bayerns».

Керамическая промышленность. S t i e d a, «Die keramische Industrie in Bayern während des 18. Jahrh», 1906. («Abhandl. der philhist. Klasse der sächsich. Gesellsch. der Wissensch.», В. 24). Его же, «Die Porzellanfabrication auf dem Thüringer Walde», 1902. Его же, «Die Porzellanfabrik zu Volkstädt», 1910. Его же ст. в «Deutsche Rundschau», 1906. I.

Ситценабивное производство. D é p i t r e, «La toile peinte en France au XVII et XVIII siècles», 1912. D e p i e r r e, «L'impression des tissus, spécialement l'impression à la main à travers les âges», 1910. G e e r i n g, «Entstehung des Zeugdrucks im Abendlande» («Vierteljahrsh. für Sozial und Wirtschaftsgesch.», В. I).

Кружевное производство. C a r l i e r, «La Belgique dentellière», 1898. D r e g e r, «Entwicklungsgeschichte der Spitze», 1901. F i n c k, «Barbara Ullmann, die Begründerin der Spitzenindustrie im Erzgebirge», 1886.

Кроме того: Адам С м и т, «Богатство народов». Рус. пер. Библ-квн., 1866. М а р к с, «Капитал», т. I. Б ю х е р, «Возникновение народного хозяйства», СПб., 1907. W i e b e, «Geschichte der Preisrevolution im XVI—XVII. Jahrh.», 1896. Н. И. К а р е в, «История Западной Европы в новое время»; его же. «Западно-европейская абсолютная монархия XVI, XVII, XVIII веков», 1908.

Переход к машинному производству в фабриках. дальнейшее развитие фабричной промышленности и влияние его на положение рабочего класса имеется в указ. соч. Маркса, Гельда, Манту, Шульце-Геперница, Стеффена, Тойнби, «Промышленный переворот в Англии в XVIII ст., 1897, и в моем исследовании, I. М. Кулишер, «Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли», т. II—«Деятельный век», СПб., 1908 г.